

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1976

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

П. И. КУЗНЕЦОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Категория имени прилагательного в тюркологии трактуется различно. Большинство авторов не отрицает существования этой категории. При этом, однако, утверждается, что «Прилагательные (если не считать арабских заимствований типа *medenî* 'культурный') могут быть выделены только семантически, а не морфологически»¹. Такая трактовка неприемлема, безусловно, для тех, кто считает семантический критерий недостаточно дискретным. Поэтому, например, А. Н. Самойлович утверждал, что «нет морфологических признаков для установления категорий имен существительных и прилагательных в османско-турецкой грамматике»², и не выделял, соответственно, никаких именных частей речи.

В дальнейшем ряд исследователей стремился разрешить этот вопрос таким образом, чтобы, с одной стороны, не игнорировать семантики слова, а с другой — как-то выявить и формальные — если не морфологические, то хотя бы синтаксические — признаки для выделения указанной категории. Основоположником этого направления может считаться В. А. Гордлевский, который писал: «Место, занимаемое в предложении определением, и бесприставочность определяемого — позволяют выделить прилагательные в особую категорию имен»³. Здесь акцент делается в сфере синтаксиса, роль которого прежде недооценивалась (Жан Дени, например, особо отмечал неизменяемость прилагательного в характерной для него позиции первого члена именной группы⁴).

А. К. Боровков в 1936 году предложил рассматривать части речи в трех аспектах: семантическом (или семасиологическом), морфологическом и синтаксическом⁵. Такой подход к решению вопроса в дальнейшем получил широкое признание в работах советских ученых, хотя, по справедливому замечанию Э. В. Севортяна, нетрудно заметить существенные расхождения между авторами «как в понимании того, что включает в себя тот или иной критерий, так и в оценке роли каждого критерия в кругу остальных»⁶.

¹ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 27; его же. Турецкий язык. М., 1960, стр. 39.

² А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 37.

³ Вл. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 87.

⁴ J. Deni. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1920, § 328.

⁵ А. Боровков. О частях речи в языках тюркской системы. — В сб.: «Революция и письменность», 2. М., 1936.

⁶ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 200.

Убедительный метод квалификации имен предложили турецкие ученые, использующие синтактико-морфологический критерий, сводящийся к тому, что прилагательным считается первый компонент двучлена $C_0 + M_0$ ⁷, например: *yeşil ağaç* 'зеленое (дерево)', *bu (kitap)* 'эта (книга)', *iki (dağ)* 'две (горы)', *altın (yüzük)* 'золотое (кольцо)', *ön (sıra)* 'передний (ряд)', *gelen (haber)* 'пришедшая (весть)' и т. п.⁸ Те же слова в независимой позиции (подлежащее, сказуемое, дополнение) рассматриваются соответственно как местоимение (*bu* 'это'), числительное (*iki* 'два'), существительное (*altın* 'золото', *ön* 'перед').

Концепция турецких языковедов при всей ее практичности имеет, как нам представляется, и несколько уязвимых пунктов.

Прежде всего в этой концепции для идентификации прилагательных используются два, пожалуй, взаимоисключающих способа — синтактико-морфологический и — нигде специально не оговариваемый — семантический (слова типа *yeşil, küçük* в позиции сказуемого: *ev büyük-tür*⁹ 'дом — большой'). Таким образом, происходит деление на прилагательные (*bu, gelen, iki, altın* и т. д. в позиции C_0) и собственно прилагательные (*yeşil, büyük* и т. д.).

Нельзя признать удовлетворительным и решение вопроса омонимии. Синтактико-морфологический критерий четко фиксирует лишь «синтаксическую» омонимию: любое слово в позиции C_0 двучлена $C_0 + M_0$ оказывается прилагательным; попадая в независимую позицию, оно субстантивируется. Однако субстантивация может быть либо окказиональной (ср. *elmanın küçükü* 'маленькое из яблок'), либо полной (ср. *kuşuk* в значении «малыш, дитя» или слово *ak* в значении «белок, бельмо, белое пятно»¹⁰). Выявить это различие с помощью формально-синтаксического критерия не представляется возможным — точно так же, как и различие между полной и окказиональной адъективацией.

Рассмотрим следующий отрывок:

CAM GÖZ

- Bir romanını satın alan kitapçı Peyami Safa'ya sordu:
— Üstat, benim bir gözüm camdandır... Biliyorsunuz, değil mi?
— Evet, biliyorum. — Ama hangisi camdır, onu biliyor musunuz?
(Meşhurların Nükteleri. İst., 1955, стр. 58)

'СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ

Издатель, купивший у Пейями Сафа право на издание одного из его романов, как-то, обращаясь к нему, спросил: — У меня один глаз из стекла... Вы, наверное, знаете об этом? — Да, знаю. — Но который из двух стеклянный (букв.: 'стекло'), вы (это) знаете?.

В этом отрывке трижды упомянуто слово *cam* (*cam göz, camdandır, camdır*). Второй случай не вызывает разногласий: *camdan* — исходный падеж существительного *cam*. Что представляет собой, однако, первое и третье *cam*? По мнению большинства исследователей, в обоих случаях фигурирует имя существительное: в *cam göz* если и есть адъективация, то лишь окказиональная, в *camdır* ее нет вообще. Сторонников омонимии (*cam* = «стеклянный») могут даже обвинить в «переводе с русского языка», хотя сами турецкие ученые интерпретируют первое *cam* как *sıfat*

⁷ Так, С. С. Майзель обозначал «безаффиксный» изафет, типа *altın saat* 'золотые часы (золото-часы)' [см.: С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 15]; в данном случае, однако, под C_0 мыслится любое определение, не получающее падежного аффикса.

⁸ См.: Haydar Edisün. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul, 1963; Muharrem Ergin. Türk Dil Bilgisi. İstanbul, 1962.

⁹ См.: TS = «Türkçe Sözlük», ikinci baskı. Ankara, 1955, стр. 651 (*sıfat*).

¹⁰ Там же, стр. 484 (*kuşuk*, значение 7) и 18 (*ak*, значения 3 и 4).

(прилагательное). В свою очередь, противников омонимии можно упрекнуть в том, что они во всех случаях ориентируются на основное словарное значение слова (*sam* = *стекло* и ничего больше). Идя далее, можно допустить, что, если, в соответствии со взглядами турецких авторов, слово *sam* в сочетании *sam göz* (так же, как *büyük* в *büyük ev*) действительно является прилагательным, то и в сочетании *göz camdır* оно категориально равнозначно слову *büyük* в *ev büyüktür*, то есть также является прилагательным. Так или иначе, приходится констатировать, что использование синтактико-морфологического критерия, как, впрочем, и вообще любого формального критерия, не решает проблемы омонимии турецких имен.

Третий недостаток синтактико-морфологического критерия непосредственно связан со вторым. Данный критерий не позволяет подразделить слова, составляющие первый компонент двучлена $C_0 + M_0$, на прилагательные и приложения. Между тем прилагательное и приложение (в турецком языке так же, как и в русском) — это далеко не одно и то же.

Интересный вопрос был поднят Э. В. Севортьяном в статье «К проблеме частей речи в тюркских языках», где автор широко привлекает для иллюстрации выдвигаемых теоретических положений также и турецкий языковой материал. Речь идет о **тенденциях** грамматического развития такой части речи, как имя прилагательное.

Исходя из того, что тенденции развития языковых категорий легче проследить на материале произведений современных авторов, мы проанализировали 50 страниц (стр. 7—57) одного из относительно новых романов¹¹. Разумеется, столь ограниченный материал не позволяет сделать окончательных выводов. Речь может идти лишь о предварительных замечаниях.

В указанном корпусе мы отмечали все слова в позиции C_0 двучлена $C_0 + M_0$, за исключением указательных местоимений *bu, şu, o*, отрицательного местоимения *hiç*, количественных числительных *bir, iki* ... и количественных наречий *kaç, birkaç, çok*; не учитывались также глагольные формы в этой позиции (различные причастия, формы на *-dik/-acak*). Из отмеченных нами 170 слов, по-видимому, следует исключить 21 слово с формой *-daki* и *-kenki*, не являющейся по своей сути словопроизводной. Из остающихся 149 слов 13 (то есть около 9%) составляют слова, вошедшие в «Турецко-русский словарь новых слов и словосочетаний»¹². Лишь три слова из 13 (*salt* 'абсолютный', стр. 48, *somut* 'конкретный', стр. 8, 10 и *uygar* 'цивилизованный', стр. 55) относятся к числу производных; в остальных словах использованы аффиксы *-li* (4 слова), *-sız* (3 слова) и по одному разу — аффиксы *-el* (*cinsel* 'половой', стр. 22), *-nç* (*ilginç* 'интересный', стр. 21), *-sun* (*yoksun* 'лишенный', стр. 46). Всего зафиксировано 19 случаев употребления перечисленных слов (более всего — *görkemli: görkemli (bir) düğün* 'пышная свадьба' — 5 раз), что составляет приблизительно 6% всех случаев употребления слов в названной выше позиции. Следует отметить, что употребление новых слов и новых словообразовательных аффиксов объясняется в первую очередь стремлением заменить старые прилагательные (арабо-персидского происхождения) новыми, например: *mutlak* → *salt*, *müşahhas* → *somut*, *cinsî* → *cinsel* и т. д. Что же касается тенденции к грамматической дифференциации имени прилагательного¹³, то она в анализируемом отрывке почти никак не проявляется. Правда, производные слова составляют

¹¹ Bekir Yıldız. Evlilik Şirketi, I. baskı, İstanbul, 1972 (в дальнейшем — ЕШ).

¹² А. А. Федосов. Турецко-русский словарь новых слов и словосочетаний. М., 1971.

¹³ Э. В. Севортьян. Указ. раб., стр. 199.

(как показывает приводимая ниже таблица 1) более половины всех слов, употребляющихся в позиции C_0 , однако «корневые» слова встречаются значительно чаще производных. Поэтому отнесение форм словопроизводства к «ведущим критериям» (по выражению Э. В. Севортяна¹⁴) для выделения категории прилагательных не может решить вопроса в целом.

Перечислим девять наиболее частотных имен: *ilk* 'первый' — 19 случаев употребления, *her* 'каждый' — 13, *büyük* 'большой' — 8, *açık* (*aç-ık*) 'открытый', *başka* 'другой', *beyaz* 'белый', *genç* 'молодой', *kırmızı* 'красный', *küçük* 'маленький' — по 7. Таким образом, только эти девять прилагательных употребляются в тексте свыше 80 раз.

Таблица 1

В позиции C_0 двучлена $C_0 + M_0$	Единиц	В % к 149	Случаев употребления	В % к 293
Всего слов	149	100	293	100
Непроизводных слов,	69	46,3	183	62,5
в том числе — чистых прилагательных;	45	30,2	140	47,7
в том числе — слов спорной интерпретации	24	16,1	43	14,8
Производных слов,	80	53,7	110	37,5
в том числе — с афф.				
-li	41		55	
-sız	10		11	
-lık	5		5	
-(ı)k	3		9	
-ci	3		4	
-ci	3		3	
-gen (-gın)	3		4	
-ki	2		4	
-(i)cik	2		4	
-inci	1		4	
-ılı	1		1	
-ı	1		1	
-el	1		1	
-sul	1		1	
-sun	1		1	
-nç	1		1	
-kâr	1		1	

Наибольший интерес в таблице 1, несомненно, представляет строка «слова спорной интерпретации». В числе их — имена, обозначающие материал (*cam* 'стекло', *demir* 'железо', *kurşun* 'свинец'), пространственные отношения (*orta* 'середина', *alt* 'низ', *üst* 'верх'), слова, характеризующие человека (*genç* 'молодой', *ihtiyar* 'старый', *kadın* 'женщина', *komşu* 'сосед'), окружающие условия (*kalabalık* 'толпа', *karanlık* 'темнота', *sıcak* 'жаркий'), и некоторые другие (*gerçek* 'истинный', *son* 'последний' и др.).

¹⁴ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 221.

Приводимая ниже таблица 2 раскрывает особенности функционирования некоторых из этих слов (в сопоставлении с «бесспорными» прилагательными и «чистыми» существительными) в рамках словосочетаний типов C_0+M_0 (где M_0 — существительное), C_0+M_1 (одноаффиксный изафет), C_1+M_1 (двуаффиксный изафет). (Знак «+» указывает на то, что данное слово зафиксировано, «—» — не зафиксировано, « $\mp$ » — редко встречается в рассматриваемой позиции).

Таблица 2

Разряды имен	Имена (в скобках — квалификация TŞ)	Позиция в изафете					
		C_0	M_0	C_0	M_1	C_1	M_1
Прилагательные	<i>iri</i> (s.) 'крупный'	+	—	—	$\mp$	+	+
	<i>iyi</i> (s.) 'хороший'	+	—	—	—	+	+
	<i>kısa</i> (s.) 'короткий'	+	—	—	—	+	+
	<i>fena</i> (s.) 'плохой'	+	—	—	—	+	+
Слова спорной интерпретации	<i>sıcak</i> (s., is.)	+	+	$\mp$	+	+	+
	<i>karanlık</i> (s., is.)	+	+	+	+	+	+
	<i>genç</i> (s.)	+	+	$\mp$	+	+	+
	<i>kadın</i> (is., s.)	+	+	+	+	+	+
	<i>komşu</i> (is., s.)	+	+	+	+	+	+
	<i>orta</i> (is., s.)	+	$\mp$	$\mp$	+	+	+
	<i>üst</i> (is., s.)	+	$\mp$	$\mp$	+	+	+
	<i>demir</i> (is., s.)	+	+	+	+	+	+
Существительные	<i>duvar</i> (is.) 'стена'	—	+	+	+	+	+
	<i>kapı</i> (is.) 'дверь'	—	+	+	+	+	+
	<i>yaz</i> (is.) 'лето'	—	+	+	+	+	+
	<i>aşk</i> (is.) 'любовь'	—	+	+	+	+	+

Примечание к таблице: s. (= sıfat) 'прилагательное', is. (= isim) 'существительное'.

Бросается в глаза «универсальность» слов, собранных во втором подразделении: они встречаются во всех возможных позициях, хотя некоторые из них и обнаруживают определенные черты сходства с прилагательными (так, слова *üst*, *orta* и ряд других редко занимают место первого члена относительного изафета; ср., впрочем, *orta oyunu* 'турецкий народный театр', *genç irisi* 'дюжий детина' и т. п.).

К сожалению, слова «промежуточного» типа допускают тройкую интерпретацию: это могут быть существительные (по мнению многих авторов, значительная группа существительных может входить в состав так называемого «безаффиксного изафета» в позиции определения), омонимы (например, прилагательное *karanlık* 'темный' и существительное

karanlık 'темнота', прилагательное *demir* 'железный' и такое же существительное со значением «железо» и т. д.) и, наконец, какая-то особая часть речи — прилагательно-существительные. Следует отметить также качественную неоднородность группы: если можно спорить о квалификации слова *karanlık* в первой позиции, то в отношении, скажем, слова *kadın* в словосочетании $C_0 + M_0$ (*kadın uçakçı* 'женщина-пилот') двух мнений быть не может — это существительное. В связи с этим отпадают вторая и третья из указанных выше возможных интерпретаций и остается только первая. Но возникает новый вопрос: является ли данное слово (и ему подобные) действительно определением?

Сопоставим точки зрения. С. С. Майзель полагал, что «дифференциация предместности и качественности в турецком языке находит поддержку и **точное средство проверки** в изафете»¹⁵ (выделено нами. — П. К.). Это «точное средство» состояло в следующем: если «спорное» имя входит в состав изафета (в частности, $C_0 + M_0$), то перед нами имя существительное, если нет — прилагательное. Что же касается вопроса о том, какие имена могут включаться в изафет, а какие — нет, то автор решал его сугубо авторитарно. Право называться изафетными он признавал, например, за словосочетаниями *fötr şapka* 'фетровая шляпа', *taş köprü* 'каменный мост' и даже *kadın doktor* 'женщина-врач' и *yüz şekil* 'то форм' (!?), но отказывал в этом праве сходным по форме компонентам сочетаниям *komşu ev* 'соседний дом', *karanlık oda* 'темная комната', *arka kapı* 'задняя дверь'¹⁶.

С данной позицией автора не согласен редактор книги А. Н. Кононов, который считает, что «совокупность семантико-морфолого-синтаксических показателей и связей **всегда и точно** позволяет определить принадлежность того или иного слова к той или иной части речи»¹⁷, и на этом основании все перечисленные выше слова относит к категории имен существительных¹⁸. Впрочем, возникает вопрос: если *komşu*, *karanlık*, *arka* и т. п. в позиции C_0 — существительные, то почему о такого рода словосочетаниях не упоминает раздел грамматики, посвященный изафету¹⁹?

Думается, что споры вокруг исследуемого контингента слов не возникали бы, если бы была точно известна **семантика** этих слов в позиции C_0 . Однако — для иностранных (нетурецких) ученых — грамматическая семантика части речи является, как пишет Э. В. Севортян, «не средством, а целью лингвистического анализа»²⁰; в то же время турецкие ученые этим вопросом не задаются (посредством синтактико-морфологического критерия, как отмечалось выше, семантики не определишь). Поэтому для нас в сложившейся ситуации не остается иного выхода, как пытаться искать решения вопроса... опять-таки на путях формальных расследований. И хотя такая попытка далеко не всегда

¹⁵ С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 20—21.

¹⁶ Там же, стр. 20—22.

¹⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 223 (курсив автора).

¹⁸ С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 19 и 23 (примечания редактора).

¹⁹ А. Н. Кононов. Указ. раб., § 807.

²⁰ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 218. Вряд ли, однако, грамматическая семантика части речи может являться целью лингвистического анализа для самих турецких ученых, даже с учетом того обстоятельства, что, в связи с непрерывностью языковых изменений, в каждый данный отрезок времени в языке (любом) не может не быть таких явлений, которые, по причине незавершенности процесса, должны восприниматься говорящими различно. Сравните русское словосочетание *в общем*, которое, судя по большому числу орфографических «ошибок», многими принимается ныне за одно слово, например: *Вобщем (в общем) было весело*.

приводит к желанной цели²¹, однако некоторые положительные результаты, думается, все же могут быть достигнуты.

Обратимся к следующим словосочетаниям: *kimsesiz ve karanlık odalar* (ЕŞ, 34) 'пустые и темные комнаты', *karanlık ve gür ormanlar* (ЕŞ, 38) 'мрачные и густые леса', *sıcak ve dar bir oda* (ЕŞ, 47) 'жаркая и тесная комната'. Если слово спорной квалификации попадает в один ряд с явными прилагательными, объединенное с ними союзом *ve* 'и', то этот факт ясно показывает, что в данной позиции оно является **прилагательным** (в противном случае пришлось бы давать такую трактовку: «мрак и густые леса», «жара и тесная комната», что исключается контекстом). Аналогичным образом доказывается принадлежность к прилагательным и некоторых других слов, например, *son* 'конец; последний' (ср. *ilk ve son başarı* 'первый и последний успех'). Выступая как прилагательные, такие слова ведут себя в этом качестве и во всех других отношениях: получают характерные приметы степеней сравнения (*daha karanlık oda* 'более темная комната', *en sıcak zaman* 'самое жаркое время')²², им предшествуют наречия типа *pek, çok* 'очень', *epeyce* 'весьма' и т. п. (*pek karanlık oda* 'очень темная комната'), могут использоваться в качестве приглагольного определения (*Son gülen (en) iyi güler* 'Хорошо смеется тот, кто смеется последним'²³). С помощью этих примет нетрудно зафиксировать наличие омонимов (прилагательное — существительное) внутри таких словарных единиц, как *soğuk* 'холодный; холод', *genç* 'молодой; молодой человек', *ihtiyar* 'старый; старик' (Ср. в рассказе О. Сейфеттина «Külâh»: *en miskin, en hasta, en ihtiyar hayvanları bile alıyor (du)* 'он покупал даже самых вялых, самых больных, самых старых лошадей', *çok ihtiyar olduğu için* 'поскольку он был очень стар', *Ihtiyar... ümit etmiyordu* 'Старик не надеялся...'), *kalabalık* 'толпа; многолюдный' [Ср. в КММ (*Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. Sofya*, 1960), стр. 19: — *Aileniz kalabalık mı? — Eh, epeyce (=epeyce kalabalık)* '— У вас большая семья? — Да, весьма'] и др.

Таким образом, принципиальная несостоятельность позиции противников омонимии существительных — прилагательных очевидна. Вместе с тем значительная часть работы в этой области еще впереди. Хотелось бы найти какие-то — прямые или косвенные — свидетельства наличия омонимии в таких разрядах слов, как имена со значением материала и пространственных отношений, хотя в целом трудно сомневаться в том, что во всех этих случаях мы сталкиваемся с омонимами, относящимися к категориям имен существительных (исходное словарное значение) и

²¹ Семантические сдвиги (если они есть), как правило, первичны. Изменения в форме (включая и написание) могут вытекать из них (ср. русское *сего дня* → *сегодня* или *bi gün* → *bugün*), но могут и не вытекать; в этом последнем случае исследование «формы» ничего не дает. Тринединный критерий (семантика — морфология — синтаксис) не является универсальным средством решения всех спорных вопросов, хотя в ряде случаев он может иметь решающее значение (так, слитное написание — *сегодня* или *bugün* — свидетельствует о том, что бывшие словосочетания превратились в слова. Однако раздельное написание — например, *в общем* — еще не доказывает того, что процесс *словосочетание* → *слово* не завершен).

²² В данном случае не играет существенной роли то обстоятельство, что степени сравнения выражаются аналитически.

²³ Ср. трактовку слова *son* А. Н. Кононовым (А. Н. Кононов. Упом. раб., § 223). Следует, однако, подчеркнуть, что недопустимо абсолютизировать те или иные формальные признаки имени прилагательного. Так, если последний признак (возможность приглагольного употребления), как правило, доказывает принадлежность данного слова к категории имени прилагательного, то его отсутствие еще не позволяет делать обратного вывода: трудно, например, представить себе в приглагольной позиции прилагательное со значением *зеленый* или *железный*. (Впрочем, в русском языке примерно четверть века тому назад появилось наречие *железно*, пока, кажется, не зафиксированное ни одним словарем. Ср., в частности, постоянно употребляемое шахматистами выражение *железно стой* — в значении «имею прочную, хорошую позицию»).

прилагательных. Поиски доказательств сопряжены здесь, однако, с большими трудностями, поскольку прилагательные названных типов в турецком языке, как и в русском: а) как правило, не имеют степеней сравнения, б) им не предшествуют наречия типа *pek, epeyce* (очень, весьма) и др., в) они не попадают в позицию притягательного определения (обстоятельства), г) не сочетаются союзной связью с прилагательными других типов (ср. недопустимость сочетаний типа *красивые и золотые часы*), д) обычно примыкают непосредственно к определяемому (ср. *красивые золотые часы* и *güzel altın saat*, а не *золотые красивые...* и *altın güzel ...*²⁴), что затрудняет их идентификацию. Все же некоторые косвенные свидетельства имеются. К их числу следует отнести далеко уже не единичные случаи перехода неопределенного артикля *bir* в интерпозитивное положение (*bir taş köprü* → *taş bir köprü* 'каменный мост', по аналогии с *sağlam bir köprü* 'прочный мост'), на что, кажется, впервые обратил внимание С. С. Майзель²⁵, а также тот факт, что некоторые слова названного типа не только получают в словарях двойные пометы (is., s.), но и рассматриваются иногда — скорее всего, по ошибке — в двух **разных словарных гнездах** (то есть как слова, просто совпадающие по звучанию), так что какие-либо сомнения в квалификации таких слов вряд ли могут иметь место²⁶: *orta* (II) 'середина', *orta* (III) 'средний'.

Как уже отмечалось выше, двучлен $C_0 + M_0$ внутренне не однороден. Первый его компонент может быть не только прилагательным, но и существительным (например, в сочетаниях типа: *kadın uçakçı* 'женщина-пилот', *Doktor Hikmet* 'доктор Хикмет', *Binbaşı Teşfik* 'майор Тешфик', а может быть, и *gül yanak* 'роза-щека'). В турецкой лингвистической литературе не встречается термин, равнозначный русскому *приложение*. Его частичным эквивалентом является слово *ünvan* '(на)звание, эпитет'. Однако, согласно М. Эргину²⁷, «назывной группой» (*ünvan grubu*) считается лишь такая, где имя собственное стоит на первом месте (например, *Teşfik Binbaşı*) и не может, естественно, трактоваться как прилагательное. Если же в препозиции оказывается имя нарицательное (*Binbaşı Teşfik*), то такой комплекс Эргин квалифицирует как обычную «прилагательную группу» (*sıfat tamlaması*), то есть — словосочетание *прилагательное+существительное* (здесь — имя собственное). Но если сопоставить все перечисленные словосочетания и определительные группы типа *taş köprü* 'каменный мост', то окажется, что они существенно разнятся между собой. Слово *taş* (в *taş köprü*), интерпретируем ли мы его как существительное или как прилагательное, является **определением** имени *köprü* и может заменить собою определяемое лишь в редких случаях окказиональной субстантивации; между тем существительное *binbaşı* (в *Binbaşı Teşfik*) представляет собой **дополнительное наименование** предмета (лица), способное легко заменить основной член словосочетания и по праву квалифицируемое как **приложение**, независимо от его позиции (пре- или пост-) внутри группы²⁸.

²⁴ С. С. Майзелем (см. его упомянутую работу, стр. 132) зафиксирован, впрочем, такой пример: *ipek beyaz bayrak* (*Refik Halit. Çete, Semih Lütfi Kitabevi*, стр. 62) 'шелковое белое знамя'.

²⁵ С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 71.

²⁶ См.: «Türkçe Sözlük», стр. 572.

²⁷ Muharrem Ergin. Указ. раб., § 673.

²⁸ Интересно отметить, что Ш. Атенев, экспериментально изучивший интонацию приложения в современном казахском языке (см.: Ш. Атенев. Интонация приложения в современном казахском языке. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 102 и сл.), пришел к выводу, что «необособленное приложение в препозиции и постпозиции является самостоятельной грамматической категорией в современном казахском языке» (стр. 111).

* * *

$C_0 + M_0$ — это лишь одна группа определительных словосочетаний. Другую ее группу составляет двучлен $C_0 + M_1$ (обычно именуемый одноаффиксным, или относительным, изафетом), например: *otomobil fabrikası* 'автомобильный завод'. В этом сочетании определяемое существительное снабжено аффиксом принадлежности, который «указывает на то, что стоящее перед ним определение является не прилагательным, а существительным»²⁹. Это мнение разделяет большинство авторов (считающих, впрочем, что определение может быть существительным и при отсутствии названного аффикса). Т. И. Грунин, кажется, первым предложил трактовать начальный член изафета $C_0 + M_1$ как относительное прилагательное³⁰, причем он тоже уделил большое внимание аффиксу принадлежности $-(s)i$. Однако, в отличие от Э. В. Севортяна, он утверждал: «Значение относительного прилагательного слово приобретает в том случае, если определяемое определительного словосочетания оформляется аффиксом $-i$ ($-si$)...»³¹.

Разумеется, форма связи определения с определяемым имеет немаловажное значение, но следует учитывать, что она может быть идентичной в явно неоднотипных словосочетаниях, ср. *akşam gazetesi* 'вечерняя газета' и *Akşam gazetesi* 'газета «Акшам»'. Более существенным мы считаем следующее замечание Т. И. Грунина: «Что первый компонент определительных словосочетаний синтетического типа не является именем существительным (хотя бы и неопределенным), подтверждается и тем, что сам он, будучи выразителем признака, не может быть определяем»³². В самом деле, если первый компонент словосочетания есть имя существительное, то почему же предшествующее ему прилагательное относится не к нему, а к другому существительному, с которым оно не имеет контактной связи?

Однако, соглашаясь в принципе с замечанием Т. И. Грунина, мы не можем не отметить его излишней категоричности («первый компонент... не может быть определяем»³³). Языковые факты говорят о том, что он как раз **может** быть определяем и притом отнюдь не в каких-то исключительных случаях. Вот несколько примеров из *Bir Sür (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir Sürgün. İstanbul, 1945)* и KMM: *...bir kabahat işlerken yakalanmış küçük bir çocuk utangaçlığıyla...* (*Bir Sür.*, 19) '... со смущением **маленького ребенка** (смутившись, как маленький мальчик), попавшегося на какой-то проделке...'; *... eli kolu boş, hapishane kaçkını bir serseri vaziyetinde dolaşmak* (*Bir Sür.*, 19) 'разгуливать в положении **какого-то бродяги, беглого арестанта**, не имеющего ни кола, ни двора...'; *... kavgaya hazır bir adam sertliğiyle...* (*Bir Sür.*, 34) '... с воинственностью (букв.: 'жесткостью') **человека, готового к схватке**'; *... bir ihtiyar sarhoş gözleri...*

²⁹ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 207.

³⁰ Т. И. Грунин. Имя прилагательное в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1955, № 4. Аналогичную в принципе точку зрения высказывали В. М. Насилов и автор настоящей статьи, работы которых были опубликованы два-три года спустя. [См.: В. М. Насилов. Имена в уйгурском языке. — В сб.: «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., 1958; П. И. Кузнецов. О принципах выделения частей речи (на материале турецкого и русского языков). — «Сборник трудов по языкознанию». М., 1957, № 1].

³¹ Т. И. Грунин. Указ. раб., стр. 62.

³² Там же, стр. 63.

³³ Само по себе это утверждение не ново. Его всячески подчеркивал С. С. Майзель. [См.: С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 129 и 131; см. также: С. Н. Иванов. К истолкованию категории принадлежности (на материале турецкого языка). — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 30].

(Bir Sür., 37) '... глаза старого пьяницы'; *beş on dakikada bir, gecikmiş bir kaç kişinin birer gölge sessizliğiyle duvar kenarlarından süzülüp uzaklaştığı görülüyordu* (Bir Sür., 40) 'раз в пять-десять минут можно было видеть, как несколько запоздалых путников беззвучно, как тени (досл.: [каждый] с беззвучностью одной тени) скользили вдоль стен'; ... *çünkü hal ve tavrında hiç de lisan bilen bir insan kılığı yoktu* (КММ, 12) '... ибо в его поведении и манерах не было (ничего от) облика человека, знающего языки'; ... *kürk mantolu bir kadın portresi...* (КММ, 46) '... портрет женщины в меховом мантио...'

Во всех приведенных словосочетаниях и предложениях неопределенный артикль *bir* и другие определения относятся исключительно к первому члену относительного изафета: *kürk mantolu bir kadın portresi*³⁴. Правда, в отдельных примерах можно при желании усматривать отпадение генитивного аффикса по «стилистическим соображениям»³⁵, но такая трактовка абсолютно исключена в следующих двух случаях: *Bu vücutların hepsinden birden bir yağlı saç, bir yarım yamalak yıkanmış ten kokusu yayılmakta idi* (Bir. Sür., 18) 'От всех этих (погруженных в сон) людей исходил (характерный) запах засаленных волос и кое-как вымытых тел'; *Arada bir, doktor Hikmet'in hiç alışmadığı bir ses, bir feryat, bir boğazlanan hayvan sayhası; bir otomobil klaksonu* (Bir. Sür., 40) 'Время от времени (доносится) звук, совершенно не привычный (для уха) доктора Хикмета: (словно бы) какой-то вопль, какое-то блеяние приканчиваемого барана (досл.: 'животного'); это — рожок автомобиля...'

В обоих примерах неопределенный артикль *bir* относится к определяемому: *bir (yağlı saç) koku(su)*, *bir (... yıkanmış ten) koku(su)*, *bir (boğazlanan hayvan) sayha(sı)*, 'что исключает возможность постановки имени-определения в родительном падеже; между тем неизафетные определения относятся все же к первому компоненту (*yağlı saç* 'засаленные волосы', *yıkanmış ten* 'вымытые тела', *boğazlanan hayvan* 'приканчиваемое животное'), а не к определяемому, как это бывает в большинстве случаев.

Приведенные примеры говорят о том, что относительный изафет внутренне неоднороден. Имена *saç*, *ten*, *hayvan* должны трактоваться здесь (и в аналогичных примерах) как обычные имена существительные, причем связь между этими существительными и M_1 в ряде случаев следует квалифицировать как *притяжательную* (при этом C_0 чаще всего сопутствует показателю неопределенности). Поэтому из двух возможных трактовок предложения *İhtiyar bir kadın sesi* (ЕŞ, 47): 1) 'Это был старческий женский голос' и 2) 'Это был голос старой женщины' предпочтение следует отдать второму варианту (ср. также выше: *bir ihtiyar sarhoş gözleri* 'глаза старого пьяницы'), который к тому же обусловлен и контекстом: *Dişleri ve memeleri dökmüş, bir ihtiyar kadın* 'Старой женщины с выпавшими зубами и опавшей грудью...'

Употребление изафета C_0+M_1 для выражения идеи принадлежности (понимаемой, конечно, в самом широком смысле этого слова) вряд ли может считаться неожиданным. Данный двучлен, несомненно, древнее изафета C_1+M_1 (таким образом, компонент C_1 является отмеченным членом оппозиции). Если признать притяжательную связь древнее от-

³⁴ В связи с этим вспомним утверждение С. С. Майзеля: «Этот изафет может быть только целиком либо определенным, либо неопределенным, причем показатели определенности или неопределенности могут относиться к M_1 , но никак не к C_0 ». (С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 68).

³⁵ Там же, стр. 139.

носительной (что более или менее очевидно), то нельзя не прийти к выводу, что «наиболее архаичным значением изафета II (то есть $C_0 + M_1$. — П. К.) было выражение принадлежности»³⁶.

Что касается релятивного значения двучлена $C_0 + M_1$, то его возникновение связано, по-видимому, с идеей (и категорией) неопределенности: *падишах гызы*³⁷ 'дочь падишаха' → *бир падишах гызы* 'дочь одного (какого-то/какого-нибудь)'³⁸ падишаха' → (*бир*) *падишах гызы* '(одна) падишахская дочь'.

Имеет ли определение в последнем примере значение обобщенного родового названия³⁹ или здесь можно говорить уже о значении относительного признака предмета? В настоящее время дать обоснованный ответ на этот вопрос мы считаем затруднительным. Турецкие лингвисты высказываются по данной проблеме мало и не вполне определенно. Так, Мухаррем Эргин пишет: «(Eksiz tamlayan) Tamlananın daimi destekleyicisi, ayrılmaz yardımcı, adeta onun mânâsını tamamlayan sıfatı durumundadır. Sanki ikisi bir nesnenin adı olmak için birleşik isim meydana getirmişlerdir»⁴⁰ 'Определение без аффикса (родительного падежа) является постоянной опорой определяемого, его неотделимым помощником, как бы (его) прилагательным, дополняющим его смысл. Словно бы то и другое образовали вместе сложное имя для обозначения единого понятия (предмета)'.

Несомненно, М. Эргин вплотную подходит к признанию «прилагательного» характера определения в относительном изафете. Тем не менее он делает оговорки (*âdeta* 'как бы, можно сказать'). Если бы имена в указанной позиции обретали в полной мере значение признака, ничто, по-видимому, не препятствовало бы употреблению таких слов в названном качестве и в других синтаксических позициях. Например, вместо *otomobil fabrikasına gidiyor* 'он идет на автомобильный завод' можно было бы сказать *otomobile gidiyor* 'он идет на автомобильный'.

Так, действительно, говорят. Приведем два примера: 1) *Sami onun Yeşildirek'teki çorap atelyelerinden birinde çalıştığını bilirdi. ... — Dokumacısınız galiba? ... Sami: — Evet, demişti. Sizde çorapta değil mi? (Orhan Kemal. Grev, Ankara, 1954, стр. 106, 107).* 'Сами знал, что она работает в одной из чулочных мастерских в Ешилдиреке. ... — Вы, вероятно, ткач? ... — Да, — ответил Сами. — А вы в чулочной (мастерской), так ведь?'. 2) *Kendisi okumamıştı ama, tütün den aldığı karısı «tahsilli» idi.* (Sabahattin Ali. Bütün eserleri, Sofya, 1966, стр. 408). 'Сам он [никогда] не учился, но жена, которую он взял с табачной [фабрики], была «образованная»'.

К сожалению, и в этих случаях возможна двоякая трактовка; например: 1) с табачной, 2) с табака (в значении: с фабрики). При таких условиях утверждение о наличии в турецком языке относительных прилагательных типа *otomobil* 'автомобильный' представляется излишне категоричным. Мы должны говорить пока лишь о тенденции к сближе-

³⁶ Н. З. Гаджиева. Природа изафета в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 23.

³⁷ Мы используем пример Н. З. Гаджиевой. (См.: Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 24).

³⁸ Под неопределенным можно понимать нечто хорошо известное, например, **говорящему** (См.: Э. В. Севортян. Прямое дополнение в турецком языке. — «Вестник МГУ», 1948, № 12, стр. 82—83): *один*, неизвестное, но конкретное: *один, какой-то*, наконец, — неотличимое от прочих однотипных единиц: *один, какой-нибудь, любой*.

³⁹ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков. Ташкент, 1969, стр. 34.

⁴⁰ Muharrem Ergin. Указ. раб., § 662 (курсив мой. — П. К.).

нию первого компонента относительного изафета с именем прилагательным⁴¹ и можем, как представляется, воспользовавшись возрожденным недавно к жизни термином «квази-» (*quasu-*)⁴², называть такие имена **квази-существительными**.

Подытожим сказанное.

1. Двучлен $C_0 + M_0$ не является гомогенным: его первый компонент может быть либо определением (типы А, Б), либо приложением (тип В: *kadın uçakçı* 'женщина-пилот').

1.1. Двучлен типа А (*yeşil ağaç* 'зеленое дерево') состоит из прилагательного + существительное.

1.2. Вопрос о квалификации первого члена словосочетаний типа Б — *taş (köprü)* 'каменный (мост)', *son (ders)* 'последний (урок)' и т. п. — сводится к проблеме его распада или нераспада на две обособленные единицы (два омонима).

1.2.1. Удастся показать, что многие из рассматриваемых единиц (например, *karanlık* 'темнота; темный') распадаются на омонимы со значениями существительного и прилагательного.

1.3. Анализ выявляет недостаточность формальных критериев классификации лексики, которые либо не оставляют места для конверсии и омонимии, либо не различают окказиональных и узуальных явлений.

2. Двучлен $C_0 + M_1$ подразделяется на два основных типа, причем в типе А предшествующее прилагательное относится к определяемому (*büyük otomobil fabrikası* 'большой **автомобильный** завод'), а в типе Б — к определению (*ihtiyar bir kadın sesi* 'голос старой **женщины**').

2.1. Двучлен типа Б состоит из двух существительных.

2.2. Первый компонент двучлена типа А может интерпретироваться либо как существительное (*otomobil* 'автомобиль'), либо как прилагательное (*otomobil* 'автомобильный'), однако доказать правильность той или иной трактовки пока не представляется возможным.

2.2.1. Несомненна тенденция к адъективации первого компонента двучлена типа А. Однако вплоть до окончательного решения вопроса первый компонент двучлена названного типа предпочтительнее называть не «прилагательным», а «квази-существительным».

⁴¹ Такую трактовку не исключает, в частности, правда, в ограниченных пределах, А. А. Юлдашев (См.: А. А. Юлдашев. Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 81).

⁴² См.: С. А. Соколов. Типология сложных синтаксических конструкций в турецком языке. — В сб.: «Вопросы тюркской филологии». М., 1966, стр. 155—156.

В. Ш. ПСЯНЧИН

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АФФИКСОВ СРАВНИТЕЛЬНОЙ И УМЕНЬШИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНЕЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном башкирском языке существуют четыре степени прилагательных: положительная, сравнительная, превосходная и уменьшительная.

Положительная степень характеризует слово в позитивном значении: кого 'сухой', еге 'крупный', jāšel 'зеленый', обоп 'длинный' и т. д. Kiñ bolondar, zāngārhyu бағуыбар пурға күмелде 'Широкие луга, голубоватые поля сверкают под лучами'.

Сравнительная степень показывает соотношение наличествующего качества с нормативным его значением и, как известно, образуется синтетическим и аналитическим способами. Особая роль в образовании ее принадлежит аффиксу -raq (-rāk).

Аналитический способ образования сравнительной степени прилагательных включает в себя несколько видов: а) сравниваемый предмет стоит в основном падеже, а предмет, с которым что-либо сравнивается, находится в исходном падеже: Sāj aştan tämleräk buldy 'Чай был слаще супа' (З. Бишева). Следует добавить, что при этом прилагательное может быть и в положительной, и в сравнительной степени, например: Eš höjlägändän dä jaman (yraq) buldy (З. Бишева) 'А дело было хуже, чем говорили'; б) название сравниваемого предмета стоит в дательном падеже в сочетании с послелогом qağayanda плюс прилагательное с сравнительным аффиксом -raq, -rāk; -yraq, -eräk: Kem belä, Xäsän uya qağayanda ölkän-eräk, bälki döğöñn dä äjtkän bulyr ine (С. Агиш) 'Кто знает, Хасан гораздо старше его, может быть, он говорил бы и правду'; в) перед прилагательным, стоящим в сравнительной степени на -raq..., ставится слово тауу la, которое придает прилагательному дополнительный экспрессивный оттенок, например: Oj ese тауу la томраға, қуғуңы-ға (З. Бишева) 'В доме еще душнее, теснее'.

В современном башкирском языке сфера употребления аффикса -raq достаточно широка. Он присоединяется к наречию, именам существительным, стоящим в пространственных падежах (дательно-направительном, исходном и местно-временном). Следует заметить, что эти падежи встречаются чаще всего там, где местные падежи уже успели утвердиться, выражая наречия. Например: Ajbulat üdenen bötä nämälären julğa äderläp böttö, ber urynğa sitkäräk öjdö lä ipläp kenä djädjä Griša janypa kilde (в дательно-направительном падеже) 'Айбулат приготовил все свои вещи в дорогу, сложил их в сторонку, на одно место, и осторожно подошел к дяде Грише' (Х. Давлетшина); Fazlyj byl kәñäškä quşylmany, töptäneräk aqyl jöröttö (в исходном падеже) 'Фазлы не

присоединился к этому совету, он более серьезно мыслил' (Б. Бикбай) и т. д. Аффикс *-raq...* присоединяется также к местоимениям (*qasapıraq, nındäjeräk, şulajıraq, übenäräk, niseğeräk*), к глаголам (*torıraq, eşläberäk, alıansaraq, qajıartmaııpsaraq*), к послелогам (*menäneräk*), к частицам (*bigeräk*), к модальным словам (*jıııraq, kārägeräk*).

Ряд исследователей языка письменных памятников и диалектов живых языков указывает на наличие сравнительной степени прилагательных на *-raq, -räk*¹. Однако вопрос о том, из каких элементов возник данный аффикс, пока не решен. Осложненные аффиксы современных языков суть результат контаминации нескольких показателей, каждый из которых в определенную эпоху развития языков функционировал как аффикс определенной грамматической категории. На эту особенность природы аффиксов осложненного типа в языкознании одним из первых обратил внимание Н. Я. Марр, писавший о показателе множественного числа в кавказских этнонимах: «... еще более возрастает разнообразие множественного числа от сугубого, тройного или даже четверного и более кратного его образования, когда в одном и том же слове одно окончание множественного числа нарастает на другое, один показатель множественности на другой... например, в образовании множественного числа на *z+de+r'+il* (<*z+de+ri+il*) в одном из видов аварского названия их самих *hunzderil* четыре окончания множественного числа (*-z, -de, -r(i), -il*); здесь последняя наносная составная группа *-deril*, совокупность трех окончаний»².

Аналогичная идея применительно к тюркским языкам была развита в последние годы Дж. Г. Киекбаевым, установившим на основе теории определенности и неопределенности, что современные тюркские аффиксы осложненной формы состоят из отдельных элементов, выполнявших роль показателя той или иной грамматической категории. Дж. Г. Киекбаев утверждает, что в тюркских языках отсутствуют случаи образования множественного числа имен путем присоединения простых аффиксов. Аффикс *-lar* или чувашский *-sem* исторически представляют собой сращение простых показателей множественного числа других алтайских языков³.

В последние годы идея многосоставности тюркских аффиксов приобретает все больше и больше сторонников⁴.

Аффикс *-raq*, функционирующий и в древних, и в новейших языках, не имеет другого звучания, если пренебречь отдельными отклонениями,

¹ См.: П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899; Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 109; Ф. Г. Исхаков. Имя прилагательное. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, 1956, стр. 143—175; Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971, стр. 168; В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970; Э. Фозылов. Узбек тилининг тарихий морфологияси. Тошкент, 1965, стр. 54—55; Г. Айдаров, Э. Курышжанов, М. Томенов. Көпө түркі жазба ескерткіштеринің тілі. Алматы, 1971, стр. 230 и т. д.

² Н. Я. Марр. Кавказские племенные названия и местные параллели. — «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России». Петроград, 1922, № 5, стр. 14.

³ Дж. Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, стр. 110.

⁴ Г. Ф. Благова. Плеонастическое использование аффиксов в тюркских языках в историческом освещении. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6; А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969; его же. О фузии в тюркских языках. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 108—120; Б. А. Серебренников. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1; его же. О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 276—288; его же. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 169—170.

обусловленными фонетическим строем некоторых языков (например, башк. -уғаҡ, -егәк, -оғаҡ, -өрәк; -һалҡын-уғаҡ 'холоднее', көгән-егәк 'коричневее', tokos-оғаҡ 'короче', төрөш-өрәк 'ниже' и т. д.). Подобное единообразие данного аффикса позволяет предположить, что он в данном виде утвердился в тюркских языках давно, еще в эпоху общетюркского праязыка, хотя Н. К. Дмитриев и замечал, что «... башкирский -ғаҡ в лучшем случае имеет тенденцию превратиться в обычный показатель сравнительной степени, но пока (особенно в разговорной речи) дело еще не дошло до этого»⁵.

По мнению А. Н. Кононова, аффикс -ғаҡ состоит из двух элементов: -га+q; например, в аффиксе -mtiraq, -mtiräk, по его мнению, соединены три уменьшительных аффикса: bājaz+ -um -t(y) -га-q 'беловатый'; saɣu+ -m -tu -га-q 'желтоватый'⁶. Число сложных уменьшительных аффиксов у А. Н. Кононова, таким образом, возрастает, например, ak-su-га-q 'беловатый'. Как мы видим, в этих примерах система одна и та же: комбинация уменьшительных аффиксов или уменьшительных и уподобительных аффиксов⁷. На основе анализа многочисленных примеров с уменьшительными аффиксами А. Н. Кононов приходит к справедливому выводу о том, что «можно с полным основанием утверждать, что большинство тюркских формо- и словообразующих аффиксов обязаны своим происхождением не превращению лексической единицы в аффиксальные морфемы, а фузии, т. е. прочному слиянию (сплавлению) двух или нескольких однофонемных (не считая „соединительного“ гласного) морфем в единое сложное целое»⁸.

По мнению Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебренникова, общетюркский аффикс -ғаҡ, образующий сравнительную степень прилагательных, состоит из элементов -г и -q, исторически являющихся показателями собирательной множественности. «Первый элемент -г, — в частности, пишут они, — связан с суффиксом собирательной множественности -г, который является и составной частью аффикса множественного числа -lag, элемент -к мог быть также аффиксом собирательной множественности»⁹. Это положение Б. А. Серебренников в другом месте обосновывает следующим образом: «Материалы уральских и тюркских языков наглядно показывают, что суффиксы собирательной множественности иногда использовались в роли суффиксов прилагательных, причем это использование могло осуществляться в трех направлениях: 1) образование на их базе суффиксов, обозначающих ослабленное качество, 2) образование суффиксов, обозначающих повышенную степень качества и 3) использование в роли суффиксов отыменных прилагательных»¹⁰. Таким образом, «... суффикс -gak (-gäk), ср. тат. jaxşu 'хороший', но jaxşu-gak 'лучше', ... до превращения в суффикс сравнительной степени... обозначал в этих (кыпчакских. — В. П.) языках повышенную степень качества... Дробность предметов может быть ассоциирована не только с понятием уменьшительности, но и с понятием обилия чего-либо»¹¹.

⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 87.

⁶ А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках, стр. 118.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 116 (разрядка А. Н. Кононова).

⁹ Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1974, № 1, стр. 10.

¹⁰ Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 167.

¹¹ Там же, стр. 169.

Исследование истории развития указанного аффикса на основе теории определенности и неопределенности отчасти подтверждает правильность предположения Б. А. Серебренникова. Однако, на наш взгляд, происхождение аффикса *-raq* не вполне соответствует гипотезе, выдвинутой Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебренниковым.

В истории формирования аффикса *-raq*, вероятно, участвовали следующие элементы: *-г* является показателем глагола неопределенного будущего времени типа башк. *eślä-g* 'поработает (видимо)'; в башкирском языке у глагольных основ, оканчивающихся на согласный, перед элементом *-г* появляется гласный *-y*, и в итоге аффикс обретает форму *-yг*: *kil-eg* 'придет', 'придет (видимо)', *jađ-yг* 'напишет (видимо)'. В данном случае элемент *-г* присоединился и, будучи показателем общепалеоалтайского множественного числа, образовал неопределенное будущее время глагола¹². Например, общетюркское *at-lar* 'лошади', эвенк. единственного числа *kuŋaqaŋ* 'ребенок', множественного числа *kuŋaka-g* 'дети'¹³ и т. д.

Элемент же *-г* как показатель собирательной множественности мог образовать и форму императива от имени прилагательного, например: *kuju-g* 'становись густым', *jaqšu-g* 'становись хорошим'. Время совершенного действия, заключенного в данной глагольной форме, остается неизвестным, то есть неопределенным. К этой основе в дальнейшем наращивался широкий гласный *-a* или *-ä*, восходящий к элементу, выступающему в составе множественного числа *-lar*: *kuju-g-a* 'густеет', *jaqšu-g-a* 'хорошеет'. С прибавлением элемента *-a*, *-ä* к настоящей основе выражается начало действия и его продолжение. При этом остается неизвестным момент завершения этого действия. В связи с тем, что глаголы настоящего времени типа *qujuğa* 'густеет', *jaqşuğa* 'хорошеет' по своему содержанию универсальны, они могут в контексте выражать не только настоящее, но и другие времена. Такая особенность настоящего времени, выраженного глаголами, указывает на его связь с категорией неопределенности. Следующие примеры подтверждают универсальный характер глаголов настоящего времени: *Jer Qojaş tirähendä äjlänä* (постоянное действие) 'Земля движется вокруг Солнца'; *Ul qasan kilä?* (действие совершится в будущем) 'Он когда придет?' М. Гафури 1902 *jylğa Trojskij mädräsähendä uquj häm şul uaqytta* «*Jşan şäkerttärenä*» *tigän şiyuryn jađa* (действия совершились в прошлом) 'В 1902 году М. Гафури учится в медресе в Троицке, и в то же время он написал стихотворение «Шакирды ишана»'.

Наращение элементов *-(y)r* и *-a(-ä)* к основе прилагательных обозначает усиление процесса нагнетания качества предмета. Однако этот процесс не может, безусловно, продолжаться бесконечно; необходимо найти способ остановить его, то есть способ перевода динамики в статику. Таким ограничителем процесса нарастания выражения качества стал элемент *-q* (*-k*), видимо, генетически связанный с аффиксом *-y* (*-g*) < *-q* (*-k*), выступающим в роли показателя определенного винительного падежа в древнетюркском языке. Например: *sü-g* 'войска', *taş-yu* 'камень', *jylku-y* 'лошади'¹⁴. Благодаря присоединению этого аффикса как показателя определенности глагольная форма настоящего времени типа *jaqšu-g-a* > *jaqşuğa* 'хорошеет' стала именем прилагательным, способным выступать в предложении в функции определения. При этом определяе-

¹² Дж. Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, стр. 104.

¹³ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, стр. 42.

¹⁴ Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971, стр. 154.

мое им имя существительное играет роль прямого дополнения в форме определенного винительного падежа.

Итак, аффикс сравнительной степени прилагательных *-raq* (*-gäk*) исторически состоит из трех отдельных элементов, каждый из которых выполнял определенную грамматическую функцию. Структурную модель истории происхождения формы сравнительной степени имени прилагательного можно представить в виде следующей формулы: $A + NO_1 + NO_2 + ОП$: $jaq\dot{s}y + r + a + q$, где *A* — адъектив (основа прилагательного), *NO₁* — первый показатель неопределенности (*-r*), *NO₂* — второй показатель неопределенности (*-a*), *ОП* — показатель определенности (*-q*).

Аффикс *-raq* (*-gäk*) по мере развития языка превратился в единый комплекс, присоединяющийся к любой основе прилагательных.

Несмотря на активное употребление аффикса сравнительной степени *-raq* (*-gäk*) в современных тюркских языках, в языке древнетюркских письменных памятников он был распространен мало. Г. Айдаров обнаружил в языке орхонской письменности всего одно слово с аффиксом *-raq*, наращенным к основе *aksy-*: *ak-sy-raq > aksyraq* 'беловатый'¹⁵. Этот факт свидетельствует о том, что сравнительная степень прилагательных на *-raq* (*-gäk*) активизировалась в послеруническую эпоху, хотя окончательно она оформилась задолго до появления рунической письменности.

Уменьшительная степень указывает на слабое проявление качества или признака предмета. Показателями уменьшительной степени в современном башкирском языке выступают аффиксы *-hyu*, *-hyl*, *-yyl(t)*, *-gel(t)*, *-kel(t)*, *-qyl(t)*, *-hel(t)*, *-el(jem)*, *-yyltym*, *-qyltym*, *-sa*, *-sä:aq-hyu*, *aq-hyl(t)* 'беловатый', *kük-hel(t)* 'синеватый', *qyð-yyl(t)* 'красноватый', *küg-eljem* 'синеватый', *raq-sa* 'худощавый (не совсем)' и т. д.

Эти аффиксы по своему составу и структуре в основном сходны с аналогичными показателями в других тюркских языках. Среди кыпчакских языков в этом отношении несколько выделяется караимский язык, где уменьшительная степень образуется «при помощи аффикса *-muš*, *-mus* от прилагательных, обозначающих цвет, а иногда — форму и качество: *aq-muš/aq-mus* 'беловатый', *qyzyl-muš/qyzyl-mus* 'красноватый', *uzun-mus* 'продолговатый'¹⁶ и т. д.

Изучение истории тюркских языков показывает, что в языке древнетюркских письменных памятников нечасто обнаруживаются прилагательные уменьшительной степени. Как видно из работ П. М. Мелиоранского¹⁷, В. М. Насилова¹⁸, И. А. Батманова¹⁹, Г. Айдарова²⁰, В. Г. Кондратьева²¹ и других, в языке рунической письменности не обнаружено ни одного прилагательного данного типа. Более активное функционирование прилагательных уменьшительной степени в тюркских языках относится, видимо, к сравнительно более поздней эпохе. Например, А. М. Щербак находит в языке тюркских текстов из Восточного Турке-

¹⁵ Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971, стр. 168.

¹⁶ К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 182.

¹⁷ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII, 1899, стр. 1—144.

¹⁸ В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960.

¹⁹ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

²⁰ Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.

²¹ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.

стана, датированных X—XIII вв., такие прилагательные, как *kökšin* 'сероватый', *kökšin* 'голубоватый', *qaraşyl* 'черноватый', *qarasuman* 'черноватый'²².

В языке письменных памятников, относящихся к более позднему времени, довольно часто встречается форма уменьшительной степени на *-ymtul*, *-imtul*; *-yltyr*, *-iltir*²³.

Таким образом, уменьшительная степень получила интенсивное развитие в новейшую эпоху, оформляясь многими видами аффиксов.

Рассмотрим отдельные аффиксы в историческом аспекте.

-yyl(t), -gel(t), -qyl(t), -kel(t). Данный аффикс чаще всего присоединяется к качественным прилагательным, обозначающим цвет и вкус предмета: *qyð-yyl(t)* 'красноватый', *hog-yol(t)* 'буроватый', 'сероватый', *jäs-kel(t)* 'зеленоватый', *äs-kel(t)* 'кисловатый', 'горьковатый' и т. д.

В аффиксе *-yyl(t)* исторически соединены в основном два элемента: *-yу* и *-l*; *-t* выступает нерегулярно. Элемент *-yу* генетически восходит к отдельному аффиксу *-yу*, встречающемуся почти во всех тюркских языках в различных фонетических вариантах: *-yу*, *-yи*, *-gy*, *-gu*, *-qu*, *-ke*, *-qu*, *-kü* и несущему много функций. Например, он образует прилагательные с семантикой времени и места: *töp-gö* 'ночной', *kis-ke* 'вечерний', *tañ-yу* 'утренний', *igmanda-yу* 'находящийся в лесу', *öj-da-ge* 'находящийся в доме', *irtän-ge* 'утренний', *kistän-ge* 'вчерашний'. Последние два примера образовали застывшую форму. Аффикс *-yу*, образуя имена прилагательные, указывает на определенность предмета, выраженного именем существительным — определяемым компонентом данного словосочетания. Это значит, что аффикс *-yу* (*-ge*, *-qu*, *-ke*) является прежде всего усиливающим показателем определенности в атрибутивном словосочетании. Данный аффикс составляет первый элемент сложного аффикса уменьшительной степени *-yyl(t)*.

Элемент *-l*, выступающий в роли второго компонента указанного аффикса, по своему происхождению восходит к показателю множественного числа *-l*, являющемуся составной частью аффикса *-lar*. Тем самым *-l* указывает на слабое проявление того или иного качества в предмете и сообщает прилагательному оттенок неопределенности, заложенный в семантике уменьшительного признака.

Элемент *-t* также относится к общеалтайскому показателю множественности, с наращением которого усиливается значение неопределенности. Историю развития формы уменьшительной степени прилагательного можно представить в виде формулы: $A + ОП + НО + (НО) : hağ + yу + l + (t)$.

В современных языках аффикс *-yyl(t)* представляет собой сложный и цельный комплекс.

-yyltym (-geltem, -qyltym, -keltem). Данный аффикс образовался в результате дальнейшего развития аффикса уменьшительной степени прилагательных: к аффиксу *-yyl(t)* присоединялся еще один показатель уменьшительности, состоящий из соединения элементов *-у* и *-m*. При этом факультатив *-t* входит в устоявшийся состав комплекса. Прилагательное уменьшительной степени, образованное с помощью усложненного варианта аффикса, по своей семантике отличается от аналогичного

²² А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XVIII веков из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 115.

²³ А. Рустамов. Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1966, стр. 25; Б. М. Тагиев. Степени имен прилагательных в азербайджанском языке (на основе материалов XIV—XX вв.). Автореф. канд. дисс. Баку, 1965, стр. 26; З. А. Умаров. Грамматика староузбекского языка «Мабани ул-лугат» Мирзы Мехди-хана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1967, стр. 14 и т. д.

прилагательного тем, что выражает качество или признак предмета в меньшей степени, чем прилагательное, имеющее менее усложненный аффикс. Например, прилагательное *jäš-kel(t)* 'зеленоватый' сильнее выражает понятие «зеленый», чем слово *jäš-keltem* '(менее) зеленоватый'. Такое свойство семантики прилагательного *jäškeltem* 'зеленоватый', 'чуть зеленый' обусловило прибавление еще одного показателя неопределенности.

По мнению А. Н. Кононова, аффикс *-um, -em* (в других родственных языках *-üm, -äm*) является показателем уменьшительности. Это положение подтверждается им примерами типа *kök-um, kük-üm, -göv-äm, gög-äm* 'голубоватый', 'зеленоватый', *qaga-m* 'черноватый'²⁴. Самостоятельный аффикс уменьшительности *-am, -um, -em*, присоединяясь к усложненному аффиксу типа *-yul(t)*, еще больше усиливает уменьшительность прилагательных, обозначающих цвет и вкус. Эта особенность показывает, что аффикс *-um, -em* идентичен показателю множественности, а множественность, как известно, связана с категорией неопределенности.

В тюркских языках элемент *-(y)m, -(e)m* непосредственно в функции показателя множественного числа не употребляется: *-m* как показатель отрицания встречается в составе морфемы *-ma, -mä* в глаголах: *qajt-ma* 'не возвращайся', *kit-mä* 'не уходи, не уезжай' и т. д.

Аффикс множественного числа с элементом *-m* зафиксирован в монгольских языках. А. П. Дульзон писал, что «особый интерес представляет калмыцкий суффикс *-müd*, употребляющийся у основ с конечным согласным (кроме *-n*); например, *tug-müd* 'знамена' (*tug* 'знамя'), *terz-müd* 'окна' (*terz* 'окно')... Возникновение этого суффикса можно объяснить, исходя из *tu-ud*, где *tu* восходит к **tu ~ wu*. У названий вещей, как и названий одушевленных предметов, этот суффикс, по-видимому, подчеркивал их совокупность»²⁵.

Историю развития прилагательных уменьшительной степени типа *jäškeltem* 'чуть зеленый', *qubuyultum* 'чуть красный' можно представить в виде следующей формулы: $A + ОП + НО_1 + НО_2 + НО_3 : kyδ + yu + l + t + um$.

-hyu. Аффикс *-hyu* в современном башкирском языке и его говорах чаще всего присоединяется к прилагательным, обозначающим цвет: *aq-hyu* 'беловатый', 'белесый', *al-hyu* 'розоватый', 'слегка алый', 'румяный', *kögän-hyu* 'буроватый, коричневатый' и т. д. Данный аффикс в тюркских языках не получил широкого распространения. Кроме башкирского, он встречается в татарском, кумыкском и азербайджанском языках.

В аффиксе *-hyu (<-syu)* соединены, по-видимому, два элемента: 1) *-hy (<-sy)*, 2) *-u(w)*. Последний элемент развился из древнетюркского *-y*; например, древнетюркское *ayuz >* башк. *ayud* 'рот', древнетюркское *taγ >* башк. *tau*, древнетюркское *bitig >* башк. *beteü* 'письмо' и т. д. Таким образом, башкирский аффикс *-hyu* происходит от первичного аффикса *syu: qul-syü er* 'человек с характером раба', *bu qary ol oyla-syü* 'характером этот старик подобен мальчику', *bu oγul ol er-seg* 'этот мальчик похож на мужчину'²⁶.

Аффикс уменьшительной степени *-sy, -se* (*kyzylsy* 'красноватый', *jäšilši* 'зеленоватый') в турецком языке также возводится А. Н. Кононо-

²⁴ А. Н. Кононов, О фузии в тюркских языках, стр. 117.

²⁵ А. П. Дульзон. Происхождение алтайских показателей множественного числа. — «Советская тюркология», 1972, № 2, стр. 14.

²⁶ «Девону луготит турк». Индекс. Тошкент, 1967, стр. 451—452.

вым к форманту *-syu*²⁷. Э. В. Севортян приводит некоторые прилагательные на *-syu*, *-zyu*: *dus-syu* 'солоноватый' от *dus* 'соль' и т. д.²⁸

Известно, что уменьшительная степень прилагательных предполагает наличие ослабленного признака в предмете, что связано с понятием неопределенности. Показателем неопределенности является, по-видимому, элемент *-s > -h*, восходящий к общеалтайскому аффиксу собирательной множественности. Например, в монгольском языке «аффикс *-s* употребляется в тех случаях, когда основа имени исходит на дифтонг и скрытый гласный: *нохой* 'собака' — *нохо-с* 'собаки', *уг* 'слово' — *угс* 'слова'»²⁹. Множественное число на *-s* в алтайских языках Г. И. Рамstedт относит к древним формам множественности и приводит в качестве примера монгольские формы *emes* 'жены', *ekes* 'матери', *eges* 'мужья'³⁰.

Эти особенности в употреблении элемента *-s > -h* не только в тюркских, но и в алтайских языках позволяют заключить, что наличие элемента *-h* (<*-s*) в составе аффикса *-hyu* (<*-syu* < *-syu*) связано с выражением им понятия неопределенности, заложенного в семантике уменьшительной степени прилагательных.

Элемент же *-y*, входящий в состав данного аффикса, выражает определенность, так как прилагательное в словосочетании типа *al-hyu säskä* 'розовый цветок' определяет и конкретизирует данный цветок по его внешнему признаку.

Согласный *-γ* (*-g*) по своему происхождению должен восходить к показателю множественности: азерб. *adamuγ* 'мы люди', башк. *qajtajuk* 'вернемся'.

История развития прилагательных уменьшительной степени на *-hyu* (<*-syu* < *-syu*) может быть представлена следующей формулой: $A + NO_1 + ОП + NO_2 : aq + h + y + u$.

-hyl, -hel. Этот аффикс так же, как предыдущий, присоединяется к прилагательным, обозначающим цвет: башк. *aq-hyl* 'беловатый', *kük-hel* 'синеватый', тат. *aq-syl* 'беловатый', *kük-sel* 'синеватый', кирг. *kök-čül* 'синеватый' и т. д.

Аффикс *-hyl, -hel* (<*-syl, -sel*) образован по той же структурной модели, что и аффикс *-hyu, -heu* (<*-syu* < *-syu*). Элемент *-l* генетически связан с показателем множественного числа, благодаря чему подчеркивается неопределенность в семантике уменьшительности.

Структурная модель уменьшительной степени прилагательных на *-hyl, -hel* (<*-syl, -sel*) может быть выражена формулой: $A + NO_1 + ОП + NO_2 : aq + h + y + l$.

Сопоставление двух последних формул показывает, что истории развития уменьшительных степеней прилагательных данного типа структурно совпадают: это еще раз показывает, что в становлении современных осложненных аффиксов действовала единая структурная модель.

По этой структурной модели развились и такие формы уменьшительной степени прилагательных, как башк. *kük-šel*, каз. *kök-šil* 'синеватый', ақ-šyl 'беловатый'.

-sa, -sä. Данный аффикс в башкирском языке образует уменьшительную степень от очень немногих прилагательных: *halqun-sa* 'холодно-

²⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 147—148.

²⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 225.

²⁹ М. Н. Орловская. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961, стр. 16.

³⁰ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 57.

ватый', *qaq-sa* (*keše*) 'сухощавый (человек)', *qalyn-sa* (*taqta*) 'толстоватая доска', *jeñel-sä* (*qaraš*) 'легковесный взгляд' и т. д. Аффикс *-sa* как показатель уменьшительности формирует и имена с уменьшительно-ласкательным значением.

Об этимологии элемента *-s* говорилось выше, что же касается элемента *-a*, *-ä*, то следует заметить, что и он выражает неопределенность, ибо широкие гласные *-a*, *-ä* почти всегда выступают в составе аффиксов, в той или иной степени связанных с понятием неопределенности, особенно в составе аффикса множественного числа *-lar*, *-lär*. Таким образом, данный тип прилагательных развился по следующей формуле: $A + NO_1 + NO_2 : halkyn + s + a$.

Огузская и карлукская подгруппы языков в определенной мере отличаются от кыпчакской по функционированию форм уменьшительной степени прилагательных. Например, в азербайджанском языке выступают аффиксы *-ymtyl*, *-imtil*; *-umtul*, *-ümtül*, присоединяющиеся к прилагательным, обозначающим цвет: *ayumtyl* 'беловатый', *çagamtyl* 'черноватый', *rugmzumtyl* 'красноватый'. В этой же группе языков употребляются и такие аффиксы, как *-(y)mtıray*: *ayumtyray* 'беловатый', *asumtyray* 'горьковатый' и т. д.³¹.

Аффикс *-ymtyl* распространен и в старо- и новоузбекских языках, как, например: *kökümtül* 'синеватый', *ayumtyl* 'беловатый'³².

Исторический путь развития форм уменьшительной степени можно выразить формулами: а) на *-ymtyl*, *-mtyl* — $A + ОП + NO_1 + NO_2 + ОП + NO_3 : ay + y + m + t + y + l$ и б) на *-ymıray*, *-mtıray* — $A + ОП + NO_1 + NO_2 + (NO_1 + NO_2 + ОП) : ay + y + m + t + (r + a + y)$.

Как видно из приведенных формул, в интересующих нас словах сконцентрированы элементы, в основном выражающие категорию определенности и неопределенности, ибо «в объективной действительности в общем случае определенность и неопределенность взаимосвязаны, ни одна из них не возвышается над другой, здесь нет отношения субординации, как нет таких отношений, скажем, между возможностью и действительностью, необходимостью и случайностью и т. д.»³³. Со справедливостью этого положения применительно к нашему случаю нельзя, конечно, не согласиться.

³¹ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 181—182.

³² А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 131.

³³ В. С. Готт, А. Д. Урсул. О категориях определенности и неопределенности. — «Вопросы философии», 1971, № 6, стр. 61.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. Г. ДОБРОДОВОМ

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

А. Мейе писал о хронологии славяно-тюркских языковых контактов следующее: «Славянский словарь обогатился заимствованиями также и из тюрко-татарских языков, но уже после нарушения славянского единства»¹. Это предположение, высказанное без предварительного анализа тюркских заимствований в славянских языках и основанное, вероятно, на материале сводной работы Ф. Миклошича, требует некоторых уточнений. Однако нельзя признать суждение А. Мейе в целом неверным, так как праславянских тюркизмов не так уж много. А. Мейе, по-видимому, довольно близок здесь к истине. Но конкретизация этого общего суждения («Например, слово *t^hlmaśь 'переводчик' распространялось в славянских языках так же, как и слова truchement и drogman в западных языках. Общеславянское слово к^ни-гы имеет, по-видимому, восточное происхождение, но мы не знаем, через какое посредство оно пришло в славянские языки»²) требует соответствующего уточнения.

Восстанавливая праформу *t^hlmaśь, А. Мейе противоречит выдвинутому им же тезису о позднем распространении данного слова в славянских языках, что, несомненно, вызвало бы отклонения от нормальной рефлексии реконструированной праславянской формы, чего в славянских языках почти не наблюдается³.

Самый естественный способ установить хронологию заимствования — это обратиться к материалу письменных памятников, хотя подобная хронологизация при механистическом подходе к ней таит в себе опасность искажения действительной картины. Дело в том, что с помощью письменных памятников устанавливается не время проникновения слов в язык, а всего лишь относительно точная дата заимствования его из устной речи в письменные памятники. Между этими датами, конечно, не может не существовать какой-то промежуток времени.

Характер древнейших дошедших до нас памятников письменности также не способствовал раннему отражению в них тюркских заимствований. Дело в том, что ортодоксально-христианская направленность древнейших восточнославянских памятников была довольно сильным препятствием для проникновения в них заимствований от нехристиан.

¹ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 412.

² Там же.

³ См. об этом слове специальную литературу: P. Jyrkänkallio. Zur Etymologie von russ. *толмач* «Dolmetscher» und seiner türkischen Quelle. — «Studia orientalia. Edidit Societas Orientalis Fennica», XVII. Helsinki, 1952, стр. 1—17; J. Németh. Zur Geschichte des Wortes *tolmács* 'Dolmetscher'. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», t. VIII (1958), стр. 1—8; G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965, стр. 662—665 (№ 1010), с литературой.

На недостатки такого метода в свое время указал еще Вс. Ф. Миллер: «Быть может, и многие слова, которые считаются татарскими, еще раньше татар проникли в русский язык, ибо, если слово в письменных памятниках появляется в XIV—XV вв., то это еще не значит, чтоб оно не существовало раньше. Оно просто случайно могло не быть употреблено в дошедших до нас памятниках письменности. Такое сомнение может быть высказано относительно очень многих русских слов тюркского происхождения, которых хронология для нас не ясна. Можно, например, указать ряд русских слов, которых оригинал находится в половецком словаре, но нельзя при этом утверждать, что эти слова взяты нами у половцев, а не у татар, таковы: *алтын, алмаз, аркан, казна, казначей, камыш, вьюк, торба, толмач, шатер, чепрак, сундук, сычуг, базар, башмак, бурав, булат* и др.»⁴. Предположение Вс. Ф. Миллера, однако, не получило дальнейшего развития ни у него самого, ни у других исследователей, несмотря на его очевидность.

Вс. Ф. Миллер, к сожалению, не выдвинул положительных критериев, которые могли бы послужить основанием для хронологизации и более точной атрибуции тюркских лексических элементов. Можно предположить, например, что слово *шатёр* имеет более раннее происхождение хотя бы на основании того, что оно встречается в ранних дотатарских памятниках, например в «Повести временных лет», если не учитывать при этом его распространения почти во всех славянских языках, кроме обоих лужицких. Правда, многообразие славянских форм при не вполне объясненных расхождениях с обычной для гениинной лексики системой соответствий заставляет отнести это тюркское заимствование уже ко времени существования отдельных славянских языков, причем для некоторых славянских форм приходится предполагать венгерское посредство. Следовательно, можно считать, что заимствование слов подобного рода имело место после распада праславянского языкового единства, когда уже существовали отдельные славянские диалекты, в той или иной степени проявлявшие тенденцию к лингвистической дифференциации и обособлению. Распад праславянского языка исследователи обычно относят к VII веку⁵, а формирование групповых диалектов, которые легли в основу языков трех славянских этно-лингвистических объединений современных восточных, южных и западных славян, датируется более поздним временем. Распад праславянского языка предшествует появлению славянской письменности (вторая половина IX века), когда некоторая языковая разобщенность, несмотря на исключительную близость славянских языков того времени, была уже налицо, чему в немалой степени способствовали расселение славян по обширной территории Восточной и Центральной Европы и трудность общения между обособившимися, таким образом, славянскими племенами. Вторжение угуров повлекло за собой окончательное отделение южных славян от западных, а экспансия германских племен привела к территориальному обособлению лужичан; именно поэтому многие старые тюркизмы, распространенные почти у всех славян, не встречаются в лужицких языках.

С другой стороны, рефлексy старого тюркизма **тълмачь* 'толмач, переводчик' обнаруживают исключительную регулярность внутриславянских фонетических соответствий, и это позволяет предположить, что

⁴ Всеволод Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса, I—VIII, 1892, стр. 214; цитируется по книге: В. В. Виноградов. Великий русский язык. М., 1945, стр. 116—117.

⁵ Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, стр. 3, 27—29.

данное слово было заимствовано еще в период общеславянского языкового единства.

Итак, для общеславянских тюркизмов в зависимости от того, соблюдаются ли в них внутриславянские фонетические соответствия между языками или не соблюдаются, можно установить две, конечно, только приблизительные датировки: 1) до VII века, период общеславянского языкового единства; 2) после VII века, период существования отдельных славянских диалектов. Правда, следует заметить, что такая хронологизация заимствований носит предварительный характер и в дальнейшем историколексикологические и лингвогеографические исследования этих слов в отдельных славянских языках позволят уточнить ее. Это тем более необходимо сделать, что многие из ранних тюркизмов славянских языков относятся к числу так называемых «бродячих слов», легко переходящих из одного языка в другой, преодолевая большие расстояния и множество языковых границ и становясь в результате такой экспансии своеобразным международным достоянием⁶.

Весьма затруднительно установление хронологии заимствования и путей миграции слов, связанных с торговлей. К таким словам относятся, в частности, названия тканей — одного из предметов активной торговли. В качестве примера можно привести распространение арабского слова عبا 'abā', عباءة 'abā'a или عباية abāja 'шерстяная одежда в виде плаща' от корня 'aba'a 'обращать внимание'. В славянские языки оно попало через персидское (abā) и тюркское посредство (например, тур. abā 'грубая шерстяная материя; плащ из такой материи; войлок'). Ср. русск. абá кавк. 'местное толстое и редкое белое сукно; плащ из него' (Даль), gabá (у Гоголя и вообще в южнорусск.) 'грубая шерстяная ткань' (М. Фасмер. Эт. сл. I, 378), возможно, украинизм; укр. gabá 'белое сукно турецкое', 'оторочка, кайма, полоса'; болг. абá 'аба, шерстяное грубое домотканное сукно; пиджак крестьянского покроя из этой материи'; макед. аба 'аба, домотканное сукно', 'крестьянская верхняя одежда из абы'; сербскохорв. аба, хаба устар. 'аба, грубое домотканное сукно'; П. Скок также отмечает значение 'плащ, накидка из этого сукна' у этого, по его мнению, балканского турцизма; чешск. háb, обычно мн. háбу диал. разгов. 'одежда, обычно плохая' (Фр. Травничек выводит как сокращение из hábit разг. 'одежда' < лат. habitus; В. Махек, не упоминая об этом, связывает с араб. 'abā'), hábí; слов. hába, háбу диал. 'одежа, тряпки'; польск. chaba, haba 'грубое сукно' (Брюкнер, 175). Это название с 1556 года известно в форме aba и венгерскому языку⁷. У этого слова особенно любопытно разнообразие в оформлении анлаута в связи с различным отражением арабского ع ('айн) и утратой исконного х в сербскохорватских диалектах (и связанными с этим гиперизмами).

Сложнее датировать болгаризмы, распространенные лишь в части славянских языков, особенно если они охватывают две группы славянских языков: 1) болгаризмы восточно- и западославянских языков и 2) болгаризмы восточно- и южнославянских языков. Любопытно, что есть также ряд фонетических инноваций в звуковой системе славянских языков и в их морфологии, создающих своеобразные изоглоссы, объе-

⁶ И. Г. Добродомов. Бродячие слова. — «Русская речь», 1971, № 1, стр. 129—137; В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, стр. 174; Л. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, М., 1956, стр. 154.

⁷ Kniezsa István. A magyar nyelv szláv jövevényszavai, 1, 2. Budapest, 1955, стр. 583.

дияющие восточных славян с западными (сходное развитие сочетаний гласных с плавными перед согласным — начальный этап развития полногласия, развитие окончаний *-ě* в соответствии с южнославянскими *-e* в ряде падежных флексий) или с южными (упрощение сочетания *dl > l*, развитие *цв, зв* — из **кв-, *зв-* перед *ѣ, в, і* в начале слова, развитие из *-й-* эпентетического *-л'* после губных согласных, развитие шипящих согласных на месте сочетаний **тй, *дй* при свистящих в западнославянских языках).

Любопытно, что ни среди фонетических, ни среди грамматических особенностей славянских языков пока не выявлено достаточно показательных западно-южнославянских изоглосс. Точно так же среди старых тюркизмов в славянских языках почти не обнаружено общих для западных и южных славянских языков слов, отсутствующих в восточнославянской языковой области. Такая своеобразная картина, вероятно, должна быть объяснена тем, что интенсивные связи между южными и западными славянами были прерваны аварским, а позднее и венгерским вторжениями, приведшими к их территориальной разобщенности, в то время как связи восточных славян с западными и южными славянами продолжались и в более позднее время; особенно интенсивными были связи восточных славян с южными, ибо у них был общий источник обогащения народных языков — старославянский язык.

В случае признания тюркской этимологии для славянских названий гончей охотничьей собаки типа сербскохорв. *ogar* областн. 'борзая собака', словен. *ogar* род. п. *-gja*, чеш. *ohar* 'охотничья гончая собака'; словц. *ohar* 'пойнтер, легавая (собака)', польск. *ogar*, ст.-польск. *ogarz* 'гончая собака'; н. луж. *hogoŕ* (Фасмер), *wogaŕ* (Махек), на чем настаивает О. Н. Трубачев, эту группу слов следует считать единственным старым тюркизмом, охватывающим западные и южные славянские языки, хотя И. Книежа рассматривает это слово исключительно как западнославянское⁸. Велярная огласовка славянских слов (вместе с венг. *agár* 'борзая, гончая собака') свидетельствует в пользу болгарского источника при палатальной огласовке остальных тюркских форм: кумык. *эгер* 'борзая', куманд., леб., шорск. *ägär* 'охотничья собака', тел. *äñär* 'охотничья собака', бараб. *igär* 'охотничья собака' (> хант. Паасонен FUF II, 113—114 *äkäŕ, akar*; манс. Каннисто FUF XVII, 49 *äkar*), чув. *akar* *йитти* 'борзая, охотничья собака' (> венг. Гомбоц MSFOc, XXX, 35—36 *agár* 'борзая', осет. Абаев. Ист. этим. сл. I, 411 *егар* (*jegar*) 'борзая собака'). Ср. также Kniezsa, 584—585⁹. Попытка М. Р. Фасмера увязать с этим гнездом древнерусский загадочный термин *огары* 'корабли', употребленный в соответствии с греческим *τριγων* в контексте: «Отоуду поя огары трегребныя» в переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия (там же встречается также название *гары* без греческого эквивалента, выпавшее из поля зрения автора. См.: Срезневский I, 510), не вполне убедительна.

Важно отметить также существование параллельных форм типа болг. *zagär* [пер.-гр.?] 'вид ловно куче', макед. *загар* 'охотничья собака', сербскохорв. *zägar* [тур.?]; устар. = *хрт* 'борзая собака, борзой кобель', алб. *zagär*, н.-греч. *ξαγари*, тур. *zağar* 'гончая, охотничья собака', что может быть объяснено или как своеобразный картвелизм (из ранней

⁸ О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). М., 1960, стр. 26; Kniezsa István. A magyar nyelv szlav jövevényszavai. I. Kötet, 2. resz. Budapest, 1955, стр. 584.

⁹ Martti Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969, стр. 38.

занской формы)¹⁰, или как венгерское заимствование (из переразложившейся формы с артиклем *az agár > a zagár*), или как результат распространения средневековой латинской формы *sagarius*, выводимой из баскского источника (В. Махек приводит баскские формы *śakar*, *sakar*, а также сардинск. *gagari*). Учитывая развитие протетического согласного в осетинском *йегар* (орф. *егар*), можно было бы предположить аналогичное происхождение и начального согласного з — в приведенных здесь формах (*й- > дж- > дз- > з-*), однако отсутствие выявленных болгарских элементов в языках народов Малой Азии заставляет от этого предположения пока воздержаться.

Некоторое созвучие обнаруживает болгарское диалектное *дживгър* 'охотничья собака'¹¹, значение которого, вероятно, следует рассматривать как возвышение семантики первоначально звукоподражательного *дживгар* 'воробей' и 'собачонка (кученце)', которая много лает'¹².

Другое предполагаемое исключение — распространенное у западных и южных славян название сапога типа болг. *чизма*, макед. *чизма*; сербскохорв. *чџзма*, слов. *čizem* 'сапог' (у И. С. Вахроса *čizma* «*hoher Stiefel*», *čizem* «*Halbstiefel*»¹³), чеш. (морав.) и словц. *čizma* 'сапог', польск. устар. *czyzma*, *czyżma*, *ciżma* (ж. р.), *czyżm*, *ciżm* (м. р.), *ról-bucik*, *Halbstiefel* 'туфельки, полуботинки', диал. *ciżmy*, *ciżemky* 'женская кожаная обувь с короткими голенищами, ботинки' — находит очень простое объяснение: к западным славянам слово попало из венгерского *csizma* (ср. также румын. *cizmă*), которое венгерские этимологи выводят из сербскохорватского османизма. Отсутствие слова в лужицких языках в этом случае особенно показательно. Любопытно отметить также обратное влияние венгерского *csizma* на акцентологию южнославянских форм, являвшихся непосредственным источником венгерского слова (конечное -а отражает славянское переформирование турецкого *ciźme* 'сапог'). Следовательно, это заимствование — новое и к южным славянам проникло лишь после прихода турок на Балканы. В западно-русской письменности XVII века употреблялся полонизм *тижмы*, *тыжмы*: (см.: А. М. Булыка. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, стр. 321).

Своеобразный ареал внутри славянских языков, совпадающий с зоной изменения сочетания -ор- между согласными в -ра-, образует название галки *чавка* (болг., макед.; сербскохорв., в последнем П. Скок отмечает множество вариантов: *чѧвка*, *чајка*, *чапка*, *чока*, *чава* у Стулица; отсюда алб. *çafkë*; а также *болка*, *бола*, *чола*, *колица*, *чојка* как новообразования в отдельных местах и словарях), *čavka* (чеш. и слов. приводятся И. Книежей, но отсутствуют в современных словарях). Слово имеет параллель в венгерском *csóka* 'галка', перешедшем в румын. *сіуса*, *сіоасă*, *сеусă*, *сіоусă*, *сіоісă* (Книежа, Скок), и в тюркских языках: карач.-балк. *чаука*, татар. *чәүкә*, чуваш. *чавка*, *чана*, *чанка*, башк. *сәүкә*

¹⁰ В. М. Иллич-Свитыч. *Caucasica*. — «Этимология 1964». М., 1965, стр. 336—337. На связь славянских, венгерского и чувашского названий охотничьей собаки указал уже Н. И. Ашмарин. См.: Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваш. Казань, 1902, стр. 113.

¹¹ О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 35.

¹² «Български етимологичен речник», св. V. София, 1966, стр. 362.

¹³ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке, I. Древнейшие наименования до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959, стр. 193—195; слово это известно и восточным славянам. Особое внимание следует обратить на укр. *чџби* 'сапоги', не упоминающиеся этимологами наряду с *чижми* 'венгерские сапоги, черные или красные'. «*A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*», I. Kötet. Budapest, 1967, стр. 544—545; G. Doerfer. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, Bd. III. Wiesbaden, 1967, стр. 70—71.

и т. п.¹⁴. Однако звукоподражательный характер названия (ср. также вост.-слав. *гава*; общеславянское название ворон или галок типа *кавка*, никак не связанное с тюркскими языками) избавляет нас от необходимости считать его заимствованием. Скорее речь должна идти о независимых параллельных образованиях.

Во многих случаях даже в пределах одного языка обнаруживается значительное варьирование фонетического облика тюркизмов, еще более увеличивающееся с привлечением материалов других славянских языков. Почти всю славянскую территорию охватывают рефлексy персидского شوربا *šōrbā* (от شور *šōr* 'соль') [или же арабского شربة *širba* 'суп', 'микстура', 'глоток' (от глагольного корня شرب *šariba* 'пить, сосать'; к нему же восходят русские слова *сироп*, *шербет* и, возможно, арготизм *шарап*], прошедшие через тюркское посредство: ср. тур., крымскотатарск. *чорба* 'суп, похлебка, бульон', др.-тюрк. (из «Кутадгу Билиг») *čōrba* 'похлебка', 'варево?', таранч. *шорва*; кумык., карач., бараб. *шорпа*; уйг. (-кит.), чагат., сарт., караим. Троки *чорба*, казах. *сорпа*, татар. (казан.) *шурпа* (>марийск. *šōrpa* (Рясянен, MSFOu 50, 64), тобольск. *шурба*, чув. *шўрпə*¹⁵. Уже в русском языке слово представлено множественным вариантом: *чорбá* 'уха' (Фасмер IV, 373 без указания на источник), *шорбá*, *жорба* вятск., тобольск. 'уха' (Фасмер IV, 463 со ссылкой на Васнецова и «Живую старину», 1899, № 4, стр. 517), последнее с влиянием *жрать*, *жор*; *щербá* сев., вост., воронежск., тамб.; *щурбá* самарск. 'горячая похлебка, навар; уха, рыбий навар; уха из мелкой нечищенной рыбы', *шербá* перм., *щевра* костром. 'шерба', 'уха, рыбий навар'; *щедра́?* арханг. 'шебра, навар, уха из соленой трески' под влиянием *щедрый?* (Даль), ср. также в «Словаре русских народных говоров» (вып. 9. М., 1972, стр. 130): *жербá* тобол. 'уха', 'навар', *жерва́* самар. 'еда, пища' (по Далю: к *жрать*); укр. *щербá* 'навар из чего-либо; уха'; болг. *чорба́* 'похлебка, суп'; макед. *чорба* 'суп'; сербскохорват.

чѡрба, также *чѡрба* (XVII в.), *чѡрба*, также *pluralia tantum чѡрбе* (синонимы *јуха*, *жѣна*, *сѣна*); словен. *čorba* 'плохой суп', 'плохое питье', польск. *czorba*, *ciorba* «Suppe» (Kniezsa, 617), *ciurba* 'суп' (Brückner, 65). Слово широко распространено в балканских языках: румын. *ciorbă*, венг. устар. *csorba*, алб. *çorbë*.

Формы с начальным *ш-* (также *щ-*)¹⁶ в славянских и тюркских языках представляются более старыми в силу их прочного укоренения в языке и большей близости к иранскому первоисточнику. Формы с начальным *ч-* обязаны своим происхождением турецкому посредству и поэтому более поздние, к тому же они лучше сохраняют звуковой облик турецкого оригинала. Начальный *ш-* персидского оригинала лучше всего сохранился или в соседних с персидским тюркских языках, или в сфере влияния поволжско-булгарского языка, где начальный *ш-* был возможен и в исконных словах.

Впрочем, слово *шурпа* сравнительно недавно было заимствовано русским языком еще раз уже в качестве локального термина для обозна-

¹⁴ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 316—317; M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 101.

¹⁵ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 116; G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. III. Wiesbaden, 1967, стр. 114—116 (прослеживается распространение слова в разных языках Европы и Азии).

¹⁶ Ср. также *щедра́* — *шадра*, *товарищ* — *товариш*.

чения блюд национальной кухни восточных народов (особенно тюркских)¹⁷.

Примечательно, что все эти заимствования созвучны индоевропейско-семитохамитскому глагольному корню *šΔgrΔ- 'пить (хлебать)' звукоподражательного характера (ср. русск. диал. *сёрбать, сербать* 'хлебать'): и.-е. *serb(h)-/*srebh ~ с.-х. *šgr/*šrb¹⁸.

Разнообразие фонетических форм заимствования помогает установить их относительную хронологию.

При анализе внутриславянского распространения тюркизмов чрезвычайно важно учитывать исторически подвижный и изменчивый характер изоглоссных явлений на славянской языковой территории. Если, например, опираться на данные современных славянских языков, то рефлекс старого этнического названия кочевников аваров-обров образует в живых современных языках (словен. obeg 'великан, исполин'; чешск. obg 'великан, исполин, гигант'; словацк. obog 'великан, исполин'; польск. obgrzym из ст.-польск. obrzym 'исполин, великан, гигант'; в.-лужицк. hobg 'великан'; ср. нем. Hüne 'богатырь, витязь, великан, исполин') весьма своеобразную изоглоссу, объединяющую западные и частично южные славянские языки, при тяготении лексемы к западнославянской языковой области. Это, безусловно, память о периоде аварского господства над славянами. Однако обращение к памятникам славянской письменности позволяет обнаружить употребление этого названия еще в качестве этнонима (ед. *объринъ, мн. объре, объри, объри*), например, в «Повести временных лет» в рассказе об обрах и дулебах¹⁹. Но впоследствии это название вышло из употребления вместе с древнерусской пословицей *погибоша аки обре*, сохранившейся в «Повести временных лет». Исчезновение из языка восточных славян этнонима *обре, обрин*, возможно, связано с появлением в западнорусской письменности полонизма *облримъ, олбрымъ, обримъ*, отмеченного в памятниках лексикографии (у Памвы Берынды: *шудъ, гигантъ, гигасть, исполинъ: олбрымъ, велетьъ*), в обратной переработке Лексикона П. Берынды под названием «Синонима славеноросская»: *«олбримъ исполинъ гигантъ гигасть шудъ»*) вплоть до «Словаря малороссийского языка» П. И. Белецкого-Носенки (середина XIX века): *«Обримъ. Великан. Колосс. Гигант. По-польски: обржимъ»*, причем ударение хорошо подтверждает польское его происхождение²⁰. В более поздних словарях это слово уже не фиксируется.

Данный пример показывает, с какой осторожностью следует использовать материал топонимики для лексикологических разысканий. Так,

¹⁷ «Словарь современного русского литературного языка», т. 17. М.—Л., 1965, стлб. 1616 (с указанием на несуществующее персидское *sūgrā*). Столь же необъяснимо включение этого слова в брошюру Э. Н. Кушлиной «Таджикские и узбекские слова в русском языке» (Душанбе, 1968, стр. 39) при тадж. *шурбо*, узб. *шўрва*, где речь может идти лишь об изменении орфографии в вариантах *шурпо, шурбо*, но не более. Известны также формы *шорпа, чорпа, сорпа*. См. И. Е. Гальченко. Глоссарий лексики народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975, стр. 162, 155, 125. Г. Е. Корнилов (см. сб. «Диалекты и топонимия Поволжья», вып. 5. Чебоксары, 1977, стр. 140—141) анализирует мимологический характер подобных слов.

¹⁸ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — «Этимология 1965». М., 1967, стр. 354.

¹⁹ Следует учесть, что высказываются предположения о западнославянском происхождении этого рассказа: *Imre Boba. Nomads, Northmen and Slavs. Eastern Europe in the Ninthe Century. The Hague-Wiesbaden, 1967, стр. 44—45.*

²⁰ А. М. Булыка. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, стр. 225; «Лексикон словенороський Памвы Беринди». Київ, 1961, стр. 159; «Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская». Київ, 1964, стр. 137; П. П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, стр. 254.

топоним *Обровъ* встречается уже в сочинениях Владимира Мономаха. Д. С. Лихачев дает следующий комментарий: «*Обров* — урочище в Переяславском княжестве, но не ясно, где. Возможно, что *Обров* означает вал, находящийся близ Переяславля Южного» («Повесть временных лет», т. II. М.—Л., 1950, стр. 443). Более реалистическую позицию в толковании этого слова занимает И. И. Срезневский (*обровъ* 'ров, окоп'), который видит здесь самый обычный апеллятив. Подобное этимологизирование топонимов типа *Обров* возможно и на южнославянской языковой почве, где апеллятивный пережиток этнонима *объре* встречается лишь в словенском языке, по целому ряду показателей весьма тесно примыкающем к чешскому.

Известное словенским, а также кайкавским хорватским говорам существительное *jāl* 'завист, ненавидность' вместе с производным прилагательным *jalan* (чакавск., XVII в.) = *jalen* (словен.) *dolosus* 'коварный', по мнению П. Скока, представляет собой заимствование тюркского *al* 'обман, уловка, ухищрение, способ, хитроумный совет' (ДТС, 31) через аварское посредство²¹. Развитие протетического *j-* следует, по-видимому, объяснить влиянием уже славянской почвы, где протеза *j-* обычна. В пользу такого предположения говорит венгерское прилагательное *ál* (преимущественно в составе сложных *ál-* 'лже-') 'ложный, фальшивый, накладной, мишурный, самозванный', где протезы нет²². Впрочем, наличие в венгерском языке слова *álpok* 'коварный, вероломный; фальшивый человек, лицемер, притворщик, лицемерка, притворщица' с явно славянским суффиксом²³ позволяет предположить посредство паннонских славян в заимствовании этих слов венграми от аваров. Заимствование же данных слов славянами через венгров маловероятно: протетический *й-* у славян к концу IX века уже развился.

Тюркизмы старославянских письменных памятников обычно связывают с влиянием востока Дунайской Болгарии, где «тюркское воздействие на славянскую среду было более значительным, нежели на юге и западе страны»²⁴. В качестве примеров лексем болгарского (в другой терминологии «тюрко-болгарского») происхождения в «Супрасльской рукописи», отсутствующих в языке других старославянских памятников, А. М. Селищев приводит три слова: *капь* 'образ, изображение, идол' со славянским уже производным *капиште* 'место, где находятся *капи* или *капь*, или само изображение', и *боляринъ* 'боярин', *быля* = *кѹмисъ* (греч. *κόμης* 'вельможа, боярин'). К тюркскому происхождению суффикса *-чиш* (*самъчиш* 'сановник, управитель', *сокачиш* 'повар', *шаръчиш* 'художник', *кръмъчиш* 'кормчий', *кънигъчиш* 'книжный человек') А. М. Селищев относится скептически²⁵.

О. Прицак считал, что в памятниках старославянской письменности представлено шесть несомненных заимствований из дунайско-болгарского тюркского языка: 1) *bělěgъ, belěgъ, bilěgъ* 'знак' (на самом

²¹ Petar Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knjiga I. Zagreb, 1971, стр. 750—751.

²² Полную аналогию дают «околопаннонские» славянские слова: сербскохорв. *jārak*, также *jārak* (род. *jārka* для обоих) 'канава, ров', словацк. *jarok* 'канава, ручеек' и венгерск. *árok* 'канава, ров, окоп', восходящие к тюркск. *арык, арук*. См. об этих словах: Karl H. Menges. Etymologika. — «W. B. Henning Memorial Volume». Asia Major Library. Lund Humphries. London, 1970, стр. 316—325. В связи с этим венгерское *jász* 'алан' с протетическим *й-* следует рассматривать как результат русского посредства (*ясы*), а не болгарского, где также мог развиваться протетический *й-* (когда?).

²³ См. об этом суффиксе: Е. Е. Майтинская. Венгерский язык, ч. II. М., 1959, стр. 27—28.

²⁴ А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, стр. 33. На стр. 19 упоминается тюркизм *чрътогъ* 'терем, спальня', заимствованный у болгар.

²⁵ Там же, сравните также ч. II. М., 1952, стр. 58.

же деле эти формы приведены О. Прицаком из древнерусских церковно-славянских памятников, вероятно, по словарю И. И. Срезневского, ибо в классических памятниках старославянского языка данное слово не встречается); 2) *бельчугъ* 'браслет' (собственно старославянским памятникам это слово также неизвестно, но встречается в древнерусских церковнославянских текстах); 3) *быля* 'комисъ' (= греч. κόμης; лат.

comes); 4) *дохъторъ* 'подушка', προσκεφάλαιον; 5) *капъ* 'изображение, идол', ср. венг. kér, сюда же *капиште*; 6) *санъ* (ср. венг. szám 'число'; чув. сум) и производное *самъчи* 'служитель, управляющий', последнее также в византийско-греческой передаче σαμψης²⁶, в латинской передаче: sampsis, sampsi²⁷.

Из них только четыре или пять (если считать отдельно *санъ* и *самъчи*) могут быть по праву названы старославянскими.

Гораздо более обстоятелен анализ тюркских элементов старославянского языка у А. С. Львова, который в специальной статье подвел итоги своим разысканиям и исследованиям других ученых по этому вопросу²⁸. Сделав ссылку на болгарского лингвиста Ст. Младенова, занимавшегося исследованием следов тюркского булгарского языка в болгарском языке (Ст. Младенов выделял одиннадцать булгаризмов: *блѣгаринъ*, *бисѣръ*; *боляринъ*, *bēlegъ*, *bēlēugъ*, *bubrēgъ*, *капиште*, *коумиръ*, *пашеногъ*, *санъ*, *чрътогъ* и еще два вероятных: *тояга*, *чипагъ*), А. С. Львов приводит этимологическое обоснование тюркского происхождения ряда слов с производными: *бисѣръ*, *боляринъ*, *болярскъ*, *быля*, *ваяние*, *изваяти*, *капъ*, *капиште*, *капиштѣнъ*, *капиштѣница*, *ковъчегъ*, *ковъчезьць*, *коумиръ*, *кумирскъ*, *кънигы*, *кънигъчи*, *оимъ*, *оимскъ*, *оимство*, *очъште* или *очръште*, *печать*, *реѣатылѣти*, *зареѣатылѣти*, *самъчи*, *санъ*, *сановитъ*, *сокачи*, *соуе*, *въсоуе*, *насоуе*, *соуета*, *соуетѣнъ*, *тикъръ*, *тъма* (μυρία), *хоръгы*, *хочъду*, *чрътогъ*, *шаръ*, *шаръчи* *шарописатель*, а также указывает на возможность тюркского происхождения слов *врачь*, *дохъторъ*, *конобъ*, *кръчагъ*, *кръчажънъ*, *кръчъмлявати*, *кръкыга*, *чаша* и некоторых других.

Тюркские лексические элементы словаря первых славянских переводов греческих церковных книг (IX век) служат весьма важной хронологической вехой при определении времени проникновения этих слов в славянские языки. Правда, следует учитывать, что старославянские памятники сохранились в списках, датированных преимущественно X—XI веками и даже более поздних, поэтому приходится иметь в виду возможность появления тюркизмов в этих памятниках при их позднейшей переписке, что устанавливается специальными лексикологическими разысканиями²⁹.

В связи с распространением старославянских слов на восточнославянской территории возникновение некоторых сепаратных южнославянско-восточнославянских изоглосс относится уже ко времени проникновения в Русь христианских богослужебных книг с южнославянскими тюркизмами. Отличительным признаком этих сравнительно поздних тюркизмов, заимствованных восточными славянами через посредство старославянского языка, является их принадлежность к книжной лекси-

²⁶ «Житие Климента», изд. Н. Г. Туницкого. Сергиев Посад, 1918, стр. 116.

²⁷ Omeljan Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955 («Ural-Altaische Bibliothek», № 1), стр. 71—72.

²⁸ А. С. Львов. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — «Славянское языкознание». VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, стр. 211—228.

²⁹ А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

ке и отсутствие в живом народном языке восточных славян. Таково, например, на восточнославянской почве слово *верига* (обычно во множественном числе: *вериги*) с весьма специфической семантикой «цепи, оковы аскета» или в переносном значении «нравственное или духовное бремя» в противоположность южнославянскому *верига* «цепь» с конкретной и, несомненно, первичной семантикой. Совершенно неправомерно типично южнославянское слово *верига* (в болгарском языке также *верѹга*) этимологизируется с помощью северновеликорусского диалектного глагола *верать* «совать», несмотря на их географическую и семантическую несовместимость. О. Н. Трубачев отверг по сходной причине этимологию слова *врачь* от русского глагола *врать* и предложил искать болгарский источник для южнославянского *врач* «чародей, колдун, предсказатель, знахарь, врач», а также венгерского *orvos* «врач»³⁰. Первоисточником для южнославянского *верига* послужило болгарское соответствие *verieg тюркскому образованию (от глагола *ög-* «плести, вить», с суффиксом *-ig*) *örig (ср. тур. диал. *ögük, örk* «веревка для привязывания животного (на пастбище)»³¹ при литературном турецком *örgü* «плетение», «переплетение; плетеная тесьма, жгут»; «цыновка, рогожа, коса (сплетенные волосы)»).

Часть старых тюркизмов, общих для языков южных и восточных славян, может восходить еще к общеславянскому периоду, причем у западных славян старое заимствование могло быть замещено какой-либо инновацией. Не менее вероятно, что возникновение таких изоглоссов связано с инновацией в виде тюркского заимствования у южных и восточных славян — при сохранении архаизма у западных славян. Окончательно решить этот вопрос можно, лишь изучив распространенность рассматриваемых слов как в современных языках и диалектах, так и в памятниках письменности, что относится уже к области исторической лексикологии и диалектологии отдельных славянских языков. Например, тюркизм *кобза* проник из украинского языка во многие славянские языки уже как название специфически украинской реалии (русс. *кобза*, болг. *кобза*, чеш. *kobza*, ст.-чеш. *kobos, kobes* из венг. *koboz*; словацк. *kobza*; польск. *kobza*, ст.-польск. *kobos* из венг. *koboz*). Ст.-литовск. *kabza*, румынск. *cobză*, нем. *Kobse*, франц. *kobza* и т. д. также связаны с украинским вторичным источником³².

Через посредство русского языка в языки народов Европы, в том числе и в славянские, уже в XIX веке проникло тюркское по происхождению слово *кумыс* (болг. *кумѹс*, чеш. *kumys*, словацк. *kumys*, польск. *kumys* и т. п. Приводимая у М. Фасмера украинская форма *комѹз*, по-видимому, ошибочна: Б. Д. Гринченко дает лишь *комѹз, комѹзі* «каприз», а современные украинские словари — форму *кумыс*). Этому способствовало распространение русской медицинской литературы о лечебных свойствах кумыса³³.

³⁰ О. Н. Трубачев. Заметки по старославянской этимологии. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV. М., 1963, стр. 163—168. Ср. неубедительно высказанные сомнения Ю. В. Откупщикова в «Русском языке в школе», 1973, № 4, стр. 100.

³¹ М. Mollova. Structure lexicale du dialecte turc du Rhodope de l'Est. — «Балканское языкознание», XV, 2. София, 1971, стр. 55.

³² Анализ тюркских форм см.: А. Roñá-Tas. Some Problems of Ancient Turkic. — «Acta Orientalia. Ediderunt Societatis Orientales Danica, Norvegica, Svecica (Le monde oriental)», vol. XXXII Havniae, 1970, стр. 222—223; M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 281.

³³ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. III. Wiesbaden, 1967, стр. 512—517. Сомнительно, относится ли сюда упомянутый в 448 году ритором Приском Панийским напиток из ячменя (!) *ка́μος*; см.: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 202.

3 «Советская тюркология», № 6

Тюркизмы многих славянских языков следует признать весьма древними. В первую очередь это относится к старым тюркизмам славянских языков, сохранивших фонетические признаки их болгарского происхождения: ведь болгарские языки были в контакте с языками славянскими еще до появления в самом начале X века печенегов, небулгарский характер (огузский, по В. В. Бартольд — Н. А. Баскакову, или кыпчакский, по Ю. Немету) языка которых общепризнан.

Старые общеславянские тюркизмы имеют еще одно чрезвычайно важное свойство, которое до сих пор не привлекало внимания исследователей. Часть этих тюркизмов обнаруживает явные фонетические черты их болгарско-чувацкого происхождения (ротацизм, ламбдаизм, соответствие $\dot{s}$ - общетюркскому s -, развитие протетического v - и т. п.), в то время как у другой части отсутствуют какие бы то ни было специфические фонетические признаки, позволяющие отнести эти тюркизмы к какой-либо определенной группе тюркских языков внутри тюркской языковой семьи. Другая группа тюркизмов характеризуется лишь общетюркскими признаками, характерными и для добулгарской тюркской фонетики, и для фонетики небулгарских тюркских языков, и для болгарских диалектов. Сходная картина наблюдается также при исследовании древнейших тюркизмов венгерского языка, одна часть которых обладает несомненными болгарскими чертами, а другая — не имеет никаких специфических черт, позволяющих отнести эти слова к небулгаризмам. З. Гомбоц, специально исследовавший древнейшие тюркизмы венгерского языка³⁴, на основании наличия слов с болгарскими чертами и отсутствия слов с чертами явно небулгарскими назвал все древнейшие тюркские элементы венгерского языка болгарскими, хотя некоторые венгерские ученые и не согласились с такой несколько условной трактовкой всего тюркского материала в венгерском языке³⁵. Древнейшие славянские тюркизмы вполне могут быть квалифицированы как болгаризмы, но при этом следует помнить, что часть болгаризмов зачисляется в этот разряд лишь условно; из-за отсутствия у них явно выраженных признаков их можно приплюсовать к словам со своеобразной фонетикой болгарско-чувацкого образца.

В связи с болгарским происхождением древнейших общеславянских тюркизмов другие болгарские элементы, отмеченные сейчас лишь в двух группах славянских языков (из трех), например, у южных и восточных или у западных и восточных славян, можно отнести приблизительно к тому же времени, что и ранние общеславянские тюркизмы. Прежде всего это относится к западнославянско-восточнославянским изолексам, которые должны рассматриваться скорее как общие архаизмы в противоположность южнославянским инновациям, хотя какая-то часть этих общих для западных и восточных славянских языков болгаризмов появилась в результате проникновения болгарских слов с востока, из древней Руси. К числу заимствований из языка восточных славян можно отнести следующие болгаризмы польского языка: *braha* < *брага* (болг. или укр.); *jandula* «сзага» < укр. *яндол*, *яндова* и т. п., *szłyk* < *шлык*; *czóła*, *szółka* диал. «тряпка, онуча», *cuła* «*szmata*, то есть тряпка» из старой русской формы *чулка, которая впоследствии была в результате переосмысления ее, как формы двойственного числа, преобразована в чулок, формы

³⁴ Zoltán Gombocz. Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXX). Helsinki, 1912.

³⁵ J. Németh. Zoltán Gombocz et la théorie des mots d'emprunts turcs bulgare du hongrois. — «Mélanges offert à Aurélien Sauvageot pour son soixante-quinzième anniversaire». Budapest, 1972, стр. 203—212.

czóła, cuła возникли после «десуффиксации» *-k-*; в последнем случае отражено цоканье; ст.-польск. *czoboty* (ед. *czobot*) «*buty; (Flügel)schuhe*», диал. *czaboty, czobuty* < *чоботы*; *wataha* < *ватага*; *watazka* < укр. *ватаг, ватажок* 'предводитель'; ст.-польск. *tacher* 'счетная единица для мехов, топоров, ножей и т. п. в 10, по другим источникам в 12 предметов'.

Представляется чрезвычайно важным при определении хронологии заимствования учитывать морфологический критерий — хронологические веки в истории морфологической системы языка. Например, при определении хронологии общевосточнославянского названия обуви *чебот* ограничиваются XV веком, ибо самая ранняя фиксация обнаружена исследователями в актах 1489 года³⁶. Не способствует углублению хронологии общевосточнославянский характер этого бродячего слова, попавшего от восточных славян к полякам (ст.-польск. *czoboty*, польск. диал. *czaboty, czobuty*, в последнем случае влияние со стороны *obuć* 'обуть', *obuty* 'обутый'), литовцам (*čebatas* «*Stiefel, Schuh*»), латышам (*čaba* 'большой, грубый стоптанный сапог' < *čabata*)³⁷, а от последних к остзейским немцам (*Tschabben* 'большие неуклюжие или изношенные сапоги'). Исследователи восточнославянской лексики обычно ограничивались лишь объяснением семантических расхождений между восточнославянским *че́бот* и его тюркским первоисточником (чуваш. *čăpata*, татар. *чабата*, башк. *сабата*, казах., ккалп. *шабата* — все 'лапоть'). «Названия добротной кожаной обуви часто наследуются обувью, сделанной из других материалов, между прочим, и плетеной»³⁸. Это подтверждается также персидским первоисточником *چبتان* *čabatān* «*Überziehschuhe*». А попытка вернее определить формально-звуковое расхождение восточнославянского слова с тюркским источником неизбежно привела бы и к уточнению хронологии. В предполагаемом болгарском источнике *чабата* (волжские болгары славились изделиями из кожи) ударение падало на конечный гласный. Безударные тюркские гласные *a* на древнерусской почве обычно передавались как *o*, отсюда древнерусское *чобота*, воспринятое как форма двойственного числа. К ней была образована «исходная форма» единственного числа *чоботь* (*чебот*) по образцу *повода́* — *пóводъ* (сейчас *повода́* воспринимается как множественное число). Следовательно, можно полагать, что слово *че́бот* появилось у восточных славян еще до утраты ими двойственного числа, отражавшейся в памятниках древнерусской письменности с самого начала XIII века³⁹.

Аналогичным же методом уточняется хронология вхождения в русский язык слова *чулок*, представленного в письменных памятниках как апеллятив с середины XVI и как собственное личное имя с конца XV

³⁶ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959, стр. 188—191; С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 185—186, 236; Н. Н. Бражникова. О названиях обуви в деловой письменности Южного Зауралья конца XVII в. и XVIII в. — «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», № 353 (Вопросы языкознания и русского языка). М., 1970, стр. 389—390.

³⁷ Ср. архангельское *чева* 'лаповище, ошметок, обносок лаптя' (Даль, IV, 586), у М. Р. Фасмера (IV, 371): *чова* — неясно.

³⁸ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке..., стр. 190.

³⁹ И. Г. Добродомов. Два чебота — пара. — «Русский язык в школе», 1968, № 4, стр. 39. Об утрате двойственного числа см.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 80; А. М. Иорданский. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960, стр. 23.

века⁴⁰. В основу русского *чулок* легла болгарская форма (без конечно-го согласного) типа чувашск. *чълха* 'чулок' при татарск. *чолгау* 'пор-тянки, онучи' (с неслоговым $-y < -r$), кирг. *чулгоо*, *чылгоо* 'портянка', диал. 'пеленка' и т. п., причем современная форма *чулок* возникла в результате обратного словообразования из воспринятой как двойствен-ное число формы **чулка* (ср. марийск. *чулка*, заимствованное из того же чувашского источника, а не из русского, как считает А. А. Саватко-ва⁴¹). В польск. *czółka* 'онуча' сохранилось древнерусское слово без пе-ремен, зато в формах *сиѡа*, *сзѡѡа* произошла «десуффиксация». Старо-белорусские памятники знают слово *чулокъ* с 1585 года⁴².

Однако следует учитывать, что многие тюркизмы в славянских язы-ках обычно не претерпевали каких бы то ни было морфологических пре-образований, поэтому обращение к историко-морфологическим вехам должно рассматриваться как исключительный случай. Гораздо больше надежд вселяет фонетический анализ заимствований, ибо именно звуча-ние слова большей частью подвергалось различного рода изменениям, характерным для истории славянских языков. Соотнося звуковые изме-нения заимствованного слова с фонетическими модификациями слов в славянских языках, исследователь может делать выводы об относитель-ной хронологии заимствования.

В связи с этим необходимо отметить важность согласованности различных критериев. Например, славянские названия дрофы (вост.-слав. *дрѡфа*, болг.-макед. *дропла*, сербскохорват. *дропла*, словен. *drǫplja*, чешск., словацк., польск. *drog* с разными вариантами)⁴³ обнару-живают чуть ли не праславянское их происхождение, хотя различное оформление исхода слова не позволяет считать его унаследованным от общеславянского праязыка; проникновение этого тюркизма в славян-ские языки началось в период начавшегося обособления славянских диалектов, когда взаимные связи внутри славянского языкового сооб-щества ослабли и не могли оказать унифицирующего воздействия на оформление названия дрофы. Сопоставление современных славянских форм с их болгарским прототипом **дурахъ* позволяет заключить, что в славянских названиях дрофы утрачен гласный *ъ* ($< y$) в первом слоге слова (ср. тюркск. *тогдақ*; венг. *tűzok*). Следовательно, это слово было известно славянам еще до того времени, когда в славянских языках на-чался процесс выпадения редуцированных. А он начался после IX века на юге и постепенно охватил все славянские языки. Но в древнерусском языке редуцированные *ь*, *ъ* употреблялись до XII века⁴⁴. Если для на-звания дрофы историческая фонетика лишь подтверждает давность за-имствования, устанавливаемую на основании лингвогеографических критериев, то болгарский титул *турун*, зафиксированный в русских лето-писях, датированных 1230 годом, в форме множественного числа *трунове* ($< *търун$ — $< \text{болг. } *турун$ в соответствии с хазарским *тудун*)⁴⁵, исто-рическая фонетика позволяет отнести к гораздо более раннему време-

⁴⁰ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке., стр. 195—199.

⁴¹ См.: А. А. Саваткова. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969, стр. 40.

⁴² См.: А. М. Булыка. Даўня запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, стр. 358.

⁴³ Подробнее см.: И. Г. Добродомов. Дрофа — дудак. Этимологические заметки. — «Русская речь», 1968, № 4, стр. 100—104.

⁴⁴ Р. Нахтигал. Славянские языки. М., 1963, стр. 144—146.

⁴⁵ А. А. Шахматов. Заметка об языке волжских болгар; А. Н. Самойлович. Турун-тудун (Еще пример турко-болгарского ротацизма). Петроград, 1918 (Отдельный оттиск из V тома «Сборника музея антропологии и этнографии при Российской Академии на-ук»), стр. 395—400.

ни — до XII века. К этой же эпохе относится проникновение в древнерусский церковнославянский язык названия кузнеца *блехъчи*, *блѣхъчи*, *блехчи*, которое выводится, начиная с И. Микколы, из тюркско-булгарского источника **билихчи* (< **биликчи*), соотносительного с чагат. *билеҗчи* 'мудрец, знаток'⁴⁶.

Анализу происхождения тюркизмов, отраженных лишь в современных славянских диалектах, способствует даже при отсутствии письменных фиксаций сопоставление этих тюркизмов с данными территориально близких диалектов тюркских языков. Уже Н. И. Ашмарин поставил вопрос о сопоставительном изучении славянских и чувашских слов. Его материал был переработан и дополнен В. Г. Егоровым. Впоследствии материал русских диалектов обрабатывали М. Ряснен и И. Т. Сергеев. При этом В. Г. Егоров, М. Ряснен и И. Т. Сергеев особое внимание обратили на материал русских диалектов в «Толковом словаре» В. И. Даля⁴⁷. Это большей частью уже не булгарские заимствования, а самые обычные чувашизмы. На материале других тюркских языков подобное исследование пока не проводилось, если не считать многочисленных работ об османско-турецких элементах в южнославянских (сербско-хорватском и болгарском) языках, в которых изучение этих элементов практически сводится к восстановлению старых румелийских и балканских диалектов турецкого языка⁴⁸.

Вопросы хронологизации тюркских лексических заимствований в славянских языках должны изучаться комплексно, с учетом как прямых хронологических данных, так и различного рода косвенных свидетельств, когда абсолютная и относительная хронология взаимно уточняются и позволяют классифицировать тюркизмы славянских языков по времени их проникновения в славянские языки.

⁴⁶ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersische, Bd. II. Wiesbaden, 1965, стр. 416—418; J. J. Mikkola. Über ein angeblich germanisches Lehnwort im Kirchenslavischen. — «Neuphilologische Mitteilungen», XVI. Jahrg., 1914, № 3—6, стр. 172—173.

⁴⁷ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902, стр. 43, 111—114; В. Г. Егоров. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, стр. 148—149; М. Räsänen. Der Wolga-bolgarische Einfluss im Weste im Lichte der Wortgeschichte. — «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXIX. Helsinki, 1946, стр. 190—201; И. Т. Сергеев. Вырас диалектёсенчи чăваш сáмахёсем. — «Чăваш календарё 1968». Шупашкар, 1967, стр. 44; см. об этих работах: И. Г. Добродомов. Некоторые соображения о булгарском вкладе в славянских языках. — «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», № 403. М., 1970, стр. 50—53; ср. также: И. Т. Сергеев. Об одном забытом чувашском названии старинной единицы земельной меры. — «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», вып. 49; его же. Чувашизмы в русских говорах Поволжья. — «Диалекты и топонимия Поволжья» (Материалы и сообщения), вып. 1. Чебоксары, 1972, стр. 63—69; И. Т. Сергеев. К этимологии русского диалектного *нохрок* 'боров'. — «Диалекты и топонимия Поволжья» (Материалы и сообщения), вып. 2. Чебоксары, 1973, стр. 87—90.

⁴⁸ Ср. для южнославянских языков работы: St. Stachowski. Studia nad chronologią turcyzmów w języku serbo-chorwackim. Kraków, 1967; St. Stachowski. Studia nad chronologią turcizmów w języku bułgarskim. Kraków, 1971.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. С. АМИРОВ

СИНОНИМИЧНЫЕ СКАЗУЕМОСТНЫЕ ФОРМЫ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ И ВОПРОСЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В организации речи, как известно, огромную роль играет сказуемое. Как член предложения оно связано с выражением предикативных компонентов суждения, кроме того, от сказуемых членов предложения во многом зависят стилистические варианты организации речи, чем и определяется богатство синонимии в системе сказуемых форм. Сознательное, правильное использование в речевой практике языковых средств требует функциональной оценки многообразных сказуемых форм, раскрытия их функционально-стилистического назначения и взаимодействия.

Однако проблема этим не исчерпывается. Так, например, в казахском языкознании еще недостаточно раскрыты грамматические свойства сказуемых членов, многообразный характер взаимодействия морфологических средств при их организации. Поэтому зачастую глагольные и собственно сказуемые формы четко не дифференцируются, представляются подчас тождественными. В результате молчаливого признания такого тождества описания форм сказуемых и их функций копаются. Между тем в теоретических исследованиях отношение «глагол — сказуемое», «сказуемое — предикативность» давно нашло углубленное решение. Академик И. И. Мещанинов в свое время по данному вопросу писал: «... Не всякое содержание предикативности выражается сказуемым, и, наоборот, сказуемое лишь одна разновидность передачи предикативности, так же как глагол выступает лишь одним из представителей сказуемого. Последнее, при наличии именных форм сказуемого, сомнения не вызывает. Таким образом, понятия предикативности и сказуемости не тождественны, так же как не тождественны грамматические понятия сказуемости и глагольности»¹.

Сказуемое не может быть тождественным морфологическим формам имен и глаголов по ряду существенных причин. Во-первых, сказуемое обеспечивает постоянное требование разнообразить речь и, представляя собой единицу уровня, организующего речь, должно по-своему, иногда прямо-таки противоположно их основному значению, использовать морфологические средства, по-новому комбинировать их. Разнообразны и условия организации сказуемых. Так, например, ряд форм сказуемых, сложившихся первоначально в лоне придаточных предложений в ре-

¹ И. И. Мещанинов. Предикативность, сказуемость и глагольность. — «Вестник ЛГУ», 1946, №№ 4—5, стр. 121.

зультате распада сложного целого, обрели способность оформлять самостоятельные простые предложения, например: *kelmesem be* и др. Во-вторых, сказуемые сами могут выражать временные, модальные отношения к действительности. Поэтому не всякая форма, связанная с выражением временных отношений, должна быть причислена к глагольной морфологии. В подтверждение этого рассмотрим синтаксические образования «имя+edi», «причастие+edi». В предложениях со сказуемым первого типа форма «имя+edi» может сообщать о качественной и предметной характеристике субъекта: *Zaz ystyq edi. Ayldyng šeti qalyng toıai edi* 'Лето было жаркое. На окраине аула росла роша'.

В этих предложениях сказуемые — именные. Включение в их состав вспомогательного глагола *edi* позволяет синтаксически выразить временное отношение сообщения к действительности, однако это не делает сказуемое глагольным². Основное содержание сказуемого сохраняется: оно выражает предметную, качественную характеристику субъекта, а не процессуальность. Временные, модальные формы, присущие сказуемым, должны четко различаться от сходных глагольных форм. Первые представляют собой объект синтаксиса. Предложенное О. И. Мосальской различение модальности морфологической и синтаксической представляется нам вполне правомерным. Автор пишет: «В то время как модальность действия является содержанием одной из категорий глагола как части речи, т. е. слова, и находит выражение в изменении грамматической формы слова, модальность предложения присуща предложению в целом, т. е. другой единице языка; к тому же она выражается помимо наклонений глагола и другими средствами, интонационными и лексическими. Модальность предложения и вся совокупность средств ее выражения изучаются синтаксисом»³.

Признавая необходимость четкого разграничения глагольных и сказуемостных форм, следует одновременно указать и на сложность этого вопроса. Морфологический и синтаксический уровни языка тесно связаны между собой. Морфологические средства всегда пополняются в речи синтаксическими, а затем морфологизирующимися, грамматически «узаконивающимися». Это особенно характерно для глагольно-сказуемостных связей в тюркских языках, что находит соответствующее отражение в тюркологической литературе, приводя иногда к довольно противоречивым интерпретациям отдельных языковых явлений⁴. Подобные противоречия в толковании отдельных фактов языка, как отмечалось, вполне закономерны. Они отражают диалектику развития языковых явлений и процесса познания. Но в казахском языке имеются формы явно сказуемостные, не повторяющие глагольные, возникающие только

² Подобное явление наблюдается в русском языке. См.: Н. Ю. Шведова. Некоторые виды значения сказуемого в современном русском языке. — В сб.: «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955, стр. 247; Г. А. Золотова. Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1974, стр. 128. В «Современном казахском языке» соединение «имя+edi» относится к сложной глагольной форме. «Служебный глагол *edi* сочетается с именем существительным, прилагательным, числительным, местоимением, наречием, деепричастием на -р, причастием и глаголами состояния (*otır, tur, žatır, zır*) и образует сложные глагольные формы» («Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 344).

³ О. И. Мосальская. Грамматика немецкого языка. Теоретический курс. М., 1956, стр. 282.

⁴ См. интерпретацию образования типа *kelgim keldi* у Н. К. Дмитриева и А. А. Юлдашева: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 177; А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 103 и сл.

на уровне синтаксиса. К ним нами относятся синтаксические образования, отличающиеся следующими признаками:

1. Если основной компонент может представлять собой грамматически завершённую (оформлённую) форму сказуемого, то включаемый вспомогательный компонент наряду с морфологическими характеризуется также синтаксическими свойствами.

Этим требованиям отвечают образования типа «имя+edi», «причастия на -tyn, -ʏap+edi», «имя+eken», «причастия на -tyn, -ʏap+eken», «глагол в личной форме+eken» (aldy eken, alady eken) и т. д.⁵ Бесспорно, сказуемыми являются сложные образования, в которых в качестве главного компонента выступает глагол в личной форме. Причем такое образование не ограничивается участием глагола в личной форме и вспомогательных элементов edi, eken. Продуктивными в данном случае являются сочетания типа «aldy kyldy», «aldy boldy», «aldy bilem», где вспомогательные qyldy, boldy, bilem выступают регулярными формообразующими элементами. Присоединение вспомогательных элементов к морфологически завершённой форме подчеркивает синтаксический уровень образования.

Синтаксический характер употребления eken соответствующим образом сказывается на форме «глагол условной формы+eken» (kelse, eken), придавая ей дополнительный эмоциональный оттенок.

2. К сказуемой форме относятся продуктивные в разговорной речи образования с повтором-компонентом типа aluyn aldy, kelgenim kelgen, kötörgeñşe kötördi, ajtudaj ajtty и т. д. Повтор-компонент в этих образованиях восходит к основному компоненту-сказуемому. Оба компонента неразложимы и составляют одно функциональное целое⁶.

3. Полностью сказуемым следует считать синтаксически обусловленное употребление ряда глагольных форм, семантически заметно удаленное от своих начальных значений. Такая удаленность определяется исключительно синтаксической обусловленностью. Сравните употребление глагольной формы типа kelseşi как эмоциональный вариант отрицательного сказуемого и т. п.

Другим, не менее интересным аспектом исследования сказуемых форм является их функциональная оценка. Казахское языкознание до настоящего времени в основном ограничивалось структурным описанием этих форм. Функциональная оценка сказуемых форм в большей степени обеспечивает потребности речевой практики, с другой стороны, она позволяет по-новому, с точки зрения их речевых функций, определить связи между формами сказуемых. При подобном рассмотрении эти формы объединяются в немногочисленные функциональные группы, и весь ряд сказуемых форм приобретает характер цельной системы.

Разумеется, установление функций и функциональных взаимосвязей сказуемых представляет определенную трудность, ибо функциональ-

⁵ А. Н. Кононов, характеризуя сочетания с eken в узбекском языке, пишет: «Форма, сочетаясь с основами времен (основа глагола+примета времени) или входя в состав именного сказуемого, осложняет значение названных форм особыми оттенками...». Таким образом, он образования типа «имя+eken» определенно относит к сказуемой форме, однако сочетания типа «причастие на -ʏap+eken» считает глагольными. См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 272.

⁶ Об образованиях этого типа и их употреблении см.: Р. Амиров. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. Алма-Ата, 1972, стр. 15—30.

ное сближение форм в речи осуществляется в сознании носителей языка через переосмысление начальных значений. При научном анализе данной функции языкового средства исследователь интуитивно ощущает отголоски связи его с начальным значением. Это неизбежное следствие тенденции языка разнообразить средства выражения. Лишенная смыслового оттенка, вносимого начальными связями, форма утратила бы эту функционально-стилистическую ценность. С другой стороны, сама социальная сущность языка всегда обуславливает тот факт, что при функциональной переориентации та или иная форма исходит из своих наличных связей.

Функциональные группы сказуемых komponуются на основе выявления общих значений, объединяющих ряд форм и четко различающихся при противопоставлении. Но функциональная группировка зависит не только от основных значений, выражаемых группой форм, она обусловлена их внутренней системой. В отдельную группу могут быть выделены сказуемые, представляющие собой эмоциональный вариант сказуемых с временным значением, имеющие внутренне разветвленную систему форм. На основе этих принципов классификации можно говорить о нижеследующих функциональных группах сказуемостных форм:

1. Сказуемые, выражающие отношение действия к действительности во времени: *alyp žatyr, aldy, alıan, alady*.

2. Сказуемые, выражающие состояние действия: *ös kölü tur, ösöjin dep tur (žür, otyr), ösötin, öskendej eken, ösuşı edı, ösör edı*.

3. Сказуемые, выражающие действие с точки зрения намерения субъекта: *kelmekši, kelgeli žür (otur, tur), kelejın dep žür (otyr, tur), kelsem dejmin, kelsem*.

4. Сказуемые, выражающие интенсивный характер действия: *žatyp talasty, al soq* и т. д.

5. Сказуемые, выражающие долженствование, рекомендацию действия: *aluy kerek, aluy tjis, aluy yoj*.

6. Сказуемые, выражающие побуждение к действию: *köröjin, kör, körši, kör sana, körölik, körösing* и т. д.

7. Сказуемые, выражающие субъективную оценку отношения сообщения к действительности (субъективную модальность). Эти формы следует рассматривать в следующих подгруппах:

а) Модальные формы, выражающие действие, оцениваемое как не-реальное: *aldu boldy, alıan boldy, alıan qyldy*.

б) Модальные формы, выражающие действие предполагаемое: *kelgen syjaqty, kedi bilem* и т. д.

в) Модальные формы, выражающие действие, обнаруженное в процессе познания, поиска: *kelgen eken, alady eken* и т. д.

8. Сказуемые, выражающие эмоциональное отношение к действию: *almasamba, kelmesi bar ma* и т. д.

Предлагаемое функциональное распределение сказуемых не является исчерпывающим. Наиболее непривычным для казахской лингвистической традиции в нем является выделение групп сказуемых, выражающих состояние действия, и сказуемых, выражающих намерение. В работах по казахскому языку глагольные формы, выступающие в функции этих сказуемых, рассматриваются как временные формы⁷. Думается, что к временным формам сказуемых (а также глагола) необходимо отно-

⁷ «Қазіргі қазақ тілі». Алматы, стр. 314—315; Т. Р. Қордабаев. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктердің шақ категориясы. Алматы, 1953, стр. 109—112.

сить лишь те, что выражают чистую процессуальность и отношение действия к действительности только во времени. Для форм, заключающих в себе значения намерения, цели, необходимо найти соответствующую свою квалификацию. Наличие временного фона или временной перспективы в грамматических значениях намерения и цели не дает основания для причисления их выражения к временным формам.

Специфическое назначение названных форм подчеркивается и тем, что грамматическое значение времени может наслаиваться на них как вторичный пласт посредством вспомогательных глаголов *boldy, bolady, bolyp žatyr kelmekši bolyp žatyp, kelmeksi boldy*.

В казахском языке это не единственные формы, выражающие различные отношения действия к действительности, проявляющиеся на определенном временном фоне (в основном — будущее время). Таковыми являются формы побудительности и условия. Однако они не относятся к разновидностям форм будущего времени. Присутствие временного фона при различных модальных формах объясняется тем, что время является, наряду с пространством, основной формой всякого бытия: «Ибо основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства»⁸.

Фон времени, сопутствующий модальным формам намерения, цели, желания, допускает их переход в собственно временной показатель. Так, например, аффикс *-raǵaj (-gej)*, выражающий в казахском языке желание, является показателем будущего времени в языке тюрков Чулыма, А. П. Дульзон чулымское *raǵaǵaj* перевел как «он пойдет»⁹. Подобная связь модальных значений с временной проекцией отмечается исследователями и в других языках. Сходное явление в английском языке И. П. Иванов объясняет следующим образом: «Связь модальных побудительных значений и значений будущего времени у модальных глаголов (особенно в форме настоящего времени) коренится в свойственной им грамматической многозначности. Здесь своеобразно проявляется та особенность модальности, что она обычно предлагает реализацию в будущем (хотя бы недалеко) и тем самым как бы проецируется в будущее время»¹⁰. Признание того факта, что в названных формах преобладает значение намерения, цели, заставляет, видимо, многих тюркологов избегать включения этих форм в группу показателей будущего времени¹¹.

Такова аргументация в пользу выделения функциональной группы сказуемых, выражающих действия с точки зрения намерения субъекта.

Выше мы наметили основные функциональные группы сказуемых. Однако характеристика значений, функций сказуемых этим не только не исчерпывается, а, наоборот, вступает в наиболее сложный этап. Сказуемые, объединяемые в одну группу, находятся в сложном взаимодействии, являясь функциональными вариантами друг друга. Именно о функциональных особенностях синонимичных форм в казахском языкознании (и в тюркском в целом) высказываются самые противоречивые мнения. Достаточно указать на следующие факты. Казахские языковеды, стре-

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. 20. М., 1961, стр. 51.

⁹ А. П. Дульзон. Диалекты и говоры тюрков Чулыма. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 20.

¹⁰ И. П. Иванов. Вид и время в современном английском языке. М., 1961, стр. 47.

¹¹ Сошлемся хотя бы на следующие работы: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. М., 1952.

мясь, исходя из специфики формы на -уап/-ген, отделить ее от прошедшего на -du, -di, квалифицируют ее то как давнопрошедшее¹², то как обычное прошедшее время, указывающее лишь на совершение действия в прошлом и противопоставляемое формам, выражающим давнопрошедшее и недавно прошедшее времена¹³. В тюркологической литературе встречается и другая квалификация формы на -уап. Н. К. Дмитриев называет эту форму прошедшим-настоящим¹⁴, а А. А. Юлдашев — прошедшим неочевидным¹⁵. Свою точку зрения Н. К. Дмитриев во многом обосновывает этимологическим анализом.

Не всегда оправданно стремление обязательно наделить каждую синонимичную форму специфическим значением. Сосуществование различных форм может объясняться многими причинами: стремлением языка разнообразить выражения, действием грамматической аналогии и т. д. Однако эти формы функционально и по значению могут быть вполне идентичными. Таковы, по нашему мнению, формы на -тақ, -тек и -тақşу, -текші. Вторые варианты, особенность которых состоит в наращении аффикса -şу, -ші, являются результатом продолжения развития именного качества причастия, но не более. Эти аффиксы не влияют на значение, сказуемостную функцию причастного слова. Между тем во всех основных работах по казахскому языку отмечаются различия между словами на -тақ, -тек и -тақşу, -текші. В коллективной работе «Современный казахский язык» об этих формах написано следующее: «Неопределенное будущее время на -тақ, -так может принимать аффикс -şу/-ші, на который наращивается личное окончание. Например: satpakşumyn, şatpaqşumyz. Аффикс -şу, -ші придает формам неопределенного будущего времени оттенок долженствования»¹⁶. В «Сопоставительной грамматике русского и казахского языков» говорится, что наращивание аффикса -şу, -ші к причастным словам на -тақ, -тек придает действию более уверенный характер и приближает время совершения действия»¹⁷. Сходная характеристика форме дается в «Қазақ тілінің грамматикасы»¹⁸. Противоречия в характеристике синонимичных форм указывают на то, что процессы (генезис, причины) появления в языке этих форм еще недостаточно изучены, не выявлены все возможные функциональные взаимоотношения между ними и языковыми средствами вообще. Углубленное исследование этих явлений помогло бы правильно определять функции и место той или иной синонимичной формы в системе языковых средств.

К оценке функции синонимичных форм в современном казахском языке, видимо, следует подходить с учетом нижеследующих обстоятельств.

1. Функция формы в современном языке должна устанавливаться на основе синхронного анализа и противопоставления функционально сходным формам. Апелляция к генезису формы не всегда способствует выяв-

¹² Н. Т. Сауранбаев. Глава «Етістік» в кн.: «Қазіргі қазақ тілі». Алматы, 1953, стр. 311; И. Е. Маманов. Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1963, стр. 127—128; Т. Р. Кордабаев. Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктердің шак категориясы. Алматы, 1953, стр. 100.

¹³ «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1963, стр. 342—343.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 157—159.

¹⁵ А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 138 и сл.

¹⁶ «Современный казахский язык, фонетика и морфология». Алма-Ата, 1962, стр. 340—341.

¹⁷ «Сопоставительная грамматика русского и казахского языков». Алма-Ата, 1967, стр. 282.

¹⁸ «Қазақ тілінің грамматикасы. Морфология». Алматы, 1967, стр. 201.

лению истинного ее положения в данном хронологическом срезе языка. Ошибки особенно вероятны при установлении значений и функций глагольных форм, основанных на именном характере организации¹⁹.

2. Существование синонимичных форм не обязательно объясняется различиями в оттенках их значений. Они могут сосуществовать, употребляясь в зависимости от языковых ситуаций, но выражая одно и то же значение. Будучи дифференцированными при употреблении в специфических условиях, синонимичные формы могут совпадать в иных сферах. Для сказуемостной формы на *-уап еді* характерно употребление в предложениях, вступающих во временные связи или отношения противопоставления со следующим за ним предложением. Но за пределами этого специфичного для них условия форма на *-уап еді* может употребляться наравне со сказуемыми на *-уап*. В определенной функционально-стилистической сфере сказуемые на *-уап*, *-геп* и на *-ду*, *-ді* противопоставляются, а вне этой обусловленной среды могут употребляться наравне²⁰. Специфичным для формы прошедшего времени на *-уап*, *-геп* является случай, когда в контекстуальном окружении сказуемого типа *aldu*, *keldi* она должна выразить действие, предшествовавшее другим, то есть действиям, выраженным сказуемым типа *keldi*. В иных обстоятельствах названные прошедшие времена вполне функционально взаимозаменяемы²¹. Оттенки, связанные с генезисом формы на *-уап*, *-геп* и служившие поводом для особого истолкования ее временного значения, не являются существенными. Статичность действия, выражение его как состояния, на что указывал и Н. К. Дмитриев, выступает в языковом сознании человека как реликт начального причастного качества указанной формы. Со временем эта связь, при определенном размежевании атрибутивного и предикативного употребления причастия, может полностью исчезнуть, даже если грамматическое изменение формы (по лицам) сохранит связь с причастным началом. Этот путь прошла глагольная форма прошедшего времени на *-ду*, *-ді*.

3. И, наконец, синонимы форм не обязательно должны возникать в силу потребности выражать оттенки общего значения или создавать функционально обусловленные его выражения. Они могут явиться результатом действия аналогии (см. возникновение сказуемого на *-тадşı*) или же тенденции к созданию грамматически более емких форм. При возникновении языковых форм ими изначально не учитываются перспективы речевого употребления и лексико-грамматического заполнения. Речевая практика заставляет мысль человека возвращаться к старым фор-

¹⁹ В связи с этим уместно вспомнить критику Б. А. Серебренниковым мнения ряда специалистов по татарскому и башкирскому языкам, считающих, что в функции предиката причастия всегда сохраняют исконное качество. По указанному вопросу Б. А. Серебренников писал: «С этой точкой зрения нельзя согласиться, так как она представляет типичное смешение диахронического (исторического) и синхронного планов изучения языка... Бывшее причастие обросло личными окончаниями и в настоящее время является самой типичной личной глагольной формой, а не причастием в предикативной функции» (Б. А. Серебренников. Система времен татарского глагола. Казань, 1963, стр. 29).

²⁰ Работы, типологически, экспериментально изучающие лексику и семантику языков, весьма убедительно показывают, что в лингвистике чрезмерно преувеличивается семантическая специфичность языковых единиц и недостаточно учитывается возможность разнообразного, комбинаторно обусловленного выражения одного и того же значения (см.: Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967; В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики. — В сб.: «Проблемы структурной лингвистики». М., 1971).

²¹ Ср.: С. Н. Иванов. К истолкованию многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6, стр. 109.

мам выражения, создавать новые, параллельные формы, позволяющие преодолеть ограниченность первоначальных средств. Именно этим обстоятельством, по нашему мнению, объясняется множество вариантных форм, связанных с модальностью. Разумеется, возникновение вариантных форм в силу названной тенденции в языке не исключает возможности использования их в речи для достижения разнообразия выражения. Поэтому в ряду синонимичных форм следует различать формы, действительно имеющие оттенки функционально обусловленные и являющиеся просто равноценной параллелью.

В данной статье мы стремились определить лишь функциональные семантические группы сказуемых, выявить возможные причины появления синонимичных форм и характер функциональных взаимодействий между ними.

СООБЩЕНИЯ

Г. Ф. БЛАГОВА

ЗАМЕТКИ О ВЗАИМНО-СОВМЕСТНОМ ЗАЛОГЕ

1. Залоги тюркского глагола не раз были предметом специального обсуждения, причем об их статусе высказывались прямо противоположные мнения. Н. К. Дмитриев, исходя прежде всего из языковой формы, относил залоги к «словообразованию глаголов от глаголов», полагая, что «в результате словообразования глаголов от глаголов возникают категории залогов»¹. А. Н. Кононов, напротив, причисляет категорию залога к формообразованию глаголов, считая, что только в отдельных случаях эта категория формообразования «служит и словообразованию»². По мнению Л. В. Дмитриевой, «залог является исторически переходной категорией от словообразования к словоизменению...»³. А. А. Юлдашев констатирует переходный характер тюркского залога в плане синхронии: «Один и тот же залоговый аффикс в одном случае покрывает собой только залоговое значение, совершенно не касается лексического значения основы и, таким образом, имеет исключительно словоизменятельный характер; в другом, наоборот, не имеет никакого залогового значения, а служит целям исключительно словообразовательным; в третьем случае в одно и то же время имеет и залоговое, и словообразовательное значение». По его мнению, основной задачей является «разграничение словообразовательной и словоизменятельной функций залоговых форм»⁴. Н. Н. Джанашиа в целом разделяет принятую в азербайджанском языкознании точку зрения на залогообразование, как на образование глаголов от глаголов, хотя и с оговоркой: «... не всякое глаголообразование является залогообразованием»⁵. Б. А. Серебренников ставит под сомнение самое существование грамматической категории залога в тюркских языках, указывая, что «так называемые „залоговые суффиксы“ ... по своей форме напоминают глагольные словообразовательные суффиксы. Они имеют так

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 179; см. также: Н. А. Баскаков. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент, 1951, стр. 5; А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 88.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 187 и 197; см. также: его же. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 190, 192 и сл.

³ Л. В. Дмитриева. Некоторые итоги изучения названий растений в тюркских языках сопоставительно с другими языками алтайской семьи. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 14.

⁴ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 87, 88.

⁵ Н. Н. Джанашиа. Залоги в современном азербайджанском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 1, стр. 41, 43.

называемое залоговое значение, но ярко выраженной категории залога они не образуют»⁶.

В этих условиях решению вопроса о статусе залога в тюркских языках, равно как и о количестве залогов⁷, в конечном итоге могло бы способствовать наряду с непосредственными исследованиями в этой области также изучение проблемы взаимосвязи и соотношения залога с другими грамматическими категориями тюркского глагола и прежде всего — со словоизменительными категориями. Разрозненные факты, подтверждающие эту новую для тюркского языкознания постановку вопроса, были известны в науке и прежде, однако они не изучались в их совокупности. Следует сказать, что даже в этом плане, не говоря уже о фронтальном изучении залога, более всего, «повезло» пассиву и каузативу. Взаимно-совместному залогу в тюркологической литературе уделялось заметно меньше внимания⁸, хотя специфичность использования его показателя в отдельных тюркских языках не раз привлекала к себе внимание ученых. Н. К. Дмитриев, например, указывал: «В киргизском языке (отчасти в казахском) известен особый способ выражения множественности при глаголах. Вместо специального аффикса числа ставится аффикс взаимного залога при единственном числе. Примеры: *бар-ыш-а-т* 'они идут' — дословно 'он идет сообщая с другими', *бер-иш-ет* 'они дают' — дословно 'он дает сообщая с другими'»⁹. С. Н. Иванов считает, что взаимно-совместный залог в его совместном значении «представляет собой по существу форму согласования в числе глагольного сказуемого с подлежащим»¹⁰.

Э. И. Фазылов полагает, что «в современном узбекском литературном языке, как и в казахском и киргизском, значение множественности занимает центральное место в системе значений взаимно-совместного залога»¹¹.

⁶ Б. А. Серебренников. О залог в финно-угорских и тюркских языках. — «Координационное совещание по вопросам грамматики тюркских языков [ОЛЯ АН СССР, Институт языкознания АН СССР, ИИЯЛ БашкФАН СССР]. Тезисы докладов». Уфа, 1957, стр. 11.

⁷ Совсем недавно было высказано мнение о том, что, например, в азербайджанском языке имеются не четыре залога (взаимно-совместный, возвратный, страдательный и пассивный), как это принято было считать до сих пор, а «три залога: 1) действительный, 2) страдательный, 3) средний», причем «второобразные глаголы с {-iſ}» предложено рассматривать «не как формы залога, а как формы особой категории глагола — категории взаимно-совместного действия, имеющей свой морфологический показатель и соответствующую функцию» (Н. Н. Джанашиа. Указ. раб., стр. 44). Ср., однако, противоположное мнение: «Категория залога представлена прежде всего в соотношении исходной и осложненной аффиксом (-ы||-е)-ш форм одного и того же глагола» (А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 88).

⁸ Из специальных работ можно назвать одну: Э. И. Фазылов. К истории взаимно-совместного залога в узбекском языке. — «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965.

⁹ Н. К. Дмитриев. Категория числа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 2. Морфология. М., 1956, стр. 71; см. также: И. А. Батманов. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940, стр. 10—11. С. Кудайбергенев приводит -(y)ſ- в ряду морфологических средств выражения категории множественности (С. Кудайбергенев. Кыргыз тилиндеги сөз өзгөртүү системасы. Фрунзе, 1957, стр. 30, а также стр. 21 и сл.; его же. Кыргыз тилиндеги мамиле категориясы. Фрунзе, 1959, стр. 30 и сл.). Об ареальном распределении этого признака см.: Г. Ф. Благова. О несходствах типологически подобных ареалов. — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы третьей конференции на тему „Методика лингво- и этнографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы“ 10—12 февраля 1975». Л., 1975.

¹⁰ С. Н. Иванов. О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах. — «Ученые записки ЛГУ», № 294. Восточный факультет. Серия востоковедческих наук, вып. 12. — «Филология и история стран Востока», 1961, стр. 7.

¹¹ Э. И. Фазылов. Указ. раб., стр. 86—87, см. также стр. 95.

Заметим, что дословное толкование Н. К. Дмитриевым приведенных примеров в конечном итоге имело целью устранить противоречие между названным способом выражения множественности в глаголе и той «исходной гипотезой», которая двадцать лет спустя была сформулирована в монографии «Типология пассивных конструкций»: «Информация, обязательно содержащаяся в предложении, равна информации, содержащейся в лексикографическом толковании глагола, который является вершиной этого предложения»¹².

2. Большинство тюркологов признает за аффиксом *-š-*, достаточно регулярно используемым для выражения множественного числа в киргизских глагольных формах 3-го лица, лишь взаимно-совместное значение, считая его формантом взаимно-совместного залога. В то же время отмечалось, что этот «семантически весьма богатый показатель... в разных языках обозначает: взаимность, совместность, множественность лиц, многократность и полноту, а также усиление, интенсивность и продолжительность действия, начало действия и некоторые другие значения»¹³. Грамматическое значение множественности субъектов действия глагола у аффикса *-š-* Э. В. Севортян склонен считать старейшим¹⁴; Х. Г. Нигматов, напротив, воспринимает все типы значений глаголов с аффиксом *-(°)š-* (в том числе и «совместно-множественное», то есть выражение «простой множественности действующих лиц») как «производные от двух основных значений — взаимно-возвратности и соучастия (помощи)»¹⁵. Б. А. Серебренников высказал гипотезу, в соответствии с которой «в раннем тюркском праязыке существовали формы собирательного множественного числа с особым показателем *-š-*»¹⁶. А. Н. Кононов предполагает, хотя и под вопросом, «афф. *-(u)ш* сопоставить с афф. *-з/-с* — показателем собирательности, двойственности, множественности»¹⁷. По его мнению, «шипящая разновидность свистящего согласного *-s ~ -š*», которая в киргизском, казахском, узбекском используется для выражения собирательности, совместности в спрягаемых формах глагола, совпадает «по форме и, по-видимому, по происхождению со взаимно-совместным залогом»¹⁸.

В споре о том, какое значение аффикса *-š-* было наиболее старым, по-видимому, необходимо учитывать весьма показательное в своей неодинаковости распределение семантики собирательности, множественности у глаголов с аффиксом *-š-* на разных этапах развития тюркских языков. Во всяком случае для ряда современных тюркских языков — каракалпакского, казахского, туркменского — семантика глагольных форм с показателем *-š-* связывается со значением исходного глагола: «если исходный глагол является переходным, то образуется форма взаимного действия, направленного на объект, а если непереходным, то образует-

¹² «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов». Л., 1974, стр. 8.

¹³ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 135.

¹⁴ Там же, стр. 138.

¹⁵ Х. Г. Нигматов. Залогов глагола в восточно-тюркском языке XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 53.

¹⁶ Б. А. Серебренников. Из истории звуков и форм тюркских языков. — «Советская тюркология», 1974, № 6, стр. 10.

¹⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 188.

¹⁸ А. Н. Кононов. Показатели собирательности — множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. Л., 1969, стр. 7.

ся форма совместного действия двух или нескольких субъектов»¹⁹. Между тем в восточнотюркском языке XI—XII веков «аффикс $-(^o)ш-$ с совместно-множественным значением может присоединяться ко всем глаголам и выражает простую множественность действующих лиц, которые не являются объектами для G_1 („исходного глагола” по Н. А. Баскакову. — Г. Б.) и, следовательно, по отношению друг к другу»²⁰. Использование «нынешнего аффикса взаимно-совместного залога» $-š-$ в качестве показателя согласования по числу в области глагола в древнетюркском языке отмечает В. Г. Кондратьев, не делая при этом различий между переходными и непереходными глаголами²¹. По наблюдениям Э. И. Фазылова, у глаголов на $-š-$ «значение совокупности особенно часто встречается в памятниках XIV—XVII вв. у Рабгузи, Лутфи, Навои, Бабура, Мухаммада Салиха и Абдул Гази Бахадур-хана...», а случаи употребления показателя $-š-$ в значении множественности (без указания на семантическую дифференциацию исходных глаголов) «имеются в произведениях Алишера Навои, Мухаммада Салиха»²².

Таким образом, как явствует из наблюдений историков тюркских языков, значения собирательности, множественности у показателя $-š-$ оказываются зафиксированными, начиная с памятников древнетюркской письменности. Важно также и то, что исторически на эти значения не налагались ограничения, связанные с переходностью — непереходностью тюркского глагола, как это случилось впоследствии, в частности, в туркменском, каракалпакском, казахском языках. Здесь важно напомнить, что и сама категория переходности — непереходности не была свойственна тюркским языкам изначально: «По мере углубления в историю тюркских языков отчетливее проявляется неустойчивость границы между переходными и непереходными глаголами и само содержание этой категории становится все более неопределенным»²³. Следовательно, глобальность лексического охвата у показателя $-š-$ в значении собирательности, множественности, отмеченная в восточнотюркском языке XI—XII веков, может помочь относительной хронологизации этого явления: во всяком случае, значение собирательности, множественности у $-š-$ датируется ранее возникновения устойчивой границы между переходными и непереходными глаголами, иначе говоря, оно действительно является одним из старейших значений показателя $-š-$.

3. Если исходить из ставшего традиционным воззрения на общее с взаимно-совместным залогом происхождение аффикса $-š-$ в значении множественности, то, с точки зрения синхронии, использование $-š-$ для выражения этой грамматической семантики можно рассматривать как

¹⁹ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 8; см. также: «Современный казахский язык. Фонетика и морфология». Алма-Ата, 1962, стр. 304; П. Азимов, Дж. Амансарыев, К. Сарыев. Туркменский язык. — «Языки народов СССР», т. II. — Тюркские языки. М., 1966, стр. 101. А. А. Юлдашев (указ. раб., стр. 89), напротив, полагает, что для башкирского языка «... переходность и непереходность не могут служить меркой для определения взаимного или совместного значений». С. Н. Иванов также считает, что группа залоговых форм, в которую входит и взаимно-совместный залог, в данном случае обозначающий отношение действия к совокупному субъекту, «охватывает все первообразные глаголы независимо от лексических различий между ними по линии переходности — непереходности» (С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 10).

²⁰ Х. Г. Нигматов. Указ. раб., стр. 51.

²¹ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 25.

²² Э. И. Фазылов. Указ. раб., стр. 85—86. С учетом более поздних по времени наблюдений В. Г. Кондратьева и Х. Г. Нигматова датировка названного значения показателя $-š-$, по Э. И. Фазылову, нуждается в уточнении, ср.: «Глаголы на $-š-$ со значением совокупности появляются лишь с XII—XIV вв. в памятниках староузбекского языка» (там же, стр. 81).

²³ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 456.

противоречие между индивидуальным функциональным свойством данного элемента (-š-) и общими функциональными свойствами соответствующего класса (залога). По этому своему функциональному свойству аффикс -š- может быть типологически сопоставлен с теми средствами глаголообразования, в том числе — залогообразования, которые используются для передачи значения множественности в селькупском глаголе²⁴.

На основе названного индивидуального функционального свойства могло возникать частичное функциональное тождество аффикса -š- в значении глагольного множественного числа, с одной стороны, и показателя множественного числа -lag, с другой, как это случилось, например, в узбекском языке (см. об этом ниже). Здесь благодаря этому частичному тождеству произошло перекрещивание различных элементов структуры языка, которые принадлежат разным морфологическим классам и в принципе не должны быть соотносительными. Эта несоотносительность классов, к которым они принадлежат, проявляется, в частности, в неодинаковой дистрибуции названных показателей внутри словоформы: -š- инфигируется между основой глагола, с одной стороны, и показателями отрицания, наклонения, времени и т. д., с другой; -lag занимает самое последнее место в словоформе, следуя после показателей отрицания, наклонения, времени и т. д. Воздействие названного частичного тождества, надо думать, сказалось на перераспределении позиции аффикса -š- в отрицательной глагольной форме, что отмечено С. Ибрагимовым в андижанском говоре узбекского языка: в подговорах кишлаков Сафарабад и Коштепасарай Чинабадского района и частично — кишлака Сарай Алтынкульского района Андижанской области -š- присоединяется не непосредственно к основе, как обычно, а к основе, осложненной аффиксом отрицания -та-, например, *бэр-мэ-ш-кэн* '(они) не ходили', *гэпэр-мэ-ш-кэн* '(они) не говорили' при обычных *улэр бэр-ыш-мэ-гэн*, *гэпэр-ыш-мэ-гэн*; то же явление отмечается в говорах сарайской группы и в районных говорах кокандской группы (Ленинградский, Багдадский районы Андижанской области), особенно при наличии в словоформе еще и показателей страдательного или возвратного залогов: *көр-үм-мэ-ш-тэ* '(они) не виделись', *қыр-ым-мэ-ш-тэ* '(они) не брились'²⁵.

Благодаря реализации названного индивидуального функционального свойства аффикса -š-, по своим формальным приметам принадлежащего к классу глаголообразовательному, в киргизском языке создавалось достаточно четко локализованное (преимущественно сферой 3-го лица) сингулярное — плюральное противопоставление «чистой» глагольной основы (нулевой формы) и глагольной основы, осложненной аффиксом -š- (ø — -š-)²⁶. Подобное противопоставление могло развиваться на почве морфологического неразличения множественного числа²⁷ у гла-

²⁴ См. об этом: А. И. Кузьмина, Э. Г. Киселева. К вопросу о категории множественности в селькупском языке. — «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции 14—16 июня 1973 г.». Томск, 1973, стр. 65.

²⁵ С. Ибрагимов. Узбек тилининг Андижон шеvasи. Тошкент, 1967, стр. 206, 225.

²⁶ В этом плане небезынтересно наблюдение А. Н. Кононова над узбекским языком: «Глаголы „совместные“ в 3-м л. мн. ч., как правило, афф. мн. ч. -лар не принимают, так как -иш сам передает идею собирательности, множественности» (А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 189). Ср., однако, противоположные факты из башкирского языка: «Некоторые глаголы, снабженные аффиксом совместно-взаимного залога, не употребляются в форме единственного числа...» (А. Х. Фатыхов. Категория залога в башкирском языке. — «Координационное совещание...», стр. 13).

Здесь и далее знак ø означает перечеркнутый нуль. (Прим. ред.)

²⁷ См. об этом: Г. А. Климов. К характеристике языков активного строя. — «Вопросы языкознания», 1972, № 4, стр. 9, 10, 12.

гольных форм 3-го лица. В самом деле, в киргизском языке, где -š- наиболее регулярно выступает своеобразным показателем грамматического значения множественности, его употребление в этой функции имеет целый ряд существенных ограничений в пользу нулевой формы. Во всяком случае, если подлежащее в форме множественного числа представляет собой либо название животного, либо неодушевленное существительное, глагольное сказуемое не согласуется с ним во множественном числе (нулевой показатель в глагольной форме): *zajloodon at-tar keldi* 'лошади пришли с летних пастбищ'²⁸. В том случае, когда подлежащие в форме множественного числа относятся к разряду имен, обозначающих людей, глагольные сказуемые могут согласоваться с ними в числе (термин «согласование» употребляется нами условно, поскольку в глаголе показателем множественного числа выступает здесь не -lag, а -š-), хотя возможно и отсутствие такого согласования (ø в глагольной форме). Например: *okuıcu-lag kel-di/kel-iš-ti* 'ученики пришли'. Правда, эти варианты семантически неравноценны: при отсутствии согласования пример переводится 'пришли вместе', при наличии согласования (*okuıcu-lag kel-iš-ti*) 'пришли каждый сам по себе'²⁹. Примечательно, что в таком использовании значение аффикса -š- (дифференцированное множество) как раз противоречит залоговой семантике этого аффикса («Вообще здесь действующие лица могут быть представлены только вместе, врозь они немыслимы»³⁰). Таким образом, вопрос об использовании аффикса -š- как показателя множественного числа в глагольных формах 3-го лица оказывается связан с синтаксической проблемой согласования глагольного сказуемого с субъектом действия — подлежащим во множественном числе.

По данным Б. М. Юнусалиева, в киргизских говорах отсутствие согласования глагольного сказуемого и подлежащего во множественном числе распространено шире, чем в литературном языке, охватывая и случаи, когда подлежащее выражено именем, обозначающим людей [*Bizdikine konok-tor keldi* 'К нам пришли гости', *Emgekci-ler bajlardyn ezüüsündö bolup kelgen* 'Трудящиеся были (до известного времени) под гнетом богачей'], а также местоимением 2-го лица множественного числа (в говорах киргизов Узбекистана и Таджикистана: *Siz okuı* 'Вы читайте')³¹.

Можно предположить, что -š- как глагольный выразитель множественности развивается на фоне бедности морфологии глагольных форм 3-го лица и благодаря этой бедности. В плане диахронии заслуживает внимания замечание В. Г. Кондратьева о том, что в древнетюркском языке глагол «3 л. ед. и мн. ч. не имеет показателей лица и числа»³². По наблюдениям Э. И. Фазылова, показатель множественного числа -lag, как правило, не фиксируемый в глагольных формах языка рунических текстов, «в указанной позиции начал выступать в „Турфанских текстах“, „Суварне“, „Поклонении волхвов“ и др. Как известно, эти памятники являются переводными текстами с санскрита, тохарского и других языков. Названные языки, в которых подлежащее и сказуемое согласуются в числе, способствовали образованию подобного согласования в древних язы-

²⁸ К. Дыйканов. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955, стр. 79.

²⁹ Там же. Подобный параллелизм в наличии или отсутствии согласования во множественном числе отмечен для многих форм прошедшего времени: Б. О. Орузбаева. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955, стр. 9, 14, 18, 26, 28, 29, 36.

³⁰ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 89.

³¹ Б. М. Юнусалиев. Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе, 1971, стр. 170, 174.

³² В. Г. Кондратьев. Указ. раб., стр. 26—27.

ках»³³. В плане синхронии подчеркнем, что употребление аффикса -š- для передачи множественного числа в глаголе присуще севернокиргизским говорам (а в современном киргизском литературном языке констатируется заметный перевес характеристик именно этой группы говоров), не знающим показателя множественного числа -lag в глагольных формах 3-го лица, и несвойственно южнокиргизским говорам, куда под влиянием узбекского языка проник аффикс -lag в формах 3-го лица многих времен изъявительного, а также условного наклонений³⁴.

Однако соотношение *ø* — -š- не всегда бывает таким, как в киргизском языке. В казахском морфология глагольных форм 3-го лица оказывается еще более неразвитой: как правило, в них отсутствует специальный показатель множественного числа (*ø*), а между тем аффикс -(i/y)s- используется в этом случае даже при подлежащих — именах со значением людей далеко не так регулярно, как в киргизском: выступая в качестве «эквивалента личных окончаний множественного числа», -(i/y)s- присоединяется к вспомогательному компоненту сложного глагола³⁵. Иначе говоря, в казахском языке -(i/y)s-, будучи как средство выражения множественности функционально ограниченным, практически не конкурирует с показателем *ø*. Более того, в ряде говоров западного диалекта казахского языка произошла нейтрализация -(i/y)s- как средства выражения множественности, а также совместности и взаимности в совершении действия: в говорах казахов Туркмении, а также Тамдинского района УзССР, а по сведениям С. Аманжолова — в западном диалекте в целом, глагольные формы, имеющие в своем составе показатель -s-, используются в значении глаголов основного залога единственного числа; например: *хатымыз кашан ти-іс-еді?* (вм. *tiedi*) 'Когда наше письмо дойдет?'³⁶. С точки зрения типологии близкородственных языков, примечательно, что подобную нейтрализацию залогового значения можно наблюдать и у других залогов — например, у понудительного залога в некоторых якутских говорах, где «действительный залог иногда выражается в форме побудительного. Так, говорят: *Бу киһи ойуур маһын бараппыт* 'Этот человек весь лес вырубил'. *Киис баһайы тиһһи бараппыт* (букв. 'Соболь-негодник позволил (дал) кончить белок'). Литературное: *Киис баһайы тиһһи бараабыт* 'Соболь-негодник истребил белок' и т. д.»³⁷.

Следы соотношения *ø* — -š- сохранились в хакасском, чулымско-тюркском и шорском языках в еще более ограниченной и специфической

³³ Э. И. Фазылов. Материалы по истории узбекского языка. — «Вопросы тюркологии». Ташкент, 1965, стр. 94.

³⁴ В тех же случаях, когда, например, в киргизских говорах Узбекистана (Ферганская и Самаркандская области) в пределах одной глагольной словоформы 3-го лица множественного числа соплагаются показатели -š- и -lag (*bu kyzdar üsköldö oku-š-at-tar* 'Эти девочки учатся в школе'), «аффикс -ыш- передает идею не множественности, но объединения субъектов действия, идея же множественности передается посредством аффикса -лар» (Э. Абдулдаев, Г. Бакинова, Н. Бейшекеев. *Өзбекстандагы кыргыздардын тилиндеги жергиликтүү өзгөчөлүктөр*. Фрунзе, 1962, стр. 94, см. также стр. 87, 93. Таким образом, это, по-видимому, иное явление, нежели повторное присоединение к одной глагольной основе аффикса -š-, употребляемого как глагольный показатель множественности, например, кирг. *alar kajra otko kir-iš-iš-ti* 'Они снова зашли в дом' (С. Күдайбергенов. *Кыргыз тилиндеги сөз өзгөртүү системасы*. Фрунзе, 1957, стр. 22).

³⁵ «Современный казахский язык. Фонетика и морфология». Алма-Ата, 1962, стр. 305—306.

³⁶ Т. Айдаров. Языковые особенности казахов Тамдинского района УзССР. Автореф. канд. дисс. Ташкент — Алма-Ата, 1967, стр. 16; А. Нурмагамбетов. Казахский говор на территории ТуркмССР. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965, стр. 15—16; С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. 1. Алма-Ата, 1959, стр. 186.

³⁷ П. С. Афанасьев. О взаимоотношениях якутского литературного языка и местных говоров. — «Труды Якутского филиала [СО АН СССР]», вып. 1 (VIII) — Общественные науки, 1958, стр. 86.

сфере — только в составе форм повеления 2-го лица множественного числа: «чул.-тюрк. $\sqrt{\text{ч}} + \text{у}\check{\text{с}}$; шор., хакас. $\sqrt{\text{ч}} + \text{уs}$ »³⁸. Представляется, что такое ограничение в указанном функционировании этого аффикса возникло именно потому, что в названных сибирских языках морфология изучаемых глагольных форм сейчас оказалась более развитой: в хакаском и шорском глагольные формы 3-го лица множественного числа, как правило, имеют в своем составе аффикс *-laŋ* (исключением в хакаском является так называемое прошедшее «заглазное» на *-туг*, имеющее нулевой показатель в 3-м лице множественного числа: *аңна-п-тыр* 'они, оказывается, охотились', а в шорском — повелительное наклонение и будущее I время, допускающие в 3-м лице множественного числа параллельное использование форм с аффиксом *-laŋ* и с нулевым показателем: *ылар иштеер-лер/иштеер* 'они будут работать', *күлзин-нер/күлзин* 'пусть они улыбаются')³⁹; в чулымско-тюркском ряд спрягаемых форм присоединяет аффикс *-laŋ*, для некоторых (например, настоящее время данного момента, будущее неопределенное) характерно параллельное использование *-laŋ* и нулевого показателя и только отдельные формы 3-го лица единственного и множественного числа совпадают ($\emptyset$)⁴⁰.

4. Из Северной Киргизии, своего рода современного центра употребления *-š-* для выражения глагольной множественности (именно в здешних говорах, черты которых преобладают в современном киргизском литературном языке, использование *-š-* как показателя глагольной множественности получило наибольшее распространение), волны иррадиации неравномерно проникают на запад и юго-запад Средней Азии, в одних случаях поддерживая, а в других — активно стимулируя расширение сферы подобного использования *-š-*.

4.1. В плане неравномерности такого проникновения показательно неодинаковое функционирование аффикса *-š-* как выразителя глагольной множественности в языке уйгуров, живущих в СУАР КНР и среднеазиатских республиках СССР. В новоуйгурском языке СУАР КНР при известной неразвитости морфологии глагольных форм 3-го лица (согласование во множественном числе, как правило, отсутствует, и только в литературном языке иногда употребляется аффикс множественного числа *-la[r]*, *-lə[r]*) использование показателя *-(i)š-* в значении множественности в разговорной речи возможно лишь в двух временах — прошедшем категорическом [*ula(r) qil-iš-ti* 'они делали'] и настояще-будущем [*ula(r) qil-iš-idi* 'они делают']⁴¹. Можно сказать, таким образом, что в новоуйгурском слабо намечено трехчленное соположение $\emptyset$ — *-la(r)* — *-(i)š-*. Иное соотношение наблюдается в уйгурских говорах Средней Азии — илийско-семиреченском, андижанском, ферганском и ошском, где, по-видимому, названных ограничений для употребления показателя *-(i/u/ü)š-* нет: относительно часто используемый в глагольных формах 3-го лица, он указывает (в отличие от киргизского эквивалента) на неопределенное множество действующих лиц. Параллельно распространена

³⁸ Н. А. Баскаков. Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1, стр. 100.

³⁹ «Грамматика хакаского языка». М., 1975, стр. 187 и сл., а также стр. 218; Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 172 и 188, а также стр. 147, 175, 177, 181, 182, 187, 190—192, 194 и сл.; см. также: Г. Ф. Бабушкин, Г. И. Донидзе. Шорский язык. — «Языки народов СССР», т. II. — Тюркские языки, стр. 475—476.

⁴⁰ А. П. Дульзон. Чулымско-тюркский язык. — Там же, стр. 453—460.

⁴¹ См.: Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 94, 96, 97, 99, 100; В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, примеч. 1 к стр. 80, стр. 83, 84, 91.

форма с нулевым показателем множественного числа: *ула кэлди/ула келишти* 'они пришли'⁴², то есть соположение $\emptyset$ — $\text{-}\check{\text{š}}$.

4.2. В современном узбекском литературном языке подлежащее-имя и сказуемое-глагол в 3-м лице в принципе согласуются во множественном числе посредством аффикса -lag , присоединяемого и к первому, и ко второму (*išči-lag čiqti-lag* 'рабочие вышли'), хотя здесь часто согласование глагола с именем во множественном числе и отсутствует (показатель множественного числа — $\emptyset$: *išči-lag čiqti*). По наблюдениям А. А. Ковшовой-Кокляновой, в глагольных формах 3-го лица при подлежащих — именах, обозначающих людей и оформленных аффиксом -lag , нулевой показатель множественного числа встречается реже, чем одинаково частотные для этого случая -lag и $\text{-}\check{\text{š}}$; при множественном числе подлежащих — имен всех других семантических разрядов нулевой показатель в глагольной форме 3-го лица наиболее обычен⁴³. Аффикс $\text{-(i)}\check{\text{š}}$ служит для выражения множественности (в плане собирательности/совместности) в глагольных формах 3-го лица; при этом -lag в их составе может как отсутствовать, так и присутствовать («для усиления значения») ⁴⁴. Таким образом, в целом здесь представлено соотношение $\emptyset$ — -lag — $\text{-}\check{\text{š}}$ (в случае «усиления значения» — нейтрализация противопоставления -lag — $\text{-}\check{\text{š}}$).

Судя по опубликованным материалам узбекской диалектографии, соотношение $\emptyset$ — -lag — $\text{-}\check{\text{š}}$ свойственно далеко не всем узбекским говорам: по способам выражения множественного числа в глагольной форме 3-го лица эти говоры представляют весьма неоднородную картину. В целом ряде кыпчакских говоров глагольное сказуемое 3-го лица не согласуется во множественном числе с подлежащим, имеющим при себе аффикс -lag . В ряде джекающих говоров, например в бахмалском, -lag в глагольных формах 3-го лица мн. числа вовсе не представлен — как правило, используется нулевой показатель⁴⁵; аналогичное явление ($\emptyset$) наблюдается в кыпчакско-огузском наречии Южного Хорезма, в хазараспском, шахрисябзском, найманском, карнабском, фаршском говорах⁴⁶. В ряде других джекающих говоров, в том числе Ширабадского района, в галляаральском, а также в сайрамском говорах употребление аффикса -lag факультативно на фоне широкого распространения $\emptyset$ ($\emptyset \sim \text{-lag}$)⁴⁷.

⁴² А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, 1. Алма-Ата, 1969, стр. 302; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1972, стр. 33.

⁴³ А. А. Коклянова. Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке. Канд. дисс. М., 1953, стр. 119, 147.

⁴⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 83.

⁴⁵ См.: В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Узбек диалектологияси. Тошкент, 1962, стр. 227—228; Х. Дониёров. Желашган диалектнинг характерли морфологик хусусиятлари. — «Труды Самаркандского государственного университета». Новая серия, 102, 1960, стр. 38.

⁴⁶ Х. Бабаниязов. Фонетико-морфологические особенности кыпчакских говоров Южного Хорезма. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 26; Ю. Жуманазаров. Ҳазорасп шевасида -лар аффиксининг баъзи хусусиятлари. — «Адабиётшунослик ва тилишунослик масалалари», 3. Тошкент, 1961, стр. 378; Б. Джураев. Шахрисябзский говор узбекского языка. Ташкент, 1964, стр. 106; М. Валиев. Найманский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1963, стр. 22; Н. Раджабов. О некоторых морфологических особенностях карнабского говора. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия. № 91. Филологический факультет, кафедра узбекского языка, 1959, стр. 117; Ш. Игамбердиева. Опыт сравнительного исследования форм прошедшего времени глагола узбекского литературного языка с фаршским и намаганским диалектами. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970, стр. 22.

⁴⁷ В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Указ. раб., стр. 227—228; А. Маматкулов. Узбекский джекающий говор Ширабадского района. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1961, стр. 33; С. Zufarov. Сайрамский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 10, 11, 12; В. Эгамов. Галлаорол шевасининг баъзи бир морфологик категориялари ҳақида. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия, № 91, Филологический факультет, кафедра узбекского языка, 1959, стр. 86.

Напротив, например, в бухарских говорах, в огузском и огузско-кыпчакском наречиях Южного Хорезма, а также в говорах Южного Таджикистана, в ниязбашинском, каршинском, шахрисябзском -лаг последовательно представлен в глагольных формах 3-го лица множественного числа⁴⁸.

На фоне этой довольно пестрой картины особенно заметно, как в узбекских говорах, расположенных на соседних с Киргизией территориях, под стимулирующим воздействием киргизского языка активизировалась передача множественного числа в глагольных формах посредством -š-. Так, в ошском говоре узбекского языка, находящемся на территории КиргССР, отмечены, как и в киргизском, два параллельных способа выражения множественного числа — посредством -š- и ø: *кѣшѣ-лар келдѣ/кел-ѣш-ѣптѣ* 'люди пришли/идут в данное время'⁴⁹. Те же два способа наблюдаются в папском говоре (север Ферганской долины), между тем как за -лаг в глагольной форме закреплено специализированное значение почтительности (*ортаѣм кеттѣлар* букв. 'мой товарищ ушли')⁵⁰. Точно такое же соотношение названных показателей отмечено в уйчинском и вуадильском (юг Ферганской долины) говорах⁵¹.

В андижанском говоре в глагольных формах 3-го лица множественного числа широко распространен параллелизм ø и -š-, причем подчеркивается последовательное употребление -š-, хотя факультативно здесь возможно и использование аффикса -лаг; соположение -лаг — ø — -š- отмечено в говорах карлукского типа, распространенных в северо-восточном Таджикистане (в группах Иписар — Гулякандоз и Лаккан — Ниязбек — Фарманкурған)⁵².

В наманганской группе говоров, где аффикс -š- в значении множественного числа используется весьма широко, соположения неодинаковы для различных подгрупп говоров: в наманганском городском говоре параллельно возможны -ла (< -лаг) и -(ѣ)ш- (*кѣдду-ла/кѣр-ѣш-тѣ* 'они увидели'), хотя и далеко не во всех временных формах; в «умлаутных» сельских говорах и говорах ташкентского типа — ø и -š- (*бѣрѣвѣттѣ/бѣрѣш-вѣттѣ* 'они идут'); в говорах ферганского типа преимущественно употребляется -ла: (< -лаг)⁵³. В кокандском и в южноферганских говорах отмечено употребление -š- в значении множественного числа⁵⁴; в

⁴⁸ М. Мирзаев. Бухарская группа говоров узбекского языка. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1965, стр. 43; Т. Юлдашев. Узбекские говоры Южного Таджикистана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 21; Н. С. Гафурова. Ниязбашинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, стр. 17; А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1960, стр. 29; Х. Бабаниязов. Указ. раб., стр. 26; Б. Джураев. Шахрисябзский говор узбекского языка. Ташкент, 1964, стр. 155 и сл.

⁴⁹ И. Фарманов. Ошский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1960, стр. 16.

⁵⁰ О. Шарипов. Узбек тилининг Поп шеvasи. Канд. дисс. Тошкент, 1962, стр. 107, 137 и 106.

⁵¹ А. Ю. Алиев. Узбек тилининг Уйчи шеvasи. Канд. дисс. Тошкент, 1959, стр. 100; Х. Узоқов. Водил шеvasи морфологиясида. — «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», 3, стр. 385.

⁵² С. Иброхимов. Указ. раб., стр. 197, 198, 200, 224 и сл., стр. 227—228; Э. Шералиев. Шимоли-шарқий Тожикистондаги узбек шеваларининг лексикаси. Канд. дисс. Тошкент — Сирдарё, 1974, стр. 27.

⁵³ А. Ю. Алиев. Наманганская группа говоров узбекского языка. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1973, стр. 76, 77, 79; С. Туляков. Наманган шаҳар шеvasида феълларнинг тусланиши. — «Узбек тили ва адабиёти», 1965, № 2, стр. 39—42; Ш. Игамбердиева. Указ. раб., стр. 22—23, 26—28, 32.

⁵⁴ Ш. Насыров. Кокандский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965, стр. 18; Х. Узоқов. Жанубий Фарғона шеваларидан. — «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», 5. Тошкент, 1963, стр. 586.

западноферганских говорах — это вполне регулярное средство передачи множественного числа⁵⁵.

Таким образом, именно узбекские говоры Ферганской долины, почти по всему периметру граничащей с киргизской языковой территорией, выделяются в довольно компактный ареал.

От ферганского ареала отходят «постепенно затухающие волны» — и в смысле территориальной разреженности островных зон, и в смысле меньшей интенсивности частотности *-š-*. Это угасание частотности не наблюдается, пожалуй, только в туркестанском и ташкентском говорах, причем в последнем (как и в папском говоре) можно отметить своеобразную «специализацию»: *-š-* используется как показатель множественного числа в глагольных формах 3-го лица, в то время как *-ла (<-laḡ)* служит для выражения почтительности⁵⁶. В туркестанском же говоре «в 3-м лице множественного числа не отмечено употребление аффикса *-laḡ*, вместо него используется показатель *-ʔи/-ш*; согласование в лице [точнее, во множественном числе. — Г. Б.] соблюдается лишь тогда, когда в роли подлежащего выступают [имена. — Г. Б.] живые существа, в основном люди: *калхоччʔ-лар кал-ʔи-ть* (пришли колхозники)»⁵⁷.

В манкентском говоре параллельно с *-š-* в значении множественного числа употребляется *-laḡ*⁵⁸. Употребление *-š-* для передачи множественности зафиксировано в джизакском говоре⁵⁹. В переходных говорах верхней Кашкадарьи в глаголах 3-го лица множественного числа возможны формы как с нулевым показателем, так и с аффиксом *-š-* (*кентʔ/кел-ʔи-ʔитʔ* 'оказывается, они приходили')⁶⁰. В текстах на китабском говоре отмечены формы на *-š-* в соединении с *-laḡ*⁶¹. В каршинском, где довольно последовательно применяется *-la(ḡ)* в 3-м лице множественного числа и реже — нулевой показатель, за формами повелительного наклонения 3-го лица множественного числа закрепился показатель *-š-* (*бэр-ʔи-сʔи* 'пусть они идут'), в то время как *-la(ḡ)* в составе таких форм свидетельствует о почтительном обращении (*бэссул-ла* 'пусть Они идут')⁶², сравните подобную специализацию в папском и ташкентском говорах. В карнабском параллельно употребляются формы с нулевым показателем и формы с показателем *-š-*⁶³.

4.3. Активизировавшееся под стимулирующим воздействием киргизского языка выражение множественного числа в глагольных формах 3-го лица посредством *-š-* в ряде узбекских говоров Ферганской долины расширило сферу использования, вытеснив собою *-laḡ* в его побочном зна-

⁵⁵ Т. Тургунов. Западноферганские говоры узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 11, 17.

⁵⁶ Я. Г. Гулямов. Грамматика ташкентского говора, ч. 1. Морфология. Ташкент, 1968, стр. 113—118.

⁵⁷ К. Мухамеджанов. Туркестанский говор узбекского языка. На материале карлукской группы говоров. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970, стр. 22.

⁵⁸ В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Указ. раб., стр. 283.

⁵⁹ Там же, стр. 264.

⁶⁰ Т. Кудратов. Переходные говоры узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 23.

⁶¹ В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Указ. раб., стр. 278.

⁶² А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1960, стр. 29. Ср. в повелительном наклонении 3-го лица *«-уʃ + sup кирг., н.-уйг. для мн. числа, где аффикс -уʃ общий с аффиксом взаимно-совместного залога, указывает на мн. число»* (Н. А. Баскаков. Происхождение форм повелительно-желательного наклонения..., стр. 101).

⁶³ Н. Раджабов. О некоторых морфологических особенностях карнабского говора. — «Труды Узбекского государственного университета». Новая серия. № 91. Филологический факультет, кафедра узбекского языка, 1959, стр. 117, 123.

чении почтительности. Гоноративное употребление -š- можно рассматривать как своего рода косвенную инновацию (ибо в киргизском языке этот аффикс в гоноративной функции в известных нам диалектологических трудах не отмечается), возникшую в результате вытеснения этим аффиксом показателя множественного числа -lag в глаголе во всех его назначениях. Именно благодаря этому функциональная сфера -š- в узбекских говорах оказалась более широкой, чем в киргизских. В гоноративной функции аффикс -š- отмечен в ферганском: *бувѣм келѣштѣ* 'моя бабушка пришли'⁶⁴, в наманганском, кокандском (*дадам ҳэзѣр келѣп қалѣшадѣ* 'мой папа сейчас придут') и западноферганских (*апам келишти* 'моя старшая сестра пришли')⁶⁵. В андижанском городском говоре -š- в составе формы повелительного наклонения 2-го лица множественного числа передает оттенки пренебрежения, связанные с обращением старших к младшим, число которых невелико (чаще всего два): *қай кет-ѣш-ѣп-сѣн ѣкѣвлѣрѣнѣг, кел-ѣш* 'куда вы пошли вдвоем, идите сюда'⁶⁶. Заметим, что в приведенном примере сочетание морфем -ѣш- ... -сѣн во временной форме глагола изъявительного наклонения закономерно может быть соотнесено с семантически равнозначным сочетанием -лѣр-ѣнѣг в имени числительном *ѣкѣв-лѣр-ѣнѣг*, также передающим пренебрежительное отношение ко 2-му лицу множественного числа.

Далеко на запад от ферганского ареала островком располагается бахмалский джекающий говор, где -š- в гоноративной функции (*атам райанда қалышты* 'мой отец остались в районе') распространен на фоне нулевого показателя множественного числа в глагольных формах 3-го лица⁶⁷ — здесь важно подчеркнуть как отдаленность этой микрзоны от ферганского ареала, так и то обстоятельство, что в говоре закрепились именно побочная функциональная линия развития -š- (гоноративная функция), в то время как центральная линия этого развития (-š- как выразитель множественного числа) оказалась совершенно неотраженной. Примерно такую же картину можно наблюдать и в другом островке, составляемом ходжейлийско-кунградскими говорами (Ходжейлийский и Кунградский районы Каракалпакской АССР — это крайний запад на узбекской языковой территории): показатель -(y/ʏ)ш- используется в сфере повелительного наклонения 2-го лица единственного числа для выражения «просьбы-пожелания» (*бар-уш* 'пойди-ка', *ал-уш* 'возьми-ка') также на фоне нулевого показателя множественного числа в глагольных формах 3-го лица⁶⁸.

5. Итак, дальнейшая эволюция грамматической семантики аффикса -š- от множественности к гоноративности (или: уничижительности) происходила не изолированно, а благодаря частичному тождеству -š- и -lag в составе глагольных форм. Аффиксу -lag издавна были свойственны гоноративная функция и, отчасти, уничижительная (что подтверждается также и типологически данными иносистемных языков в частности, в языке украинцев Оренбургской области *мама говорылы, батько пийш-*

⁶⁴ В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Указ. раб., стр. 226.

⁶⁵ С. Туляков. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965, стр. 9; Ш. Насыров. Кокандский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965, стр. 18; Т. Тургунов. Западноферганские говоры узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 11, 17.

⁶⁶ А. Маматов. Андижанский городской говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1967, стр. 22. Ср. аналогичное использование показателя -lag в отдельных глагольных формах ташкентского и шахриябзского говоров (см.: Я. Г. Гулямов. Указ. раб., стр. 113; Б. Джураев. Указ. раб., стр. 163).

⁶⁷ Х. Дониёров. Указ. раб., стр. 38.

⁶⁸ Ю. М. Ибрагимов. Морфология ходжейлийско-кунградских говоров узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1974, стр. 14—15.

лы — см. сообщение И. С. Изотовой). Названная эволюция своими истоками уходит в глубь веков: во всяком случае уже в памятниках среднеазиатско-тюркского письменно-литературного языка XVI—XIX веков, в том числе в «Шейбани-наме», «наблюдается употребление показателя взаимно-совместного залога -š- в значении вежливости, характерном для показателя множественного числа -лар»⁶⁹.

Относительно гоноративной и уничижительной функции аффикса -š- следует заметить, что именно в этом индивидуальные функциональные свойства данного аффикса особенно резко противостоят свойствам класса залога, к которому он принадлежит.

Такое же противоречие индивидуального и общего функционального свойства залога можно усмотреть в специфических употреблениях пассива. При функциональном отсутствии субъекта в позиции подлежащего пассивная конструкция, тем не менее, способна акцентировать внимание на соотнесенности глагольного действия с отсутствующим здесь субъектом этого действия. Благодаря этой стороне залоговой характеристики пассива стало возможным стилистически окрашенное использование его в качестве своеобразной депрециативной («скромной») формы⁷⁰. Пассив в депрециативной функции отмечается в разговорной и диалектной речи современного узбекского языка⁷¹. Особенно же широко представлено использование пассивных глаголов в стилистических целях умолчания об истинном производителе действия при повествовании от первого лица в средневековом среднеазиатско-тюркском литературно-письменном языке, в частности в произведениях Алишера Навои и особенно — Захир-эдина Мухаммеда Бабура⁷². Подчеркнем, что депрециативное использование пассива изменяет его синтаксические свойства: как и основной залог, пассив продолжает управлять винительным падежом имени, передающего объект действия, а в редких случаях сохраняет при себе и подлежащее — субъект действия в виде личного местоимения (в приводимом примере — 1-го лица множественного числа): *biz sajid qasim wa kühbür-ni wa xōšikā arṡun-ni bir peša jigıtlar bilan jıbag-il-di*⁷³ 'Мы послали Сейид Касыма, и Кухбура, и Хошике Аргуна с несколькими молодцами'. В современном ташкентском говоре узбекского языка Я. Г. Гулямов также отмечает в качестве одной из особенностей страдательного залога возможность употребления при нем винительного падежа объекта (*ўрғун-нэ йўғалдэ* 'постель складывается')⁷⁴.

Как гоноратив, так и депрециатив, В. М. Алпатов вполне обоснованно считает грамматическими формами, относящимися «к числу категорий, отражающих субъективное отношение говорящего к объективной действительности, их можно соотнести с такой категорией, как наклонение»⁷⁵, иначе говоря, с категорией словоизменительной. И гоноративная, и депрециативная конструкции с глаголами, имеющими в своем со-

⁶⁹ Э. И. Фазылов. Указ. раб., стр. 87; *его же*. Категория залога в узбекском языке в сравнительно-историческом освещении. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1961, стр. 12—13.

⁷⁰ Этот термин, как и «гоноратив», заимствован из специальной работы: В. М. Алпатов. Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973, стр. 13.

⁷¹ Случаи подобного типа приводятся, например, в работе: С. А. Фердаус. Узбек тилида фе'л даражалари категорияси. Канд. дисс. Ташкент, 1950, стр. 210 и сл. (в гл. 5-й, посвященной анализу «ошибочного» употребления залогов).

⁷² См. об этом: Г. Ф. Благова. Формы пассива, представленные в «Бабур-наме», и особенности их синтактико-стилевого использования. — «Asian and African studies». J. Bratislava, 1965.

⁷³ «„Бабур-намэ“ или записки Султана Бабура». Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским]. Казань, 1857, стр. 134₁₇ — 19.

⁷⁴ Я. Г. Гулямов. Указ. раб., стр. 127.

⁷⁵ В. М. Алпатов. Указ. раб., стр. 14, см. также стр. 8.

ставе соответственно залоговый показатель -š- или же -l-/п-, обладают к тому же ярко проявляющейся стилистической окрашенностью⁷⁶, имеющей, правда, разную направленность.

Тот факт, что стилистически окрашенные использования показателей взаимно-совместного залога и пассива при более пристальном их рассмотрении оказываются выстроенными в один изофункциональный ряд, не может быть простой случайностью. Во всяком случае та изофункциональность, которую можно усмотреть во вторичных, стилистически окрашенных употреблениях показателей взаимно-совместного залога и пассива, чрезвычайно важна в плане дискутируемого вопроса о количестве залогов в тюркских языках: именно эта изофункциональность может свидетельствовать в пользу принадлежности как пассива, так и взаимно-совместного залога к единому грамматическому классу и препятствовать выделению взаимно-совместного залога в некую форму неоправданно частной и дробной «особой» категории глагола — категории «взаимно-совместного действия»⁷⁷.

Самая же возможность использования показателей взаимно-совместного залога и пассива в качестве словоизменятельных аффиксов: одного как выразителя идеи множественности в глаголе и обоих — для выражения «модуса» (гоноратива или уничижительности и депрециатива) — не может не быть учтена при решении вопроса о статусе тюркского залога, который, по-видимому, не только исторически, но и в плане синхронии продолжает оставаться категорией, переходной от словообразования к словоизменению.

---

⁷⁶ Ср. характеристику «любых исходных конструкций» как «стилистически нейтральных» («Типология пассивных конструкций», стр. 13).

⁷⁷ Н. Н. Джанашиа. Указ. раб., стр. 44.

Л. Ш. АРСЛАНОВ

К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРТАННО-СМЫЧНОЙ ФОНЕМЫ « , » В КАСИМОВСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Одной из характерных черт касимовского говора, в отличие от татарского литературного языка, является отсутствие заднеязычных согласных К, Г, Х и замещение их гортанно-смычной фонемой « , », образуемой «путем полного смыкания голосовых связок»¹.

В научной литературе отмечается, что фонема « , », кроме касимовского говора, ни в одном из тюркских языков не встречается². Указывается также, что «иногда на месте заднеязычных возникает так называемая заместительная долгота предшествующего гласного звука»³.

В последнее время наличие гортанно-смычной фонемы « , » установлено и в ряде других говоров и диалектов татарского языка. Так, например, аналогичный гортанно-смычный согласный « , » имеется в говоре мордвы-каратаев, однако он является рефлексом другого согласного, то есть выступает на месте фонемы Д в глаголах 3-го лица настоящего времени множественного числа изъявительного наклонения: *бара'лар* > *бардылар* 'идут'⁴. Гортанно-смычная фонема « , » зафиксирована также в мишарском диалекте⁵, в говоре каринских и глазовских татар, в заказанских говорах среднего диалекта⁶. Фонема « , » представлена и в ногайском говоре Татарской слободки под Новочеркасском⁷, который фактически является частью касимовского говора⁸.

Случаи выпадения согласных К, Г отмечены в мамлюко-кыпчакском глоссарии «*Kıtaḅ-al-Idrāk*»⁹. Замена заднеязычного и среднеязычного К

¹ Л. Т. Махмутова. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. Материалы по диалектологии. Казань, 1955, стр. 147—148.

² Там же, стр. 147; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 168.

³ А. М. Корнилова. Русские заимствования касимовско-татарского говора как источник истории русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 10.

⁴ Л. Ш. Арсланов. Некоторые особенности говора мордвы-каратаев. — «Татар теле һәм әдәбияты». Казань, 1965, стр. 124.

⁵ Л. Т. Махмутова. Мишарский диалект татарского языка. (Рукопись).

⁶ Н. Б. Бурганова. Заказанские говоры татарского языка. (Рукопись), стр. 30—35.

⁷ М. К. Милых. О ногайском говоре Татарской слободки под Новочеркасском. — «Ученые записки. Факультет языка и литературы. Кафедра русского и общего языкознания». Ростов-на-Дону, 1940, стр. 35—55.

⁸ Материалы «Донских дел» не оставляют никакого сомнения в том, что «свои татары», «наши низовые татары», «донские татары» — это выходцы из Касимова, что подтверждается и языковыми данными; см.: М. К. Милых. Глагол ногайского языка. — «Труды Черкесского научно-исследовательского института», вып. 2. Черкесск, 1954, стр. 131.

⁹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 168.

в аффиксах зафиксирована в терском диалекте кумыкского языка¹⁰. Аналогичные случаи замены согласных К, Г встречаются и в других тюркских языках.

Гортанно-смычная фонема «,» характерна для некоторых языков финно-угорской, самодийской, иберийско-кавказской и семитской семей.

Гортанно-смычные звуки отмечены в диалектах удмуртского языка¹¹. «В речи мордвы-эрзи Татарии смычные согласные k, t (t') перед некоторыми гласными и согласными в конце и середине слова переходят в гортанный смычный согласный»¹². Гортанно-смычные звуки являются характерной чертой кавказских языков¹³.

Причины возникновения гортанно-смычной фонемы «,» в касимовском говоре пока не установлены. Однако исследователями были высказаны отдельные предположения по поводу ее появления и употребления.

Так, Е. Д. Поливанов в гортанно-смычной фонеме «,» касимовского говора усматривает «социальную фиксацию индивидуального произносительного дефекта одного из касимовских царей, получившего распространение через дворцовую знать и высшее сословие в народ»¹⁴. Эта гипотеза представляется нам малоубедительной. Вряд ли возможно, чтобы индивидуальные особенности произношения одного лица могли оказать столь решающее влияние на произносительные нормы многочисленного коллектива и привели к выпадению или замещению в их языке отдельных звуков.

В. А. Гордлевский связывает возникновение фонемы «,» на месте К, Г, Х с финским субстратом, сыгравшим определенную роль в формировании касимовского говора. Обосновывая свою гипотезу, В. А. Гордлевский пишет: «Это как будто говорит, что финское племя в Касимове, которое усвоило язык турецкий, было отлично от того, что по соседству, на севере или на востоке, но в том или ином случае это было, очевидно, западно-финское племя, которому был чужд звук Г»¹⁵. Гипотезу В. А. Гордлевского мы также считаем неубедительной. Во-первых, во время появления Касима и Якупа со своей дружиной на Мещерской земле в 1446 году вряд ли там могло обитать финно-угорское племя с указанным явлением в языке, ибо это не подтверждается ни одним из источников; во-вторых, ни в одном из финно-угорских языков Поволжья не встречается полного замещения заднеязычных согласных К, Г, Х гортанно-смычной фонемой «,»¹⁶.

¹⁰ И. А. Керимов. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967, стр. 115—116.

¹¹ Т. И. Тепляшина. Об одном Волжско-Камском ареальном явлении. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 39—40.

¹² Г. И. Ермушкин. О гортанном смычном в эрзя-мордовском языке. — «Третий Международный конгресс финно-угроведов». Тезисы. Таллин, 1970, стр. 107.

¹³ Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 85—89; Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, стр. 222—241; Г. В. Рогова, З. И. Керашова. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, 1966, стр. 36—37; З. И. Керашова. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957, стр. 39.

¹⁴ Е. Д. Поливанов. Фонетические особенности касимовского диалекта. (Стеклографическое издание). М., 1923, стр. 14—16.

¹⁵ В. А. Гордлевский. Элементы культуры у касимовских татар. (Из поездки в Касимовский уезд в 1920 году). — «Труды общества исследователей Рязанского края», вып. 10. Рязань, 1923, стр. 13, 21.

¹⁶ Г. И. Ермушкин. Указ. раб., стр. 107; В. К. Кельмаков. Кукморский диалект удмуртского языка. — Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 11; Р. Ш. Насибуллин. Закамские говоры удмуртского языка. — Автореф. канд. дисс. М., 1972, стр. 38, 52—53. Цитируем по рецензии В. К. Кельмакова. — «Советское финно-угроведение». Таллин, 1974, № 4, стр. 286.

По мнению Л. Заляя, фонема «,» возникла в результате ослабления *q* (*к*) вследствие передвижения артикуляции древнего *q* (*к*) → *k* → «,»¹⁷.

Исследователь касимовского говора Л. Т. Махмутова, отдающая предпочтение гипотезе В. А. Гордлевского, вместе с тем отмечает, что ни одна из высказанных гипотез не дает «удовлетворительного объяснения данного факта»¹⁸.

А. М. Щербак допускает «возможность наличия иных причин возникновения интересующего нас явления»¹⁹.

А. М. Корнилаева относительно указанной гортанно-смычной фонемы пишет следующее: «Черта эта древняя и является наследием языка кыпчакских, огузских и других древних тюркских племенных групп, которые участвовали в выработке этнического типа касимовских татар»²⁰.

Т. И. Тепляшина гортанно-смычную фонему в удмуртских диалектах относит к субстратным явлениям. Исходя из употребления гортанно-смычной фонемы «,» в языках Волго-Камского ареала, она приходит к выводу «о тюркском происхождении ларингального смычно-взрывного краткого согласного в языках Волго-Камья»²¹. С мнением о тюркском происхождении гортанно-смычной фонемы «,», на наш взгляд, согласиться нельзя, так как гортанно-смычная фонема характерна не только для Волго-Камского ареала, она встречается в языках различных семей (тюркских, финно-угорских, самодийских, кавказских, семитских и др.), тем более, что, за исключением касимовского говора, гортанно-смычная фонема в диалектах и говорах татарского языка встречается лишь в ограниченном количестве слов, а в татарском литературном языке — в словах арабского происхождения. В каждом из этих языков гортанно-смычная фонема возникала по своим внутренним законам развития. Объяснять возникновение фонемы «,» в финно-угорских языках тюркским влиянием, как нам кажется, нет достаточных оснований.

Что касается гортанно-смычной фонемы касимовского говора, то ее появление привело к замещению ею заднеязычных *К*, *Г*, *Х* во всех позициях в слове, что не наблюдается в диалектах удмуртского и мордовских языков. По утверждению А. М. Корнилаевой, «гортанная смычка могла быть одной из стадий на пути к полному исчезновению заднеязычных в говоре, если бы не влияние татарского литературного и русского языков, а также других татарских диалектов»²². Следовательно, наличие их в касимовском говоре — явление вторичного происхождения.

Э. В. Севортян, допуская возможность влияния сирийских диалектов в возникновении гортанной смычки при артикуляции гласных газипантепского диалекта турецкого языка, предположил вероятность аналогичной причины возникновения гортанно-смычной «,» в касимовском говоре татарского языка. Он пишет: «В этом аспекте должна, вероятно, рассматриваться и гортанная смычка вместо начального *К* в касимовском говоре татарского языка»²³.

Таким образом, вопрос о причинах возникновения гортанно-смычной фонемы «,» касимовского говора пока остается открытым. Однако

¹⁷ Л. Жәләй. Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 99.

¹⁸ Л. Т. Махмутова. Указ. раб., стр. 148.

¹⁹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 168.

²⁰ А. М. Корнилаева. Указ. раб., стр. 11.

²¹ Т. И. Тепляшина. Указ. раб., стр. 39—40.

²² А. М. Корнилаева. Указ. раб., стр. 11.

²³ Э. В. Севортян. К источникам и методам пратюркских реконструкций. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 40.

предположения А. М. Щербака и Э. В. Севортяна заслуживают внимания и указывают, в каком направлении должны вестись исследования, которые позволят установить пути возникновения фонемы « , » в касимовском говоре.

Этот вопрос невозможно решить без привлечения соответствующего материала по истории касимовских татар, ибо история любого языка тесно связана с историей народа — его носителя.

Этногенез касимовских татар изучен все еще недостаточно, хотя и существуют специальные работы, посвященные касимовским татарам и Касимовскому государству.

Согласно данным новейших исследований, касимовские татары являются потомками ногайцев, приведенных в XV веке на русские земли царевичем Касимом²⁴.

Исторические источники свидетельствуют, что основную роль в этногенезе касимовских татар сыграли ногайцы, киргиз-кайсаки, крымцы, возможно, и отдельные группы тюркоязычных народов Северного Кавказа (кумыки, карачай-балкарцы), даже черкесы и чеченцы. Так, например, по сведениям Софийской летописи, основатель Касимовского государства Касим был выходцем из Золотой Орды и появился в Московском государстве в 1446 году, а до той поры Касим и Якуп²⁵ со своей дружиной жили на Черкасской (подчеркнуто нами. — Л. А.) земле. В исторических документах того периода черкасами называли кабардинцев, адыгейцев, черкесов и другие народы Северного Кавказа²⁶. В документах XVII века черкасами называют и служилых людей — казаков. Так, например, в «Донских делах»²⁷ часто встречаются названия «запорожские черкасы», «литовские черкасы» и др. В указанных документах упоминаются «горские черкасы», которые прибывали в составе ногайских дружин²⁸. Вполне возможно, что под названием «горские черкасы» в русских летописях могли подразумеваться тюркоязычные народы Северного Кавказа.

Еще до появления касимовцев в Московском государстве в составе войск Мамай в 1380 году сюда прибыли, кроме татар и половцев, еще и представители племен Северного Кавказа: «прииде ордыньский князь Мамай с единомысленниками своими, и с всею силою татарскою и половецкою, и еще к тому рати понаймовав бесермены, и армены, и фрязи, и черкасы, и ясы, и буртасы»²⁹.

²⁴ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 45.

²⁵ А. Б. Булатов пишет, что третий сын Мухаммеда Олуг после смерти отца со своей ордой ушел из Казани вниз по Волге, присоединился к Астраханскому хану и стал жить в Астрахани и ее окрестностях. Это, очевидно, тот Якуп, который прибыл вместе с Касимом (см.: А. Б. Булатов. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом. — «Материалы по татарской диалектологии», вып. 3. Казань, 1974, стр. 187).

²⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863—1887, часть I, стр. 8, 13—16, 290; часть II, стр. 409, 434; часть IV, стр. 443; Н. И. Шишкин. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891, стр. 4.

²⁷ «Донские дела», тт. I—IV. СПб., 1898—1917.

²⁸ Н. И. Шишкин. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891, стр. 116; «Донские дела». Книга первая. СПб., 1898, стр. 234, 363, 370.

²⁹ Цитируем по книге: А. И. Попов. Названия народов СССР. М., стр. 115. Кроме ногайцев, пришедшим населением в Мещере считаются буртасы и башкиры, прибывшие сюда из-за Волги в составе дружин ногайских князей и мурз. См.: А. И. Попов. Указ. раб., стр. 118; П. Н. Черменский. Материалы по исторической географии Мещеры. — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 50. Буртасы в X веке оказались на Северном Кавказе, «включились здесь в конце XIII столетия в ногайскую орду, объединившую многие тюркские группы. Именно отсюда буртасы в составе дружин ногайских князей и мурз попали в Мордовский и Мещерский края. Как случайные пришельцы XVI—XVII вв., а не как коренные обитатели этого края» (А. И. Попов. Указ. раб., стр. 118—119). Не исключена возможность, что в составе дружин Касима и Якупа могли быть и буртасы.

О связях Мещерского края с Северным Кавказом говорят материалы Дворцовых разрядов от 1625 года, по сведениям которых «с темниковским воеводою Афанасием Кукуревым было князей, мурз и татар 383 человека, черкесов 15 человек...»³⁰.

Вполне возможно, что в составе дружин царевича Касима, прибывшего с «Черкасской земли», могли быть наряду с тюркоязычными племенами (среди них, возможно, были и буртасы) другие кавказские племена, в частности, отореченные черкесы, чеченцы³¹. В составе этих племен могло быть тюркоязычное племя Северного Кавказа, подвергшееся влиянию иберийско-кавказских языков.

Таким образом, как указывают источники, вся история Касимовского государства и касимовских татар свидетельствует о существовании у них с XV (со времени появления касимовцев) и вплоть до XVII века контактов с ногайцами, крымцами, горными черкесами³².

Учитывая лингвистические данные и исторические источники, можно предположить, что гортанно-смычная фонема «, » имеет древнее происхождение. Она возникла не на современной территории, заселенной касимовцами, а появилась в фонетической системе их говора уже в то время, когда предки касимовцев обитали где-то на Северном Кавказе. Возникновение гортанно-смычной фонемы «, », очевидно, объясняется влиянием какого-то неизвестного нам горского языка. Носителем фонемы «, » могло быть в то время либо одно из тюркских племен, либо отореченное племя кавказского происхождения.

Рассматривая видоизменение артикуляции древнего К в татарском языке, В. А. Богородицкий высказал предположение, что оно могло происходить в диалектах татарского языка и под чужим влиянием³³.

Предположение В. А. Богородицкого подтверждается и материалом кумыкского языка. Так, в кумыкском языке наблюдается гортанно-смычная артикуляция некоторых согласных звуков. Н. К. Дмитриев объясняет это явление влиянием яфетических языков. Интересно отметить, что «смычно-гортанная артикуляция согласных, как правило, встречается в аулах, примыкающих к некумыкским аулам района»³⁴.

Влияние иберийско-кавказских языков отмечено в северных диалектах азербайджанского языка, в частности, в закатальских говорах³⁵. Наличие абруптивов зафиксировано также в восточных анатолийских говорах турецкого языка³⁶. Аналогичное влияние испытал карачаево-балкарский язык.

Гипотеза об иберийско-кавказском происхождении фонемы «, » представляется нам убедительной, так как именно для иберийско-кавказских языков характерна гортанно-смычная фонема «, », именуемая

³⁰ П. Н. Черменский. Указ. раб., стр. 49.

³¹ О фактах тюркизации чеченцев в конце XIX века см.: Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 241. Тюркизация горских народов, по мнению Н. Г. Волковой, могла иметь место и раньше. См.: Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, стр. 85; *её же*. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVII — начале XX века. М., 1974, стр. 208.

³² В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. раб., часть I, стр. 8, 13—16; часть II, стр. 409; 434; часть IV, стр. 443; Б. А. Куфтин. Татары касимовские и татары мишари центрально-промышленной области. — В сб.: «Культура и быт населения центрально-промышленной области». М., 1929, стр. 140, 144—145; Н. И. Шишкин. Указ. раб., стр. 95, 116; «Донские дела», кн. I, стр. 703, 767—768.

³³ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, стр. 112.

³⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 32, 37, 39—40.

³⁵ А. М. Арсланов. Иберийско-кавказский субстрат в закатальских говорах азербайджанского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1966, стр. 203—208.

³⁶ «Общее языкознание». М., 1970, стр. 221.

«междусвязочным», «межсвязочным» ларингальным согласным. В адыгейском языке, например, представлен абруптивный ларингальный смычный | и его лабиализованный вариант |у. Исторически эти смычные | и |у не являются основными фонемами адыгейского языка, они представляют собой рефлекс абруптивного фарингального смычного к|ъ и лабиализованного фарингального смычного к|ъу³⁷: к|ъ > |, к|ъу > |у³⁸. Почти такое же явление мы наблюдаем в касимовском говоре и в говоре Татарской слободки под Новочеркасском, то есть смычно-гортанный глухой согласный «,» явился результатом перехода К/К/, Г/Г/ в «,».

Таким образом, гортанно-смычная фонема «,» возникла, по-видимому, под влиянием фонетической системы иберийско-кавказских языков на фонетическую систему неизвестного нам пока тюркского племени, обитавшего на Северном Кавказе и впоследствии сыгравшего главную роль в этногенезе касимовских татар и татар, населяющих слободку под Новочеркасском. Судя по особенностям касимовского говора и говора Татарской слободки, очевидно, это было племя, язык которого по своим основным признакам был близок к ногайскому и частично к кумыкскому языкам³⁹. Это подтверждается и данными бастанского говора татарского языка⁴⁰. Не исключена возможность, что это было кавказское племя, перенившее тюркский язык, но сохранившее фонетическую особенность своего родного языка⁴¹.

Хронологию возникновения фонемы «,» касимовского говора установить с достаточной точностью пока невозможно. Во всяком случае фонема «,» была свойственна языку касимовских татар до их появления на Рязанской земле. Сохранение аналогичной фонемы в говоре Татарской слободки под Новочеркасском подтверждает данную гипотезу, ибо за короткий срок (татары Татарской слободки известны с 1594 года) вряд ли могли исчезнуть из языка согласные К, Г, Х, чтобы быть замещенными ларингальным глухим согласным «,»⁴².

Возникновение фонемы «,» относится, по всей вероятности, к более ранней эпохе, а именно ко времени древних контактов тюркоязычных народов Кавказа с иберийско-кавказскими народами.

Выяснение причин возникновения гортанно-смычной фонемы «,» касимовского говора даст ценный материал для тюркского языкознания и послужит надежным источником в решении вопросов этногенеза тюркоязычных народов вообще и касимовских татар в частности.

³⁷ Г. В. Рогава, З. И. Керашова. Указ. раб., стр. 36—37; З. И. Керашова. Указ. раб., стр. 39.

³⁸ Г. В. Рогава, З. И. Керашова. Указ. раб., стр. 39.

³⁹ Л. Т. Махмутова. О некоторых этнических компонентах татарского народа по диалектным данным. — «Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г.», Казань, 1971, стр. 116—119.

⁴⁰ Л. Т. Махмутова. Бастанский говор татарского языка. — «Материалы по татарской диалектологии», вып. 3. Казань, 1974, стр. 47.

⁴¹ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 40.

⁴² По данным «Донских дел» и других источников, носители говора Татарской слободки под Новочеркасском были из мещерских казаков и входили в состав Войска Донского. (См.: М. К. Милых. О ногайском говоре Татарской слободки под Новочеркасском. Ростов-на-Дону, 1940, стр. 35; «Донские дела», кн. I, стр. 703, 767—768, 934; кн. II, стр. 935; кн. III, стр. 814).

Х. Д. ДАНИЯРОВ

ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ОБ УЧАСТИИ КЫПЧАКСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Многие ученые (А. Н. Самойлович¹, В. М. Жирмунский², М. Ш. Ширалиев³, Г. А. Юнусов⁴, Э. Н. Наджип⁵ и другие) высказывали предположение, что в формировании староузбекского литературного языка значительную роль, наряду со староуйгурским литературным языком, в особенности карлуко-чигильскими и огузскими диалектами, сыграли кыпчакские диалекты. По мнению этих ученых, большое влияние на староузбекский литературный язык оказал и оформившийся в XIII—XIV веках на территории Золотой Орды кыпчакско-огузский литературный язык. О кыпчакских элементах в староузбекском языке (в частности, о джеканы) впервые еще в 1930 году писал А. Н. Самойлович⁶. Он отмечал, что джеканы весьма заметно проявляется в литературных произведениях, написанных на староузбекском языке, в частности, и в произведениях Алишера Навои. В эти же годы исследованием влияния джекающих диалектов на староузбекский литературный язык занимался профессор Гази Алим⁷. Об активном участии кыпчакских элементов в формировании староузбекского литературного языка позднее писал и В. М. Жирмунский⁸.

Несмотря на приведенные высказывания ряда ведущих тюркологов, вопрос о формировании староузбекского литературного языка и о степени участия в этом процессе кыпчакских диалектов до сих пор окончательно не решен, ибо всесторонним изучением этой проблемы еще никто не занимался. Многие вопросы, связанные с историей формирования литературного языка, на котором писали Навои и его старшие и младшие современники, требуют дальнейшего выяснения и уточнения. Не случайно высказывания ученых по этим вопросам подчас противоречивы.

Проблема формирования староузбекского литературного языка неразрывно связана с именем Алишера Навои. Все узбековеды едино-

¹ А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В сб.: «Мир Али-Шир». Л., 1928, стр. 1—23.

² В. М. Жирмунский. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов. — «Тюркологический сборник». М., 1966.

³ М. Ш. Ширалиев. Озарбайжон тилида кыпчак элементлари. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1961, № 6.

⁴ Qazi Alim. Ozbek lahçalarini tasnifda bir taçriba, Oʻzdavnaşr. Taşkent, 1936.

⁵ Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. М., 1965.

⁶ Əkdəmiq Samajluvs. Saotataj ədəbij tilidə «Çoqşylq» unsurlarş. — Журн. «İlmij fikr». Samargand—Taşkent, 1930.

⁷ Qazi Alim. Ozbek lahçalarini tasnifda bir taçriba.

⁸ В. М. Жирмунский. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 60—61.

душны в том, что Алишер Навои является основоположником староузбекского литературного языка. В то же время узбекские ученые разделяют существующую в науке точку зрения о том, что формирование староузбекского литературного языка происходило в XIII веке. Ряд ученых полагает даже, что этот процесс следует отнести к XI веку, так как именно в XI веке были созданы такие крупные литературно-художественные произведения, как дидактическая поэма «Кутадгу билиг» Юсуфа Хос Ходжиба и знаменитый «Словарь тюркских языков» Махмуда Кашгари, включающий более трехсот двустий, основная часть которых, вне всяких сомнений, взята автором из уже существовавшей в то время письменной литературы.

Мы не разделяем последнюю точку зрения, ибо язык этих произведений нельзя считать исключительно узбекским. Литературные памятники, созданные на этом языке, принадлежат всем тем народам, которые в тот период жили на современной территории Узбекистана, Восточного Туркестана и Семиречья, то есть на территории всей Средней Азии и даже за ее пределами. Следовательно, литературный язык, на котором созданы эти памятники, — общее достояние узбеков, уйгуров, казахов, туркменов, каракалпаков, киргизов, азербайджанцев и ряда других народов.

Следует согласиться с теми учеными, которые считают, что староузбекский язык окончательно оформился в XIII веке, ибо литературный язык XIII—XIV веков поражает своей близостью к современному общенародному узбекскому разговорному языку. Это вовсе не противоречит тому, что Алишер Навои является основоположником староузбекского литературного языка, хотя и требует соответствующего разъяснения. Наши наблюдения убедительно указывают на то, что язык предшественников Навои являлся вполне оформившимся литературным языком, близким к общенародному узбекскому языку, а также к карлуко-чигильским, кыпчакским и огузским диалектам, которые составляют три основные (корневые) ветви узбекского языка. В этом отношении особо следует отметить язык старших современников Навои, таких, как Хорезми, Дурбек, Лутфи (в особенности), Саккаки, Амири, Ходжанди, Атаи и др. Лирические стихи и поэмы этих поэтов отличаются высокой художественностью и светским содержанием, а их язык весьма близок к общенародному. В нем ярко выражены кыпчакские элементы и в меньшей степени, нежели для языка Навои, характерны для него архаизмы и арабо-персидская лексика, что сближает его с современным узбекским литературным языком.

Вместе с тем следует отметить, что язык газелей Мухаммада Шайбани мало чем отличается от языка Алишера Навои. То же самое можно сказать и о языке таких поэтов, как Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, Мухаммад Салих, Нишати, Мухаммад Хаксар, Огахи, живших несколькими веками позже Навои. Их в полном смысле слова можно считать последователями и учениками Навои не только в области литературного творчества, но и — языка. Язык же Машраба, Надира Бегим, Увайси в некоторой степени отличается от языка поэтических произведений Навои своей простотой и еще большей близостью к разговорному языку. В языке поэтов второй половины XIX — начала XX века, таких, как Муками, Фуркат, Махмур и Аваз Утар, заметно проявляется влияние сложных конструкций языка Навои.

Сказанное убеждает нас в том, что староузбекский литературный язык оформился до Навои. Однако именно в произведениях Алишера

Навои этот язык оформился окончательно. Благодаря Навои он стал литературным языком не только узбеков, но и ряда других народностей, проживавших на территории Средней Азии и за ее пределами, в том числе и в Золотой Орде, основную часть населения которой составляли кыпчакские племена.

Навои является, таким образом, основоположником староузбекского классического литературного языка, на котором созданы его бессмертные произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы. Великая заслуга Навои заключается в том, что сложившийся до него староузбекский литературный язык он поднял в художественном отношении до уровня арабского и персидского языков, считавшихся самыми разработанными и совершенными литературными языками той эпохи. Расширив художественно-изобразительные возможности узбекского литературного языка, развивая и совершенствуя его поэтические формы, Навои создал органический сплав из литературных языков различных тюркоязычных народностей и племен, проживавших на огромной территории Средней Азии, составивший основу единого литературного языка, которым с успехом пользовались все эти народности и племена.

Ни до, ни после Навои никто не сыграл столь значительной роли в создании литературного языка, и в этом смысле Навои является основоположником староузбекского классического литературного языка, который после Навои в течение нескольких столетий оставался почти неизменным.

Как уже отмечалось выше, язык Лутфи в известной степени проще и доступнее современному читателю-узбеку, нежели язык Алишера Навои, изобилующий арабо-персидскими словами и конструкциями.

Это, как нам кажется, объясняется отчасти тем, что после смерти Навои в Среднюю Азию хлынули племена узбеков-кыпчаков, впоследствии смешавшихся с местным населением и оказавших влияние на его язык. Тот же факт, что язык предшественников Навои, то есть литературный язык XIII—XIV веков значительно ближе к современному узбекскому языку, чем язык великого поэта, объясняется, видимо, еще и тем, что в его произведениях находили свое выражение весьма сложные теоретические, научные и философские вопросы того времени, требовавшие значительного расширения выразительных средств языка по сравнению с языком XIII—XIV веков. Очевидно, сказалось и влияние литературных традиций той среды, в которой жил и творил Навои.

По-видимому, определенное влияние на язык Навои оказало и полученное им арабо-персидское образование, особенно сильно сказавшееся на раннем периоде его творчества. В последующем Навои все больше стремился к использованию огромных возможностей родного языка. В его научном трактате «Муҳокаматал-луғатайн» приводится много слов, терминов и даже грамматических форм, восходящих к кыпчакским диалектам.

Сопоставляя в своем трактате возможности староузбекского литературного языка с другими, более развитыми письменными языками своего времени, Навои обращался к неосвоенным пластам родного языка и, в первую очередь, к его народной основе — кыпчакским диалектам. Этим и следует объяснить тот факт, что среди материалов «Муҳокаматал-луғатайн» больше кыпчакских элементов, нежели в других произведениях поэта. К ним относятся такие слова (формы), как *boquvva*, аффикс понудительного залога на -t, аффикс взаимного залога на -š, термины родства, слова-термины *ijar* 'седло', *kalrak* 'тюбетейка', *aq yit* 'белая юрта', *žigka* 'дикая утка', многие имена, названия лошадей, птиц, одежды, принадлежностей конской сбруи, юрты и другие.

Возможно, что старшие современники Навои, Хорезми и Лутфи в большей мере испытали влияние кыпчакско-огузского литературного языка, сложившегося в низовьях Сырдарьи в XIII—XIV веках, и потому их язык ближе к современному узбекскому литературному языку, на формирование которого кыпчакские диалекты оказали более активное воздействие, нежели на староузбекский литературный язык Навои.

Как известно, младший современник Алишера Навои Захир-ад-дин Мухаммед Бабур в своем известном произведении «Бабурнаме», описывая Андижан, отмечал: «Не встретишь никого в городе или на базаре, кто не знал бы тюркского языка. Разговорный язык тот же, что и литературный. Характерно, что сочинения Алишера Навои написаны на андижанском наречии, хотя он и жил в Герате»⁹.

Мнения по этому поводу виднейших историков и филологов, таких, как В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, А. К. Боровков, А. Ю. Якубовский, Н. И. Ильминский, П. М. Мелиоранский и других, не всегда совпадают. Общепризнанным же является лишь то, что Алишер Навои никогда не жил (возможно, даже и не бывал) в Андижане.

А. Н. Самойловичем было высказано предположение, что язык Алишера Навои является среднеазиатским литературным языком¹⁰.

Мы разделяем точку зрения А. Н. Самойловича и полагаем, что в формировании языка Алишера Навои, ставшего впоследствии на протяжении пятисот лет литературным языком всей Средней Азии, участвовали почти все диалекты и наречия этого региона. Из их числа наиболее близким поэту был андижанский говор, что в свое время отметил и Бабур. Как нам кажется, это находит подтверждение в высказывании самого Алишера Навои:

Агар бир кавм, гар юз, йўкса мингдур,
Муайян турк улуси худ менингдур.
Олибмен тахти фармонимга осон
Черик чекмай Хитодин то Хуросон.
Хуросон демаким, Шерозу Табриз,
Ки килмишдур найн килжим шакаррез.
Кўнгул бермиш сўзумга турк, жон ҳам,
Не ёлгуз турк, балким туркмон ҳам¹¹.

‘Все тюркские племена, независимо от того,

йуз они или минг,

Принадлежат мне.

Легко завоевывал я (без всяких войск, силой своего пера)

Границы, начиная от Китая до Хорасана.

И не только до Хорасана, а также до Шераза и Тебриза.

Душой и сердцем слушают мои слова все —

И тюрк и (азербай)джан, и туркмен’.

Или:

Турк назмида мен чу тортиб алам,

Айладим ул мамлакати яккалам¹².

‘Трудясь в области тюркской поэзии,

Я объединил эту страну под одним пером’.

Таким образом, все перечисленные выше доводы позволяют утверждать, что в становлении староузбекского письменно-литературного языка, как и в формировании языка Алишера Навои, кыпчакским языковым элементам принадлежит более активная роль, нежели это принято было считать до последнего времени.

⁹ Бобир. «Бобирнома». Тошкент, 1960, стр. 60.

¹⁰ А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В сб.: «Мир Али-Шир». Л., 1928, стр. 4—6.

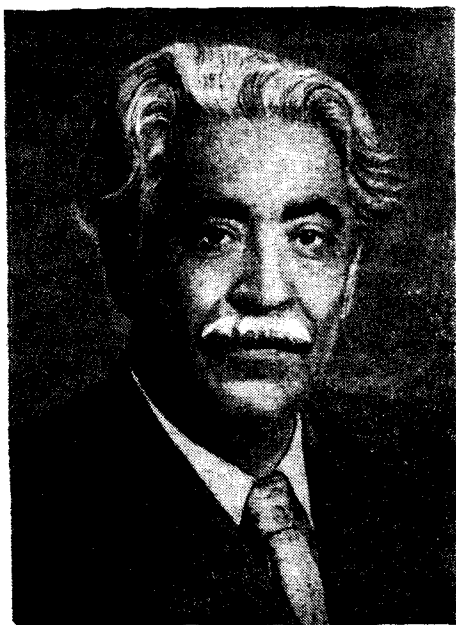
¹¹ Алишер Навоий. Асарлар, т. VII, стр. 414.

¹² Там же, т. II, 1966, стр. 238.

PERSONALIA

САМЕД ВУРГУН, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Своеобразное, выдержанное в восточном стиле, с явственно выступающими элементами величавой готики, здание президиума Академии наук Азербайджанской ССР в Баку, по Коммунистической, 10. Мы поднимаемся по узкой боковой лестнице. Впереди — Самед Вургун, одной-двумя ступеньками ниже следую за ним я. Лестница довольно крутая, и мы не спешим.

— Самед-муэллим, в последнее время выходит много сборников под схожими названиями: такой-то писатель о литературе. Вот вы только что на заседании Отделения общественных наук очень интересно и свежо говорили об ашугском творчестве. А подобных высказываний по различным вопросам литературы у вас, я знаю, немало. И вот мне подумалось: хорошо бы подготовить по образцу упомянутых московских

изданий сборник «Самед Вургун о литературе»...

— А кто его будет готовить?

— Да многие возьмутся. Я, например, с удовольствием принял бы участие... Только нужно, чтобы вы дали на это свое согласие и, пожалуй, взяли на себя общее руководство его составлением...

Самед Вургун две-три ступеньки поднимается молча, видимо, обдумывая мое предложение.

— Нет, не будем тратить время и силы на возврат к уже пройденному, сказанному, сделанному... — По его тону я чувствую (лица его я не вижу), что он улыбается. — Будет, мне кажется, куда рациональней и полезней, если мы свои усилия направим на то, чтобы по возможности, пока это в наших силах, расширять объем предлагаемого тобой будущего сборника. Ведь этого как раз никто вместо нас не сделает... Не так ли? — И он, задержав шаг, поворачивается ко мне. — Что же касается

того, чтобы все это собрать, систематизировать, пронумеровать и так далее, то с этим, не беспокоясь, легко справиться и без нашей помощи... После нас... Надо же и другим оставить возможность поработать... или даже защитить... Не будем эгоистами-монополистами... — И он, лукаво сощуриив глаза, от души смеется своей шутке...

Шел 1954 год.

* * *

Последний период жизни Самеда Вургунуна был тесно связан с Академией наук Азербайджана. Введенный в первый состав ее действительных членов еще при организации Академии весной 1945 года, Самед Вургун никогда не прерывал с ней связи. Активное участие во всех проводимых Академией наук в области общественных наук мероприятиях он считал своим долгом, от выполнения которого, несмотря на всю свою занятость, он никогда не уклонялся. Естественно, в первую очередь его интересовали проблемы изучения многовековой азербайджанской литературы, вопросы исследования языка и истории народа.

Заслуги Самеда Вургунуна в области развития современной азербайджанской и всей советской поэзии общеизвестны и общепризнаны. Но Самед Вургун никогда не замыкался в рамках собственного художественного творчества. Он был убежден, что современный писатель должен быть активным участником строительства новой социалистической культуры. Более того, писатель, по его мнению, призван оказывать сильное революционизирующее и направляющее влияние на ее ход и развитие. А это обязывало писателя ясно и четко определить свою общественную позицию. Ни один сколько-нибудь серьезный художник, считал Самед Вургун, не может уклониться от ответа на вопрос, некогда поставленный Максимом Горьким и никогда не терявший своей актуальности: «С кем вы, мастера культуры?». Творческая и общественная позиция писателя находилась в прямой зависимости от ответа на этот вопрос.

Столь широко толкуя роль и назначение художника, Самед Вургун и сам стремился влиять с последовательных партийных позиций на литературный процесс в республике и в стране: и как поэт и драматург, и как литературный и общественный деятель.

Самед Вургун достаточно часто публиковал в периодике свои литературно-критические статьи. Общие и частные вопросы литературы и литературного творчества затрагивались им и в его многочисленных выступлениях на сессиях, конференциях, совещаниях, обсуждениях, пленумах Союза писателей Азербайджана и т. д. Характерной особенностью его статей и выступлений была проблемность, четкость авторской позиции, продуманность высказываемых суждений, чувство глубоко сознаваемой ответственности за них. Он, как правило, не ограничивался простым критическим разбором того или иного заинтересовавшего его произведения. Последнее обычно служило для него прежде всего поводом для постановки или разрешения определенной, имеющей общее значение проблемы, для принципиального и нелицеприятного разговора о том или ином злободневном, в лучшем смысле этого слова, творческом вопросе. Суждения его, несмотря на эмоциональность и страстность, с которыми они высказывались, были всегда убедительно аргументированы и логически последовательны.

В настоящем номере журнала публикуется содержательная статья покойного академика М. А. Дадашзаде, посвятившего много лет изучению творчества Самеда Вургунуна, в которой дается общая характеристика его литературно-критических выступлений, включенных в два послед-

ние тома его шеститомного собрания сочинений. Поэтому я позволю себе здесь не углубляться в данный вопрос и ограничусь сказанным.

* * *

Второй этап деятельности Самеда Вургуну в Академии наук Азербайджанской ССР начинается с 1954 года, когда он занял ответственный пост вице-президента. Новое официальное положение Самеда Вургуну в Академии наук значительно расширило его возможности оказывать непосредственное влияние на развитие в республике филологии и общественных наук в целом.

К этому периоду относится и нашумевший в свое время содоклад Самеда Вургуну о советской поэзии, сделанный им на Втором всесоюзном съезде писателей СССР, в декабре 1954 года, с горячим одобрением встреченный литературной общественностью страны. Это выступление Самеда Вургуну свежестью и смелостью суждений, — в частности о революционной романтике, — убежденной настойчивостью в их отстаивании произвело сильное впечатление на делегатов съезда и оказало, по общему признанию видных деятелей советской литературы, свое положительное воздействие как на литературный процесс в стране, так и на развитие литературно-критической мысли.

Работая в тот период в Академии наук республики в непосредственном контакте с Самедом Вургуну, я имел счастливую возможность повседневно наблюдать его в новом и, прямо скажем, необычном для него качестве вице-президента, осуществлявшего общее руководство деятельностью Отделения общественных наук и его учреждений. Накопивший к тому времени уже определенный опыт работы в Отделении, близко знавший предшественников Самеда Вургуну на этом посту, я мог сравнивать, сопоставлять и вполне объективно судить о его деловых качествах и возможностях. Все это дает мне основание утверждать, что Самед Вургуну, как руководителя и организатора науки, отличали многие ценные достоинства. Разрешая научные и организационные вопросы, он не фетишизировал частности, мысля неизменно крупно и масштабно, заглядывая вперед. Он обладал редкой способностью видеть все свежим, непредубежденным взглядом. Человек выдающегося самобытного ума и уникального таланта, постоянно мыслящий, живущий интересами литературы и науки, он этим своим качеством поражал даже весьма искусственных и многоопытных ученых, посвятивших науке всю свою сознательную жизнь. Иной раз при обсуждении какой-либо конкретной научной проблемы собравшимся казалось, что все уже сказано и учтено, все важнейшие, узловые вопросы выявлены и получили должную оценку и поэтому созревшее решение является единственно верным и безальтернативным. Но вот поднимался председательствующий Самед Вургун, и всем вдруг становилось ясно, что вне поля зрения участников обсуждения остались некоторые имеющие принципиальное значение моменты, что многие выступавшие поддались инерции сложившихся и устоявшихся суждений, и поэтому предложенное решение обсуждаемой проблемы недостаточно мотивировано и требует несколько иного подхода.

Самед Вургун всегда умел внимательно и терпеливо выслушать каждого оратора и любого собеседника, независимо от его научного ранга и возраста. Он никогда не спешил с собственными выводами. Это уважительное отношение к чужому мнению подкупало и располагало к нему всех, кто с ним общался. Вместе с тем свои тщательно обдуманные и выношенные суждения он высказывал с огромной силой убежденности в собственной правоте. Заслуженно пользуясь высоким авторитетом у

литературной и научной общественности, он никогда не злоупотреблял этим обстоятельством. В науке, утверждал он, подлинно авторитетными должны и могут быть не отдельные, пусть даже выдающиеся личности, а сами факты, логика мышления и аргументации, убедительность доводов. Только в этом случае создаются благоприятные возможности для успешного развития науки. Мыслящего человека всегда можно убедить фактами и разумными доводами, а на немыслящего вообще «не стоит тратить время». Но в любом случае недопустимо и унижительно прибегать к таким «эффективным» методам воздействия, как авторитет занимаемого поста или официального положения, административная или иная власть и т. п.

Вспоминается следующий факт, относящийся к истории совершенствования азербайджанской орфографии. Языковеды и педагоги на различных совещаниях и обсуждениях часто высказывались за исключение из азербайджанского алфавита таких заимствованных русских букв, как *я, ю, е*. При этом ссылались на фонетическую неоправданность их применения, на трудности, с которыми приходится сталкиваться азербайджанским учащимся при их освоении и использовании в практике письма и т. д. Предлагалось эти звуки впредь записывать двумя буквами *йа, йю, йэ*. Обращалось также внимание на ряд неудобств графического и иного характера использования русской буквы *й* в этой новой функции и рекомендовалось ввести взамен нее в азербайджанский алфавит латинский *j*.

С введением *j* сокращалось общее число букв азербайджанского алфавита: отпадали *я, ю, е*. Буква *е* теперь уже должна была выступать в функции *э* и поэтому надобность в последней, как дублирующей, также отпадала. Преимущества всего этого были очевидны.

Некоторые языковеды предлагали одновременно «переименовать» также буквы *р, л, н* и т. д. и впредь называть их не «эр», «эль», «эн», а соответственно «ры», «лы», «ны» и т. д., аргументируя это тем, что на практике данные буквы только так и именуются, что более привычно для слуха азербайджанского учащегося. Самед Вургун провел целую серию совещаний по этим вопросам с участием виднейших языковедов республики и работников просвещения. На первом этапе обсуждения (июнь 1955 года) чувствовалось, что он склонен к положительному решению как первого, так и второго предложения. Но внимательно выслушав на многочасовых совещаниях все «за» и «против», Самед Вургун поддержал первое предложение и отклонил второе. Причем и то, и другое решение было им со всей убедительностью аргументировано. Указанные изменения в орфографии вошли в официально утвержденные в июле 1958 года «Правила азербайджанской орфографии».

Самед Вургун в республике был глубоко уважаем и искренне любим. Способствовали этому буквально всенародному почитанию и любви не только выдающийся талант и исключительные литературные заслуги, но и его чисто человеческие черты. В нем удивительным образом сочетались высокое чувство собственного достоинства и подлинный демократизм, огромное личное обаяние и властность, требовательность и снисходительная чуткость. И эти качества проявлялись во всех сферах его многогранной деятельности. Особенно внимателен он был к молодым людям. Он практически никогда не отказывал в помощи или поддержке тем, кто к нему обращался. Нередко он помогал или поддерживал по своей собственной инициативе, не дожидаясь просьб и ходатайств. Этому можно привести множество примеров. Ограничусь только одним, зато совершенно достоверным случаем: расскажу об обстоятельствах своего знакомства с Самедом Вургуном. Приводимый ниже эпи-

зод, о котором я уже как-то писал, будучи весьма показательным, заслуживает того, чтобы о нем здесь вспомнить. Тем более, что это позволит также сказать и несколько слов о Самеде Вургуне как деятеле литературы, оказавшем большое влияние на литературный процесс в республике.

* * *

Этот серый, внешне ничем не примечательный мартовский день военного 1943 года навсегда запомнился мне.

В ту пору на всех фронтах шли ожесточенные бои. Но совсем недавно отгремевшая Сталинградская битва возвестила уже всему человечеству о начале нового, победного этапа войны. И это не могло не сказаться и повседневно сказывалось во всех сферах народной жизни.

На тот столь памятный мартовский день в институте, в котором я тогда учился, был назначен литературный вечер, посвященный семидесятипятилетию со дня рождения Максима Горького. Узнав об этом, я, студент третьего курса, после недолгих колебаний ушел с лекций (да простится мне это за давностью лет!) и, уединившись в читальном зале институтской библиотеки, засел за подходящие к случаю стихи. К тому времени я уже имел некоторый поэтический опыт, стихи начал писать еще в школе.

... Переполненный студентами и преподавателями актовый зал горячо приветствовал появившихся в президиуме вечера известных писателей и поэтов во главе с Самедом Вургуном. Переборов нерешительность, я попросил секретаря нашей комсомольской организации включить в программу вечера и мое выступление. Тот сразу же повел меня за кулисы, но предварительно решил все же показать мои стихи кому-нибудь из писателей.

Сидящий с краю сцены молодой бакинский литератор, писавший на русском языке (добившийся впоследствии, замечу в скобках, неплохих результатов в версификаторстве, главным образом в области перевода по подстрочникам, которому автору этих строк по прошествии многих лет довелось оказать весьма существенную помощь в редактировании и подготовке к печати некоторых его переводов), не очень охотно и невнимательно просмотрев переданные ему стихи, негромко сказал: «Пусть автор зайдет ко мне на днях на консультацию». Это фактически был отказ. Тогда наш комсомольский вожак решил обратиться к «самому Самеду Вургуну»...

Обо всем этом я пишу здесь столь подробно, чтобы на конкретном и наглядном примере показать, насколько превосходил многих своих «литературных коллег» Самед Вургун в человечности, в благородстве и чутком отношении к молодым.

Вечер тем временем шел своим чередом. Поэты один за другим читали со сцены стихи. Самед Вургун, которому с запиской передали мое стихотворение, пробежав глазами первую страницу, обернулся в сторону кулис и решительно произнес: «Пусть читает!».

И вот я впервые в жизни с трибуны большого литературного вечера публично читаю свои юношеские строки:

... Ползет их смрадная волна,
Забыв в дыму кровавых оргий,
Что та страна, где вырос Горький,
Не может быть побеждена!..

Голос мой от волнения и нервного напряжения глухо отдается в собственных ушах...

Самед Вургун внимательно слушает, чуть улыбаясь и переглядываясь с сидящими рядом писателями. Бурно реагирующая молодежная, «своя» аудитория настаивает, чтобы я читал еще...

Закончив чтение, отхожу от трибуны... И вдруг кто-то порывисто заключает меня в объятия и целует к вящему, шумно выражаемому восторгу нескольких сотен студентов... Это был Самед Вургун.

Так состоялось мое знакомство с ним...

Самеду Вургуну было тогда всего тридцать семь лет, но он уже был для нас, начинающих поэтов, умудренным жизненным и творческим опытом аксакалом. Да он и был всегда для молодой азербайджанской советской литературы непререкаемым авторитетом.

Позднее, уже будучи членом Союза писателей СССР и автором публиковавшихся в республике и за ее пределами произведений, я часто встречался с Самедом Вургуном, наблюдал его в различных жизненных ситуациях, слышал его выступления на съездах и собраниях писателей, на пленумах, литературных вечерах. И как очевидец свидетельствую, что все эти выступления отличались общим для них качеством: они неизменно были интересны и содержательны. Поэт никогда не повторялся. Мысль его всегда была самобытна и свежа, а потому и впечатляюща. Он обладал редким талантом ко всему подходить по-своему, с неожиданной стороны, что всегда открывало новые возможности, новые аспекты затронутой проблемы или вопроса.

Когда Самед Вургун выходил на трибуну, то аудитория в полном смысле слова замирала в предвкушении эстетического и интеллектуального наслаждения (именно наслаждения!) от его выступления: будь то стихи, обсуждение литературной проблемы или отдельного произведения.

Сразу же по его выходе на трибуну устанавливался тесный контакт между ним и аудиторией. Он всецело и безраздельно овладевал ее вниманием. Находясь под обаянием личности поэта, аудитория на все, что он говорил, отзывалась как единый организм, то затаив дыхание и напряженно вслушиваясь, то смеясь и взрываясь аплодисментами. Особенно великолепен был Самед Вургун как полемист. Реплики его, обращенные в зал или к выступающему с трибуны, поражали своей меткостью, остроумием, добродушием и заразительным юмором, а иной раз и едким сарказмом.

Как-то на одном из пленумов Союза писателей Азербайджана докладчик подверг критике некоторые произведения Самеды Вургуна за «излишнюю» и «устаревшую», с его точки зрения, романтику, якобы уводящую читателя от «реальной действительности» и «задач сегодняшнего дня» (было и такое!). Поэт, попросив слова, логично и умно, с тонким юмором, отстаивал свои творческие позиции, убеждая собравшихся в неправомерности упрека. Тогда докладчик — маститый критик, сидевший прямо перед трибуной, с которой выступал поэт, бросил несколько раздраженным тоном: «Самед, ты же отлично понимаешь, что от тебя требуется, и незачем тебе острить и изворачиваться!».

Самед Вургун на мгновение умолк (зал замер и напряженно ждал его ответа). Потом негромко, отчетливо, с какой-то подкупающе доверительной интонацией произнес: «Дорогой мой, ты за всю свою жизнь написал всего шесть стихотворений, причем ни одно из них не запомнилось ни мне, ни даже тебе самому... Может быть, не стоит тебе поэтому учить меня писать стихи?». Неожиданно точно приведенное число

«шесть» произвело на критика столь ошеломляющее впечатление, что он не нашелся, что ответить, а зал уже восторженно аплодировал любимому поэту...

Нет, пожалуй, ни одного азербайджанского писателя моего поколения (его, увы, теперь уже принято именовать «средним»), в судьбе и творческой биографии которого Самед Вургун не сыграл бы важную, а подчас даже определяющую и, как правило, добрую роль.

Самед Вургун был настолько талантлив и богат душевно, что у него начисто отсутствовало чувство профессиональной зависти и ревности. Он от всего сердца радовался успехам товарищей по перу, с нескрываемым восторгом встречал каждое талантливое произведение, нередко от полноты чувств искренне и незаметно для самого себя преувеличивая даже его реальные достоинства. При этом его мало заботило, кто являлся автором произведения: признанный ли многоопытный автор или юноша, делающий первые шаги на литературном поприще. Эта душевная щедрость была одной из характернейших черт Самеда Вургуня, писателя и человека.

Эта же душевная щедрость давала ему моральное право открыто и нелицеприятно выражать свою неудовлетворенность тем или иным литературным выступлением определенного писателя, причем никогда не унижая достоинства автора. Поэтому его критика могла огорчить, но не могла обидеть. Каждый из подвергшихся критике понимал, что если Самед Вургун указывает на отдельные недостатки, то, надо думать, произведение в целом одобряется им, а это само по себе уже что-то значило. Ведь не секрет, что мы, писатели, подчас не приемлем критики только потому, что не всегда верим в ее беспристрастность и доброжелательность, не вполне доверяем вкусу и компетентности критика.

В этом отношении Самед Вургун занимал особое положение. Никому не могло прийти в голову заподозрить его в неискренности и предвзятости. Считалось, что если какие-то стихи или отдельные строки Самеду Вургуну не нравятся, то значит над этим стоит подумать. По ассоциации вспоминается следующий поучительный факт из истории русской поэзии. Известно, что А. С. Пушкин обладал феноменальной памятью на стихи — свои и чужие. Среди современных ему поэтов, говорят, существовал следующий неписанный закон: если Пушкин, читая на память чьи-либо стихи, на какой-то строке запинаясь, то это воспринималось автором как сигнал неблагополучия и необходимости доработки. Таковы сила и власть большого таланта!

* * *

Когда я вошел в его кабинет, он перебирал на столе какие-то бумаги. Подняв голову и встретившись со мной взглядом, он улыбнулся одними глазами. И от этой особенной, какой-то «внутренней», чисто «вургуновской» улыбки взор его лучисто вспыхнул, а открытое смуглое лицо приветливо осветилось.

Взглядом пригласив меня сесть, он глуховато произнес:

— Имран, еду во Вьетнам... Если где-то на бумагах нужна моя подпись, принеси, я подпишу... — Резко затянувшись и без видимого удовольствия выдохнув густое облако папиросного дыма, он вдруг закашлялся глубоким грудным кашлем.

— Самед-муэллим, — сказал я, переждав кашель, — вы, как видно, сильно простужены и в таком состоянии отправляетесь в столь дальнюю поездку... Может, стоит переждать день-другой?..

— Да нет, ничего. Дело не в простуде. Этот кашель у меня давно. От курения...

Разговор этот произошел в кабинете Самеда Вургуня осенью 1955 года.

Через несколько дней Самед Вургун вылетел в Москву, а оттуда — во Вьетнам. Но внезапно обострившаяся коварная болезнь, видимо, давно уже исподволь подтачивавшая здоровье поэта, заставила его вернуться с полпути. Самед Вургун надолго слег в постель, а через несколько месяцев его не стало.

И. С. СЕИДОВ

Академик Академии наук Азербайджанской ССР Мамед Ариф Дадашзаде, член редколлегии нашего журнала, был крупнейшим азербайджанским литературным критиком, активно участвовавшим в современном литературном процессе. Много внимания уделял М. А. Дадашзаде и творчеству Самеда Вургун. Публикуемая ниже небольшая статья покойного академика была написана им в связи с выходом в свет двух последних томов шеститомного собрания сочинений выдающегося поэта. Несмотря на то, что со времени написания статьи прошло уже несколько лет, думается, что она будет не безынтересна для читателей нашего журнала.

М. А. ДАДАШЗАДЕ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ САМЕДА ВУРГУНА*

Вышли в свет V и VI тома, завершающие шеститомное собрание сочинений Самеда Вургун. В эти две книги вошли литературно-критические статьи и высказывания об отдельных писателях, предисловия к поэтическим сборникам, отклики на спектакли, а также доклады на съездах писателей, на пленумах Союза писателей, конференциях и митингах, расположенные в хронологическом порядке.

В литературно-критическом наследии поэта, долгое время возглавлявшего Союз писателей Азербайджана, важное место занимают публицистические выступления, его высказывания по различным вопросам современности, о новаторстве и интернационализме советской литературы, развитию которой он отдал много сил и таланта. Поставленные Самедом Вургуном вопросы, непосредственно связанные с указаниями партии, с претворением в жизнь принципов марксистско-ленинской революционной теории, — до сих пор не утратили своей актуальности.

Литературно-критическое наследие Самеда Вургун обширно и многообразно.

Его восторженные, пламенные слова об А. С. Пушкине и А. Н. Островском, об эпосе «Давид Сасунокий», о Х. Абовяне, Шота Руставели и Г. Леонидзе, Алишере Навои и Мусе Джалиле свидетельствуют о том, как высоко он ценил классиков мировой литературы и какое большое значение придавал взаимосвязям между литературами братских народов Советского Союза.

Самед Вургун высоко ценил великое наследие азербайджанской классической литературы, гуманизм и реалистические традиции ее замечательных представителей — Низами, Физули, Вагифа, М. Ф. Ахундова, Н. Везирова, М. А. Сабира, Дж. Мамедкулизаде, Дж. Джабарлы.

Глубоко изучая произведения больших художников, проникая в их творческую лабораторию, Самед Вургун стремился воспринять все лучшее в классическом наследии для плодотворного использования приоб-

* *Самед Вургун*. Эсэрлери, V və VI c.ч. Тәртиб едэнләр: К. А. Талыбзаде, А. Нусејнов, С. Нусејнова, редактор К. А. Талыбзаде. «Елм» нәшријјаты. Баки, 1972.

ретенного в советской литературе. Вот почему во всех статьях и докладах, посвященных классикам, он неизменно возвращается к задачам современности и актуальным проблемам советской литературы. Это ярко проявилось и в таких его статьях, как «Солнце русской поэзии» (об А. С. Пушкине), «Наследие Низами и наша эпоха», «Азербайджанская советская литература и Низами», «Хуршид Бану Натаван», «Незабываемая память о Наджаф-беке Везирове», «Маяковский и наша поэзия».

Сам большой художник, он призывал писателей к созданию литературы, достойной эпохи строительства коммунизма. Отвергая пустословие и риторiku, Самед Вургун считал необходимым бороться «против остатков схематизма, против ложного новаторства и ложной народности, за подлинно народный художественный язык, за литературу, которая отразила бы с классической силой духовный мир новых героев, созданных современной жизнью».

В этих словах нашло убедительное выражение главное содержание литературно-критических статей С. Вургунa.

Призывая советских писателей учиться у классиков, С. Вургун предостерегал их от подражательства, требовал, чтобы их произведения отражали современную жизнь, воспевали в ней поэтическое, устремленное в будущее, вдохновляли людей на подвиг, на труд, прививали прекрасные человеческие чувства, вселяли веру в торжество ленинских идей. Поэта очень беспокоили примитивность и схематизм произведений некоторых писателей. Приводя в пример великих классиков азербайджанской, русской и мировой литературы, он писал: «Почему их язык так богат и разнообразен, а язык героев наших произведений порою так беден и бесцветен?». Этот вопрос, поставленный в свое время С. Вургуном, до сих пор остается одним из самых волнующих и актуальных, ибо и сегодня проблема языка художественного произведения, его индивидуализации и образности является объектом острой литературной полемики.

Одной из основных проблем, интересовавших С. Вургунa как поэта, являлась проблема соотношения в художественном произведении реализма и романтизма. По этому вопросу у него были проверенные временем и собственным литературным опытом убеждения, неоднократно им высказывавшиеся. Так, в статье, посвященной творчеству Низами, он писал: «Советские писатели должны романтизировать своих героев, как он (то есть Низами. — М. А.), и даже, может быть, в еще более сильной степени, так как советские люди по своим идейным и моральным особенностям самые гуманные, а следовательно, самые романтические люди».

Поэт, считавший революционный романтизм органической частью социалистического реализма, не противопоставлял романтизм реализму и не отделял его от социалистической действительности. В своем содокладе «Советская поэзия» на Втором всесоюзном съезде писателей СССР Самед Вургун подчеркивал, что реализм без романтики приземляется. Романтика опраждает реализм от бытописательства, натурализма, измелничания, от всего того, что лишает литературное творчество окрыленности.

Не считая революционный романтизм обязательным для всех без исключения поэтов и писателей, он призывал тех из них, в творчестве которых проявлялись элементы романтизма, всемерно развивать их. Нам кажется, что в лучших произведениях советской литературы существует взаимопроникновение романтизма и реализма, о котором говорил Самед Вургун, и это, безусловно, следует считать положительным явлением.

Основной пафос всей литературно-критической деятельности поэта составляла идея создания великой литературы, достойной нашей эпохи. В своих статьях и выступлениях Самед Вургун выражал мечту увидеть такие произведения, в которых нашли бы художественно полноценное отображение богатый духовный мир, высокие чувства и могучий интеллект наших современников. Он требовал от советских писателей глубокого художественного проникновения в действительность, постижения разумом и чувствами наиболее характерных, положительных явлений нашей жизни и яркого их воспроизведения.

Он высоко оценивал такие произведения азербайджанской литературы, как поэмы: «Ленин» Расула Рза, «Над Ленинградом» Мамеда Рагима; романы: «Война» Абульгасана, «Шамо» Сулеймана Рагимова, «Апшерон» Мехти Гусейна; драмы Джафара Джабарлы.

Выступая как поэт и критик, радующийся каждому успеху родной литературы, он вложил весь жар своего сердца в статьи «Гордость нашей литературы» и «Джафар Джабарлы как один из крупных поэтов», «Прославленный поэт Азербайджана» (о Сулеймане Рустаме), «Любовь поэта» (об Ахмеде Джамиле).

Идеи С. Вургуну об идеальном герое были непосредственно связаны с его признанием революционной романтики как органического компонента творческого метода писателя. Он считал, что если даже то или иное художественное произведение и рождает споры по творческим вопросам, оно и в этом случае заслуживает пристального внимания, ибо является плодом творчества художника.

Весьма интересны высказывания С. Вургуну о художественном переводе (в частности, в связи с переводом им «Евгения Онегина»), об индивидуальном творческом почерке каждого художника, о взаимосвязи истории и современности в творчестве писателя, о детской литературе («Создадим прекрасные произведения для наших ребят») и ряде других актуальных литературоведческих проблем.

Великодушная натура поэта не мешала С. Вургуну, когда это было нужно, становиться беспощадным критиком. В небольшой статье «Об одном стихотворении» С. Вургун резко раскритиковал стихотворение А. Ширзада «Мечта часового». Он с возмущением писал о том, что образ часового в этом стихотворении лишен таких характерных для советского человека черт, как смелость, патриотизм, высокое чувство долга. Герой же этого стихотворения — трусливый, беспомощный, духовно бедный человек, полностью находящийся во власти личных, чисто субъективных забот и переживаний. Стихотворение, таким образом, снижая образ героя, искажает действительность.

Судьба литературной критики постоянно находилась в поле зрения Самеда Вургуну, об этом красноречиво говорит целый ряд его выступлений в печати, таких, например, как написанное в 1941 году письмо о литературной критике, статья «Высоко поднимем знамя художественной критики», вышедшая в том же году.

Анализируя причину отставания литературной критики, С. Вургун подчеркивал, что многие критики не воспитывают в себе уважения и любви к своей профессии, не стремятся к глубокому овладению марксистско-ленинской теорией, не всегда бывают способны дать объективную оценку произведению, не обладают необходимой творческой смелостью.

В связи с этим С. Вургун писал: «Критика должна сказать свое смелое слово обо всех писателях, невзирая на лица. Кстати, следует сказать и о том, что есть пользующиеся авторитетом люди, которые не при-

нимают критики. Дурно используя свое положение, эти люди небрежно относятся к своему творчеству, порой деградируя до дешевой халтуры, тем самым нанося качественный ущерб как своим произведениям, так и всей нашей литературе. Но для нашей критики не должно быть „более” или „менее” авторитетных лиц. Она должна интересы нашей литературы ставить выше интересов отдельных лиц».

Эти слова поэта, сказанные им тридцать лет назад, по сей день не утратили своей актуальности.

Литературно-критические статьи Самеда Вургунa, изданные массовым тиражом, помогут нашим писателям пересмотреть заново свою художественную позицию и правильно решить некоторые насущные проблемы советской литературы.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕСОЮЗНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

27—29 сентября 1976 года в Алма-Ате проходила Всесоюзная тюркологическая конференция (ВТК), созданная Советским комитетом тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР и Академией наук Казахской ССР под эгидой Отделения литературы и языка и Отделения истории Академии наук СССР. Конференция состоялась в юбилейный — пятидесятилетний — год со времени I Всесоюзного тюркологического съезда (Баку, 1926). Перед конференцией стояла задача — подвести итоги и наметить дальнейшие перспективы исследований актуальных проблем языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, археологии и этнографии тюркоязычных народов, составляющих самый большой, после славянских, национально-языковой компонент в братской семье народов СССР. В конференции приняло участие около 500 делегатов из 22 городов страны, а также ученые из ГДР, Польши, США, Турции, ФРГ, Швеции. Этот самый представительный за всю историю отечественной тюркологии форум был посвящен 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Во вступительном слове вице-президент АН Казахской ССР академик Академии наук Казахской ССР *Б. А. Тулепбаев* отметил, что настоящая конференция является еще одним ярким подтверждением расцвета науки и культуры тюркоязычных народов, достигнутого в результате торжества ленинской национальной политики, благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства.

На общем пленарном заседании было прочитано четыре доклада. Академик *А. Н. Кононов* в обобщающем докладе «Тюркское языкознание в СССР на современном этапе. Итоги и проблемы» подчеркнул, что приобщение тюркоязычных народов СССР к социалистическому строительству выдвинуло перед тюркологией следующие задачи исторической важности: разработку норм единого национального

языка на базе народных диалектов и приведение в соответствие с этими нормами как старописьменных, так и вновь создаваемых литературных языков, разработка новых алфавитов для ранее бесписьменных языков, помощь в развитии системы народного образования на родном языке. В ходе выполнения этих задач отечественная тюркология обрела черты новой подлинно советской науки: последовательное творческое применение марксистско-ленинской методологии, значительное расширение круга исследуемых проблем, широкое приобщение к изучению тюркских языков, литератур и истории тюркоязычных народов самих представителей этих народов. За короткий исторический срок были созданы квалифицированные научные кадры, объединенные в настоящее время в республиканских академиях наук, научно-исследовательских учреждениях и вузах. Плодотворная работа по описанию грамматического и фонетического строя тюркских языков, фиксации и анализу диалектов и говоров, изучению истории языков и изданию древних и средневековых памятников письменности ведется ныне во все возрастающих масштабах не только в традиционных центрах тюркологии — Москве и Ленинграде, но и во всех тюркоязычных республиках и областях СССР. Таким образом, успех в решении практических задач был обеспечен невиданным размахом научных исследований во всех областях тюркского языкознания. *А. Н. Кононов* всесторонне охарактеризовал состояние современной тюркской филологии в СССР.

Процессы исторической важности, происходившие в послеоктябрьский период, способствовали приобщению тюркоязычных народов СССР к социалистическому строительству: перевод литературных языков на нормы ведущих народных диалектов, создание письменностей для бесписьменных народов и переход на новые системы письма для старописьменных языков, а также становление и совершенствование орфографий. Расширение общественных функ-

ний тюркских языков в связи с освоением новых сфер трудовой и научной деятельности и постановкой массового образования явилось могучим стимулом для адаптивирования языками новых лексических пластов, выработки национальных терминологий, совершенствования выразительных возможностей устной и письменной речи. Анализу данных процессов был посвящен коллективный доклад «Развитие тюркских языков СССР в советскую эпоху», представленный ведущими деятелями тюркского языкознания союзных республик — Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии и Туркмении — академиком АН Узбекской ССР *Ш. Шаабдурахмановым*, академиком АН Казахской ССР *С. К. Кенесбаевым*, академиком АН Азербайджанской ССР *М. Ш. Ширалиевым*, *А. Турсуновым* (Киргизская ССР), членом-корреспондентом АН Туркменской ССР *Б. Ч. Чарьяровым*.

Член-корреспондент Академии наук СССР *Г. И. Ломидзе* в докладе «Пути эстетического обогащения советской многонациональной литературы» показал закономерность единства семидесяти шести национальных литератур народов СССР и проанализировал общность и отличия тюркоязычных литератур. Дискутируя со сторонниками концепции быстрого слияния национальных литератур и угасания их самобытности, он подчеркнул, что советская многонациональная литература сильна своим многообразием и неповторимостью. Отличие современных литератур тюркоязычных народов СССР от других советских национальных литератур докладчик видит в преобладании принципа спокойного эпического повествования. Причину этого он усматривает в устойчивости повествовательной традиции восточных литератур, а также в том, что некоторые тюркоязычные народы не имели раньше опыта эпического реалистического повествования.

Академик Академии наук Казахской ССР *А. Н. Нусупбеков* в докладе «Изучение проблем истории тюркских народов СССР в советскую эпоху» говорил о новом этапе развития этой области исторической науки, который характеризуется последовательным творческим применением марксистско-ленинской методологии, расширением круга исследуемых проблем, взаимодействием различных областей исторического знания; все это способствовало достижению серьезных научных результатов. Руководствуясь решениями XXV съезда КПСС, подчеркнул докладчик, советские тюркологи обращают особое внимание на повышение общетеоретического и идеологического уровня исследований, на углубленный анализ накопленных научных материалов и одновременно ведут борьбу с буржуазной фальсификацией истории и истории культуры, с проявлениями национальной ограниченности, идеализации прошлого в истории тюркоязычных народов.

Работа конференции проходила в трех секциях: языкознания, литературоведения и истории*.

* * *

Работа секции языкознания была посвящена теме «Советская тюркология и развитие тюркских языков СССР». Доклады общего характера (32) были заслушаны на двух пленарных заседаниях секции, остальные доклады и сообщения (148) были распределены по 6 подсекциям.

В десяти пленарных докладах было охарактеризовано состояние языковедческих исследований в национальных республиках и областях и выделены наиболее актуальные по каждому из конкретных тюркских языков проблемы их изучения (*М. Ш. Ширалиев*, *Б. Ч. Чарьяров*, *А. А. Тыбыкова*, *З. Г. Ураксин*, *Е. И. Коркина*, *Л. Т. Махмудова*, *Д. С. Насыров*, *Г. С. Садвакасов*, *М. И. Боргояков*, *Н. Н. Джанашиа* и *М. Х. Сванидзе*).

В трех докладах освещались теоретические и методологические проблемы анализа морфологического и синтаксического строя и лексики тюркских языков. В докладе *А. Н. Кононова* и *С. Н. Иванова* (Ленинград) подчеркивалась важность творческого применения положений диалектико-материалистической философии к конкретным вопросам тюркской грамматики. Член-корреспондент АН Узбекской ССР *Г. А. Абдурахманов* к наиболее актуальным вопросам тюркского синтаксиса отнес проблемы основных структурных типов таких синтаксических единиц, как словосочетание, простое, осложненное и сложное предложения; классификацию предложений по цели высказывания, классификацию членов предложения (главные, второстепенные и третьестепенные). Широкий фронт проблем, стоящих перед исследователями исторической и синхронной лексикологии и семасиологии, обрисовал в своем докладе *К. М. Мусав* (Москва).

В шести докладах обсуждались вопросы соотношения описательного, исторического, сравнительно-исторического и ареального методов. Член-корреспондент АН СССР *Б. А. Серебренников* подчеркнул, что строй языка развивается по внутренним законам, а внешние влияния выступают в роли катализаторов предопределенных этими законами изменений. Докладчик призвал поэ-

* К началу конференции были выпущены три книги (общим объемом 38,5 п. л.) с тезисами запланированных секционных докладов: 1) «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР». Алма-Ата, 1976, 356 стр.; 2) «Тюркоязычные литературы — история и современный литературный процесс». Алма-Ата, 1976, 130 стр.; 3) «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР». Алма-Ата, 1976, 126 стр.

тому уделять особое внимание разработке методики определения внешних влияний, что в конкретных исследованиях часто отсутствует. *Н. З. Гаджиева* (Москва) говорила о необходимости совокупного использования различных методов и приемов лингвистического анализа при построении сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. *Э. Р. Тенишев* (Москва) указал на ряд явлений, возникших, по его мнению, в тюркских языках под иноязычным влиянием, и специально остановился на сходных инновациях сарыг-югурского и саларского языков, распространенных на несмежных территориях. *М. А. Бородин* (Ленинград) отметила, что при реконструкции более ранних исторических состояний и взаимоотношений тюркских языков с соседними языками важно использовать ареальные (пространственные) данные современных диалектов бесписьменных языков.

Е. И. Убратова (Новосибирск) охарактеризовала в ареальном плане некоторые морфологические и фонетические черты современных тюркских языков Сибири, которые могут быть соотнесены с аналогичными фактами древнетюркского, древнеуйгурского и древнекиргизского языков.

Важным вопросом совершенствования алфавитов тюркских языков СССР на основе русской графики был посвящен доклад *Н. А. Баскакова* (Москва). По его мнению, в действующих алфавитах давно назрела необходимость унификации графических приемов (аналитическое написание *j* и *ш* с гласными) и графем (*э, ө, ү, ж, й, ѓ, қ, ң, ғ* и др.). Социолингвистический анализ роста общественных функций тюркских языков в советскую эпоху и внутриструктурного развития этих языков был представлен в коллективном докладе *Ю. Д. Дешериева* (Москва) и *С. К. Кенесбаева*. За годы, прошедшие после I Всесоюзного тюркологического съезда, в СССР проделана большая библиографическая работа, итогом которой, а также пока еще нерешенным задачам в этой области был посвящен доклад *Ф. Д. Ашнина* (Москва). О необходимости более широкого и разностороннего применения ЭВМ при лингвистическом анализе тюркского материала и проблемах инженерной лингвистики говорили *Р. Г. Пиотровский* (Ленинград) и *К. Б. Бектаев* (Чимкент).

Девять докладов были связаны с конкретной проблематикой, освещением фактов современных языков и письменных памятников под углом зрения сравнительно-исторической грамматики и фонетики тюркских и других алтайских языков. Член-корреспондент АН Казахской ССР *А. Т. Кайдаров* рассмотрел вопрос о формах бытования первичных синкретических основ в различных лексических пластах и различных языковых ареалах. Член-корреспондент АН СССР *А. В. Десницкая* коснулась ареальных контактов неродствен-

ных языков на материале тюркизмов в албанском языке.

Сравнительно-исторической тематике были посвящены доклады зарубежных гостей. *Т. Текин* (Турция) предложил уточнения к классификации тюркских языков, взяв за основу судьбу шести фонетических явлений (1. ротацизм и ламбдаизм; 2. *r > *ø* и *h*; 3. -*d* / -*t* - / -*z* - / -*j* - / -*g* -; 4. и 5. конечные гуттуральные; 6. *t* / -*d* -); в результате современные языки (без охвата ранних письменных памятников, на чем настаивает автор) распределены на 12 подгрупп. *Г. Дёрфер* (ФРГ) выступил с гипотезой о следах пратюркского *r в древнетюркском, которые он предлагает видеть в особенностях написания слов с начальным *a*- (с руной для *a* и без нее), а также в колебаниях типа *ayāč* / *jūāč* / *jūāč*. *К. Г. Менгес* (США) вновь обратился к трактовке разноречия императивных форм I-го лица множественного числа -*alīq* / -*alīm* в качестве реликтового различия инклюзива и эксклюзива, которое он рассматривает как исконно алтайскую черту. *Э. Грыарский* (Польша) на основе анализа 29 монголизмов в языке армянско-кыпчакских памятников XIV—XV веков рассмотрел возможные пути и время их проникновения в старокыпчакский язык. *И. Лауде-Циртаугас* (США) коснулась роли ведущих узбекских диалектов, традиций староузбекского языка и влияния русского языка на формирование норм и стилей современного узбекского литературного языка.

В подсекции № 1 («Синтаксис») было прочитано 20 докладов. Общие синтаксические проблемы затрагивались в 9 докладах. *Л. А. Покровская* (Москва) изложила принципы изучения иноязычного влияния в тюркских языках на уровне синтаксиса, а именно: сначала определяются признаки такого влияния в синтаксической структуре изучаемого языка, затем они анализируются с целью выяснения их происхождения, наконец, устанавливаются общие закономерности изменений под влиянием других языков. *Ф. С. Сафиуллина* (Казань) отметила, что функциональное развитие татарского языка в советский период явилось основой для его структурного развития в области синтаксиса (активизация сегментированных конструкций, явления парцелляции, синтаксического калькирования). О важности обращения к фактам разговорной речи для углубления знаний о грамматической структуре языка говорил *Р. С. Амиров* (Алма-Ата), подчеркнувший, что в разговорной речи рождаются специфические конструкции, участвующие в организации эмоционально окрашенных синтаксических единиц. Проявление принципа экономии в синтаксическом строе тюркских языков рассматривалось *К. Н. Велиевым* (Баку), который показал, что в отдельных моделях предложений информативная нагрузка некоторых морфем может распределяться между самой конструкцией, ситуацией и

контекстом, поэтому данные морфемы и могут опускаться. По мнению *С. М. Ибрагимова* (Казань), в определении синтаксических синонимов необходимо опираться на грамматические значения их компонентов, что позволит разграничить синтаксические синонимы, варианты и параллели. *Е. А. Поцелуевский* (Москва) остановился на важности изучения синтаксической фразеологии, связанных синтаксических моделей, описание которых дает инструмент для фиксации регулярно воспроизводимых, но не полностью формализованных структур, остающихся часто вне поля зрения синтаксистов.

Проблема разграничения управляемых и примыкающих падежных форм рассматривалась в докладе *Н. П. Голубевой* (Москва). Опускание или отсутствие падежного показателя не расцениваются ею как отсутствие управления, ибо здесь сохраняется зависимость имени от значения глагола; падежные формы, не обусловленные семантикой глагола, не могут считаться управляемыми. *А. Гасанов* (Баку) остановился на порядке расположения неоднородных определений, связанных с выражением определенности и неопределенности. На примере сочтательных потенций глагола *тух-* 'выходить' *М. Ф. Чернов* (Чебоксары) рассмотрел типы свободных и несвободных сочетаний слов в чувашском языке.

Четверте доклада были посвящены характеристикам такого ядерного члена предложения, как сказуемое. *З. И. Будагова* (Баку) рассмотрела два структурных типа сказуемых в азербайджанском языке: простые и составные именные и глагольные сказуемые. Количественная и качественная оценка объема информации сказуемого в татарском языке в рамках простого предложения была представлена *А. М. Каримовой* (Елабуга). Синтаксические функции глагола *ol-* в современном турецком языке были проанализированы *П. И. Кузнецовым* (Москва). Некоторые закономерности развития индикативных форм турецкого глагола рассматривались *Э. А. Груниной* (Москва), отметившей, что современная микросистема индикатива организована по модально-темпоральному и аспектуально-темпоральному принципам и ее эволюция отмечена циклическими процессами актуализации в зоне презенса и перфекта, проявляющейся в восстановлении курсивности и реперфективации на базе аналитических конструкций и глагольных имен.

Специальные проблемы синтаксиса простого предложения стали темой 3 докладов, причем главное внимание уделялось здесь характеристике односоставных предложений. Структурные модели наиболее употребительных в турецком литературном языке типов односоставных предложений были проанализированы *С. А. Соколовым* (Москва). Вопросы изучения номинативных предложений в алтайском языке рассматривались *Е. Н. Чунжековой* (Горно-Ал-

тайск). *И. Х. Ахматов* (Нальчик) остановился на принципах отграничения в караево-балкарском языке односоставных предложений от двусоставных, используя структурно-содержательные и формально-грамматические критерии.

Синтаксис сложного предложения рассматривался в 4 докладах. Принципы классификации сложных предложений в киргизском языке освещались *А. Джапаровым* (Фрунзе) и в узбекском языке — *М. А. Аскаровой* (Ташкент). Синтаксические конструкции азербайджанского языка с параллельным строением (типа *олар олар, олмз олмз* 'будет — так будет, не будет — так не будет') и разнообразные их трансформы проанализировал *М. И. Адилев* (Баку). *М. М. Джафарзаде* (Кировабад) осветил отмеченные в восточной группе азербайджанских диалектов сложноподчиненные конструкции с придаточным-приложением, уточняющим обстоятельства времени или места.

При обсуждении докладов отмечалась необходимость уделять внимание, наряду с кардинальными проблемами тюркского синтаксиса, и таким вопросам, как интонация различных типов предложений, разновидности односоставных предложений. Было обращено внимание на важность синтаксического изучения разговорной речи и применения в синтаксических исследованиях новейших методик, в том числе формализованного описания.

В подсекции № 2 («Морфология») был заслушан 21 доклад. *С. Н. Иванов* говорил о важности теории и методологии в лингвистическом анализе, особенно при решении проблем грамматической многозначности, соотношения элементов языка и его системы, парадигматики и синтагматики, синхронии и диахронии.

Проблематика частей речи в тюркских языках была темой 3 докладов. *З. М. Валиуллина* (Казань) и *С. Л. Чариков* (Ленинград) высказали свое согласие с мнением, признающим значение частей речи грамматическим, а морфологические категории и синтаксические свойства слов классификационными признаками; *А. И. Исков* (Алма-Ата) придерживается лексико-грамматического принципа классификации частей речи.

Пять докладов было посвящено способам выражения грамматических значений. Наиболее общие вопросы рассмотрел *И. А. Андреев* (Чебоксары). В тюркских языках, считает он, полнее представлена парадигматическая экономия в словах и служебных морфемах; недостаток служебных морфем — как деривационных, так и реляционных — восполняется использованием в этой функции словозменительных показателей, а также словопорядка и контекста. *М. А. Ахметов* (Уфа) полагает, что с безаффиксальным способом выражения грамматических значений (порядок слов, редупликация, ударение и интонация) свя-

зано, например в башкирском тексте, до 30–40% слов. *Х. Г. Низматов* (Бухара) говорил о том, что во всех словоизменяемых формах с категориальным значением оказываются сопряженными иные грамматические значения (в формах числа — значение определенности/неопределенности, в формах времени — значение модальности и аспектуальности и т. д.), что обеспечивает единство морфологической системы. В докладе *А. К. Калыбаевой* (Алма-Ата) была сделана попытка применить понятия тенгеровского синтаксиса к тюркскому материалу. *Ф. А. Ганиев* (Казань) коснулся роли сопоставительной типологии при анализе грамматических категорий.

Модели и средства словообразования на материале отдельных языков рассматривались в докладах *И. П. Павлова* (Чебоксары), *В. А. Исенгалиевой* (Алма-Ата), *Д. Х. Базаровой* (Ташкент), *Н. Маматова* (Ташкент). Критерии разграничения и классификации аналитических образований в системе глагола (сложные, составные, перифрастические и аналитические глаголы) обсуждались в докладе *Ф. Р. Зейналова* (Баку).

Ряд конкретных проблем морфологии тюркских языков был рассмотрен в докладах *Н. Е. Петрова* (Якутск), *М. В. Зайнуллина* (Уфа), *Х. И. Суюнчева* (Черкесск), *Д. Н. Сусеевой* (Элиста), *Г. К. Кулиева* (Баку), *А. Боржакова* (Ашхабад).

Обсуждение выдвинутых морфологических проблем свидетельствует о повышении теоретического уровня лингвистических исследований в тюркологии.

В подсекции № 3 («История языка») было заслушано 20 докладов. 8 докладов было посвящено периодизации истории языков, прежде всего старописьменных, характеристике отдельных этапов их формирования в свете определения их места в классификационных схемах тюркских языков. *Ф. А. Абдуллаев* (Ташкент) считает, что создание литературно-письменной традиции в истории узбекского языка (XI–XIV веков) опиралось на два языковых типа (караханидско-тюркский и огузо-туркменский), чем и объясняется ее смешанный характер в последующие периоды. *Ш. Ш. Шукuroв* (Ташкент) основное внимание уделил трудностям квалификации разнообразных письменных источников в плане периодизации истории узбекского языка. По мнению *А. А. Ахундова* (Баку), в истории азербайджанского языка можно выделить два периода (XIII–XVIII и XVIII–XX века). *В. И. Асланов* и *Г. Воронин* (Баку) в коллективном докладе подчеркнули важность привлечения грузинских, армянских, сирийских, византийских и других источников V–X веков для уточнения хронологии и типа тюркских языков Закавказья этого древнейшего периода. Периодизация татарского литературного языка обсуждалась в докладе *В. Х. Хакова* (Казань), который первоначальные эта-

пы определяет в границах XIII–XIV веков (образование тюркско-татарского языка Поволжья на основе кыпчакского языка с примесью среднеазиатских языковых черт) и XV–XVI веков (складывание норм и стиливых разновидностей). *М. З. Закиев* (Казань) высказал критическое отношение к булгаро-чувакской гипотезе. *Р. Г. Ахметьянов* (Казань) изложил свою классификацию кыпчакских языков, основанную на предположении о хронологически последовательных изменениях анлаутных среднеязычных, ауслаутных -y и -g, а также о развитии ассимилятивно-диссимилятивных процессов в группах с сонорными. *И. В. Кормушин* (Ленинград) интерпретировал представленные в орхоно-енисейских памятниках слова с -j- вместо ожидаемого -d- (типа *kejik, qaja*) как отражение членения древнейших диалектов по признаку -j/-d-.

Все четче осознаваемая потребность в дифференцированном подходе к трактовке фактов письменных источников определила повышенный интерес исследователей к проблеме соотношения исторической грамматики тюркских языков, исторической диалектологии и истории письменнo-литературных языков, к методике интерпретации языковых показаний текстов, к изучению устно-литературных форм языка. Этим важным для современного уровня развития тюркской исторической грамматики проблемам было посвящено четыре доклада. *Г. Ф. Благова* (Москва) настаивала на необходимости разграничения в материалах памятников фактов письменнo-литературной традиции и исторических диалектов, которые подлежат изучению соответственно в аспекте истории литературного языка или же исторической грамматики, и предложила методику интерпретации в этом плане языковых показаний текстов. Член-корреспондент АН Туркменской ССР *З. Б. Мухамедова* на конкретных примерах показала возможность выделения собственно туркменских форм при изучении туркменских литературных памятников, язык которых испытывал влияние восточно-туркестанского языка и языка Навои. *Р. Г. Сыздыкова* (Алма-Ата), рассматривая источники формирования казахского литературного языка, обратила внимание на существование «предписьменного литературного языка», представленного, по ее мнению, в поэтическом творчестве казахских жырау и акынов. *Д. М. Насилов* (Ленинград) указал на важность учета языковой ситуации в Уйгурском государстве при использовании фактов древнеуйгурского языка в сравнительно-исторических штудиях.

Вопросы издания памятников, графической передачи текстов и направлений исследования их грамматики и лексики поднимались в 3 докладах. Пути создания корпуса армяно-кыпчакских памятников и комплексного изучения их языка освеща-

лись в докладе *И. А. Абдуллина* (Казань). Издаваемые в последнее время памятники письменности, как отметил *К. Каримов* (Ташкент), имеют существенные недостатки в способах графической передачи тюркоязычного текста, поэтому назрела необходимость незамедлительно разработать научно обоснованные унифицированные правила «трансграфики» текстов. *Э. И. Фазылов* (Ташкент) сказал, что состояние современной тюркологии требует системного подхода к изучению памятников письменности с всеобъемлющим описанием грамматических форм и всей совокупности лексических единиц, а это, в свою очередь, ставит на повестку дня выработку некоторых единых приемов лингвистического обследования памятников.

Диахронические аспекты тюркской грамматики и лексики рассматривались в 5 докладах. *А. Н. Гаркавец* (Киев) коснулся развития под иноязычным влиянием функций глагольных имен в армяно-кыпчакском языке, что привело к существенным сдвигам в грамматическом строе этого языка. *А. М. Шербак* (Ленинград) предложил объяснять появление лично-предикативного показателя 2-го лица множественного числа *-ciñiz* действием закона аналогии в парадигме показателей всех трех лиц (ср.: *-diñ/-diñiz*). Толкование некоторых, до сих пор не получивших убедительной интерпретации, слов из «Кодекс куманикус» предложил *А. К. Курышжанов* (Алма-Ата). *С. Кудайбергенов* (Фрунзе) остановился на сопоставительном изучении ряда грамматических форм глагола в алтайских языках. *М. А. Хабичев* (Карачаевск) проанализировал ряд венгерских слов, имеющих параллели в современном карачаево-балкарском языке.

Участники дискуссии, развернувшейся на заседании подсекции № 3, пришли к мнению о необходимости выработать единые приемы грамматического описания и транскрибирования старописьменных текстов и объединить усилия издателей памятников не только во всесоюзном, но и в международном масштабе.

В подсекции № 4 («Диалектология») было прочитано 20 докладов. О некоторых результатах работы по составлению атласов азербайджанского, башкирского, каракалпакского и чувашского языков было сообщено *М. И. Исламовым* (Баку), *Н. Х. Максумовой* (Уфа), *У. Доспановым* (Нукус), *Л. П. Сергеевым* (Чебоксары).

Одиннадцать докладов было посвящено анализу взаимодействия различных тюркских языков в пограничных между ними зонах. *Д. Г. Тумашева* (Казань) говорила о важности установления степени проявления фонетических и морфологических признаков при ареалогической квалификации такой смешанной территории, как сибирско-татарские диалекты: в тоболо-иртышском преобладают кыпчакские признаки и имеются следы узбекско-уйгурского влияния;

в томском — признаки восточнотюркских языков (алт., хакасск., шорск.) при сильном воздействии поволжско-татарского языка; в барабинском соединены кыпчакские и восточнотюркские черты. Такой же зоной сложного взаимодействия башкирского языка с казахским и диалектами среднесибирского региона является восточный диалект башкирского языка, о чем говорил *Н. Х. Ишбулатов* (Уфа). Особенно интересны казанско-татарского говора на юге Свердловской области, взаимодействующего с восточнотатарским диалектом, были охарактеризованы *Ф. Ю. Юсуповым* (Елабуга). Фонетические и морфологические признаки узбекских говоров низовьев Кашкадарьи, позволяющие выделить в них «карлукскую, кыпчакскую и разнородную» (смешанную) зоны, рассмотрел *А. Шерматов* (Ташкент). Особенности контактирования трех кыпчакских языков (ногайского, казахского и татарского) на территории Астраханской области показал *Л. Ш. Арсланов* (Елабуга). В особенностях лексической вариативности, как считает *С. Р. Изидинова* (Москва), отразились пути формирования крымско-татарского как языка кыпчакского, но подвергшегося влиянию языка огузского типа. *С. М. Исхакова* (Казань) рассмотрела казахские элементы в народно-разговорном языке сибирских татар.

Островным диалектам были посвящены два доклада. *М. И. Боргояков* и *В. Г. Карпов* (Абакан) охарактеризовали язык фу-йских кыргызов, относящийся вместе с хакасским, шорским и сарыг-югурским к группе з-языков, как близкий по ряду фонетических признаков к хакасским диалектам XVIII—XIX веков, в частности, к качинскому. *Г. М. Пашаев* (Баку) остановился на морфологических особенностях керкукского диалекта азербайджанского языка на территории Ирака.

Вопросы исторической диалектологии затрагивались в 3 докладах. *Т. И. Гаджиев* и *Э. И. Азизов* (Баку) полагают, что только при учете исторического взаимодействия диалектов можно правильно оценить историю азербайджанского литературного языка. Северо-западные говоры башкирского языка в настоящее время, считает *С. Ф. Миржанова* (Уфа), являются зоной интенсивных контактов с татарским языком, однако особенности соответствия *й-ж-з* для данного региона позволяют говорить об историческом вкладе диалектов булгарского типа. По мнению *Г. Х. Ахатова* (Уфа), *ч* ~ общетюркск. *ч*-, встречающееся в некоторых татарских, башкирских, балкарских и азербайджанских диалектах, не заимствовано, а возникло на чисто артикуляционной основе.

Вопросам соотношения диалектов с литературно-нормированным языком были посвящены доклады *Х. Д. Даниярова* (Сырдарья; кыпчакские диалекты и узбекский литературный язык), *Г. Б. Бакино-*

вой (Фрунзе; об опорном характере северного диалекта для киргизского литературного языка), *Н. А. Кучигашевой* (Горно-Алтайск; критерии нормализации произносительных вариантов в алтайском языке).

В совместном социалингвистическом докладе *Н. С. Дмитриевой* и *К. З. Закирьянова* (Уфа) было показано распределение сфер действия языков при башкирско-русском двуязычии: русский язык обслуживает билингва преимущественно в официальной жизни, обогащая родной — башкирский, который используется в быту, удовлетворяет духовные потребности, продолжая оставаться при этом основным источником национального самосознания.

Выступавшие в обсуждении признали необходимым резко активизировать работу по завершению территориального обследования тюркских диалектов, так как под влиянием литературных языков и усиливающихся контактов между их носителями происходит активный процесс нивелировки и исчезновения тюркских диалектов и говоров. Указывалось на неотложность распространения лингвогеографических исследований на все тюркские языки и диалекты. В связи с этим подчеркивалась необходимость скорейшего издания давно подготовленного к печати коллективного труда «Диалекты и говоры тюркских языков СССР».

В подсекции № 5 («Лексикология, лексикография, ономастика») состоялось 34 доклада.

В 6 докладах были затронуты теоретические вопросы лексикологии. *И. Кучкартаев* (Ташкент) рассматривал семантические валентности глагола (на примере валентностей агенса, объекта, содержания, адресата в глаголах речи) в качестве компонента, участвующего наряду с предметно-номинативным содержанием в формировании лексического значения. *П. С. Афанасьев* (Якутск) говорил о подходе к членению содержания слова на значения на основе научно-логических и языковых понятий. *Б. И. Татаринцев* (Кызыл) обосновал тезис о том, что не следует считать омонимами слова с общими компонентами значений при отсутствии между ними отношений семантической производности, ибо это — особый вид полисемии слов. *В. И. Сергеев* (Чебоксары) рассматривал паронимы (слова, близкие по звучанию благодаря восхождению к единому корню, и различающиеся конкретными значениями) как промежуточное звено между синонимами и омонимами. *А. К. Алекперов* и *В. И. Асланов* (Баку) рассмотрели паронимическое сближение непроезженных основ типа *al-* 'брать' и *at-* 'бросать', *М. М. Копыленко* (Алма-Ата) усматривает особенность тюркской метафоры и метонимии в их семантической разветвленности; это позволило докладчику предложить более широкие, чем обычно, этимологические отождествления.

В ряде докладов рассматривались вопросы терминологии. *Б. О. Орузбаева* и *Т. Дуйшеналиева* (Фрунзе) подчеркнули, что терминологическая часть лексики является одним из основных показателей развития современных литературных тюркских языков СССР; теоретическая и практическая работа в этой области должна координироваться Советским комитетом тюркологов. *В. Мескутов* (Ашхабад) говорил об избыточности русских суффиксов *-изация*, *-фикация*, *-ация* при употреблении соответствующих терминов в туркменском языке, поскольку данные суффиксы дублируются собственно туркменскими словообразовательными аффиксами. Некоторые результаты работ по более частным вопросам лексикографии и лексикологии были сообщены в докладах *М. Ш. Гасимова* (Баку), *Г. Х. Ахунзянова* и *М. Г. Мухамадиева* (Казань), *Х. Хикматуллаева*, *Г. Д. Зайнуллиной* (Уфа), *З. А. Али-заде* (Баку), *Д. Медербековой* (Фрунзе), *М. Х. Ахтямова* (Уфа). Страницам истории тюркской лексикографии были посвящены доклады *Е. И. Оконешикова* (Якутск) (о приемах подачи значений слов в словаре Э. К. Пекарского), а также *Д. Ж. Валеева* и *Р. З. Шакурова* (Уфа) (о русско-башкирском словаре XVIII века М. Бекчурина).

Историко-лексикологическая тематика освещалась в 8 докладах. О требованиях к этимологическим словарям одного или группы языков говорили в своих докладах *Л. С. Левитская* и *Л. Г. Офросимова-Серова* (Москва). *Э. Ф. Ишбердин* (Уфа) коснулся важности сравнительного изучения лексики башкирского языка. *Н. К. Антонов* (Якутск) остановился на значениях якутской металлургической терминологии для изучения проблемы исторической прародины якутов в Центральной Азии. *К. С. Кадыраджиев* (Махачкала) подразделял кумыкскую лексику, связанную с названиями частей тела, на три исторических пласта: общетюркский, кыпчакский, собственно кумыкский. Займствования рассматривались в трех докладах. *О. А. Мизин* (Елабуга) говорил о китанзмах в русском языке, проникших через тюркское посредство, основываясь на примере слова *манты* 'паровые пирожки'. О тюркизмах в таджикском и абхазско-адыгских языках говорили соответственно *Н. А. Шаронов* (Душанбе) и *В. Н. Меремкулов* (Черкесск). Различные проблемы ономастики явились содержанием теветы докладов. *Т. Д. Жанузак* (Алма-Ата) представил обзор ономастических исследований в Казахстане. Насущных теоретических и практических задач в области ономастики коснулся *А. Г. Шайхулов* (Уфа). О необходимости нормализовать орфографию тюркских географических названий как слов с межнациональным функционированием говорил *Г. И. Донидзе* (Москва). Конкретный историко-ономастический материал содержался в докладах *О. Т. Молчановой* (Ярославль), *А. А. Камалова* (Уфа), *К. Ш. Микаилова*

(Махачкала), *Г. Ф. Саттарова* (Казань), *М.-И. Скворцова* (Чебоксары), *В. И. Филоненко* (Пятигорск).

Выступавшие отмечали, что продолжают оставаться спорными многие проблемы лексикографирования многозначных слов, аналитических конструкций разного типа и т. д. Нуждаются в более глубокой и детальной разработке методические приемы этимологических исследований, необходимо дальнейшее совершенствование сравнительно-исторического анализа тюркской лексики, расширение семасиологических изысканий и теоретических обобщений в этой области. Были признаны полезными более широкий обмен опытом и координация усилий лексикологов и лексикографов разных республик и областей, особенно в области этимологии.

Наряду с постановкой новых проблем, расширением круга изучаемых языков полезно начать и новые типы исследований: приступить к созданию сравнительных словарей групп языков, корневых словарей, ономастических словарей, орфографических словарей топонимов, словарей заимствований (например, монголизмов в тюркских языках Сибири, кавказских элементов в тюркских языках Кавказа и Дагестана, татаризмов в чувашском и т. д.). Важных результатов можно ожидать от ареального изучения лексики различных регионов, использования новых приемов семантического анализа.

В подсекции № 6 («Фонетика, письменность и стилистика») было представлено 30 докладов. Собственно фонетическим проблемам было посвящено 16 докладов. В 5 из них обсуждались некоторые результаты исследований в области исторической фонетики. *Р. М. Бирюкович* (Саратов), обратившись к реликтовым явлениям в звуковом строе чувлымско-тюркского языка, охарактеризовала сохранившиеся в ряде односложных и двусложных слов «первичные» долгие гласные как рефлекс бывшей оппозиции по краткости—длительности, а также рассмотрела отражение здесь двух рядов чередований $j/d/t'/c'/s'/s < *j$ и $c/c'/s'/s < *c$. Исходя из положений об устойчивости вокализма начального слога, *И. Г. Добродомов* (Москва) на примере соответствия $\ddot{a} \sim \ddot{o}$ показал, что некоторые отклонения от регулярной рефлексации этих гласных следует объяснять в связи с историей слов в конкретных языках, а не проецировать в праязык в качестве древнейшего чередования. *Ж. А. Аралбаев* (Алма-Ата) остановился на тенденции озвончения глухих согласных в казахском языке ($p > b$, $t > d$, $k > g$, $q > ɣ$) на фоне аналогичных процессов в других тюркских языках. Перебой гласных в различных позициях в истории тюркских языков, в частности и в уйгурском, связан, как считает *Т. Талипов* (Алма-Ата), преимущественно с изменениями в просодии и акцентной системе, поэтому сдвиг акцентной системы явился поворотным пунктом в переходе от

праторжского к общетюркскому состоянию, что привело к позиционным модификациям гласных. *Р. Ф. Тарасенко* (Москва) проанализировала три тенденции, ведущие к сокращению звукового и слогового состава слова и в силу этого — к слоговому переразложению: устранение стечения согласных, падение гласных, падение заднеязычных или озвончение и сонантизация глухих согласных.

Проблемы экспериментальной фонетики тюркских языков рассматривались в 3 докладах. Достижения в области инструментального исследования звукового состава и просодии, а также задачи и перспективы подобной работы в якутском языкознании характеризовались *И. Е. Алексеевым* (Якутск) и в туркменском — *С. Куреновым* (Ашхабад). В коллективном докладе *Л. В. Бондарко, Ж. Абуова, Г. Байгерековой, Л. П. Щербаковой* (Ленинград) обсуждались результаты сопоставительного исследования восприятия звуковых характеристик («передний ряд» и «долгота» гласного) при интерпретации фонологических отношений испытуемыми—носителями казахского и киргизского языка, с одной стороны, и русского, английского, немецкого, с другой.

Отдельные фонетические проблемы на материале современных тюркских языков затрагивались в 6 докладах. *А. Махмудов* (Ташкент) представил дистрибутивный анализ узбекских согласных фонем, проведенный по трем позициям (начальной, срединной и конечной). О неоднородном частотном распределении r в различных тюркских языках и некоторых письменных памятниках говорил *В. А. Никонов* (Москва), предлагая подобными подсчетами измерять «фоностатистические расстояния» между языками. *А. Нурмухамедов* (Ашхабад) изложил уточненную классификацию согласных звуков туркменского языка. Проблемы эволюции фонетического строя языка под влиянием заимствований на примере узбекского языка освещались в докладе *С. А. Атамирзая* (Ташкент). *К. С. Тайметов* (Ташкент) остановился на вопросах изучения слога в статическом и динамическом планах. *Т. Х. Кусимова* (Уфа) рассмотрела структуру аффиксов в древних башкирских антропонимах.

Фономорфологический анализ признаков грамматикализации и аффилирования некогда самостоятельных слов (энклиза, передвижение главного ударения) был дан *А. Рустамовым* (Ташкент), который считает, что безударные элементы (например, показатели сказуемости, сравнения) было бы точнее трактовать как служебные слова, но не как аффиксы. *В. И. Котлеев* (Чебоксары) отметил, что подражательные слова весьма доказательны в гипотезе об автономности единиц плана выражения, в частности фонем, в сознании носителей языка.

А. Г. Гулямов и *С. А. Ризаев* (Ташкент) доложили о результатах лингвостатистиче-

ского исследования структуры слова в современном узбекском языке. Два доклада — Ж. М. Гусева (Нальчик) и Т. Тачмуродова и О. Назарова (Ашхабад) касались проблем совершенствования орфографии.

Восемь докладов были посвящены различным проблемам формирования стилей некоторых современных тюркских литературных языков: азербайджанского — доклады Т. А. Эфендиевой (Баку), М. А. Мамедова (Баку), казахского — доклад К. А. Аханова (Алма-Ата), турецкого — А. Н. Баскакова (Москва), узбекского — доклады Р. Кунгурова (Самарканд), С. И. Гаюпова (Ташкент), тувинского — доклад Ш. Ч. Сага (Кызыл), киргизского — Д. Мамытова (Ош). Два коллективных доклада затрагивали вопросы инженерной лингвистики: Р. Г. Пиотровский (Ленинград), К. Б. Бектаев (Чимкент) и А. Х. Джубанов (Алма-Ата) сообщили о работах в области информационно-статистической типологии тюркского текста.

В выступлениях по докладам, прослушанным на заседаниях подсекции № 6, было указано на важность более широкого применения экспериментальных методов исследования фонетики. Отмечалась недостаточность исследований в области культуры речи, а также ономастики, методическая неоснащенность контрастивных работ.

Таким образом, работа секции языкознания охватывала широкий круг проблем. Вместе с тем в докладах и выступлениях констатировалось, что в разработке тюркологических проблем имеется целый ряд недостатков общего и частного характера. Все еще превалирует работа описательного характера: отсутствуют фундаментальные труды по исторической грамматике тюркских языков и по истории формирования старописьменных и младописьменных литературных языков, а в ряде случаев — и само разграничение этих различных, но смежных дисциплин; не разработаны методы и приемы внешней и внутренней реконструкции языков и языковых категорий; слабо продвигается работа по классификации тюркских языков, поскольку не определены важнейшие дифференциальные признаки тюркских языков и их диалектов; недостаточно интенсивно ведутся сравнительные и сравнительно-исторические исследования близкородственных языков; все еще мало лексикологических, семасиологических и этимологических изысканий по конкретным тюркским языкам. Более углубленного изучения требуют также проблемы тюрко-монгольско-тунгусо-маньчжурских языковых связей и общие проблемы алтаистики. Необходимо шире разрабатывать проблемы лингвостилистики в синхронии и диахронии; столь же пристального внимания требуют вопросы культуры речи. В дальнейшей разработке нуждаются социолингвистические проблемы на материале тюркских языков.

С учетом вышеизложенного на лингвистической секции высказывались пожелания и предложения, среди которых наибольшее значение придавалось следующим:

1) систематически проводить специализированные симпозиумы по всем отраслям тюркского языкознания, в частности симпозиумы на темы: «Функционально-стилистическая дифференциация литературных тюркских языков», «Принципы издания кыпчакоязычных письменных памятников», «Теория и методы грамматических исследований тюркских языков», «Синтаксис тюркских языков». Производить тщательный отбор докладов для симпозиумов;

2) в связи с тем, что работа над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР» вступила в фазу картографирования, и в целях кооперирования усилий региональных исполнителей в рамках единой методики, провести в феврале 1977 года семинар по лингвистической географии для составителей тюркских лингвистических атласов на базе Лингвогеографической группы Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР и Отделения математической географии и картографии Географического общества при Академии наук СССР;

3) наладить совместную работу (издание сборников, организация симпозиумов и конференций) группы «Язык фольклора» при Ленинградском отделении Института языкознания Академии наук СССР (руководитель — член-корреспондент Академии наук СССР А. В. Десницкая), проблемной комиссии по теории и истории литературных языков Института языкознания Академии наук СССР (руков. — М. М. Гухман) и заинтересованных сотрудников республиканских лингвистических институтов для изучения устно-литературных форм языка и активизации исследований по истории тюркских литературных языков;

4) поскольку ономастические исследования требуют координации в международном масштабе, считать желательным проведение в СССР международного совещания по тюркской ономастике;

5) организовать единый тюркологический научно-методический центр по терминологии, а также научно-координационный центр по совершенствованию алфавитов и орфографии тюркских языков;

6) обратить внимание историков языка на важность фронтального обследования письменных памятников XI—XV веков на базе составления сводных текстов с максимальным привлечением рукописных фондов хранилищ страны. Издавать хрестоматию по истории тюркских письменнолитературных языков с комментированными текстами;

7) признать целесообразным составление библиографического словаря советских тюркологов-лингвистов (1918—1977);

8) считать желательным оснащение толковых словарей тюркских языков русскими переводами;

9) приступить к изданию транскрибированных диалектных текстов;

10) просить РИСО Академии наук СССР ускорить издание коллективного труда «Диалекты и говоры тюркских языков СССР».

* * *

Работа литературоведческой секции была посвящена теме: «Тюркоязычные литературы. История и современный литературный процесс». На двух пленарных заседаниях было прослушано 16 докладов; остальные 56 докладов и сообщений были распределены по двум подсекциям; в обсуждении докладов участвовало более 20 человек.

Доклады, вынесенные на пленарные заседания литературоведческой секции, по своей тематике носили обобщающий характер, в них рассматривались три группы общетеоретических вопросов советского литературоведения: а) художественный метод советской литературы, пути и формы его становления в тюркоязычных литературах; б) история и теория национальных литературоведческих наук, вопросы методологии литературоведения в целом; в) взаимодействие и взаимообогащение литератур народов СССР.

В докладе академика АН Казахской ССР *М. К. Каратаева* (Алма-Ата) «Социалистический реализм и новаторские пути развития казахской советской литературы в условиях социалистической общности» была определена роль этого революционного художественного метода в ускоренном развитии казахской советской литературы. *А. И. Овчаренко* (Москва) в докладе «Социалистический реализм» показал, что возникновение социалистического направления в каждой национальной литературе имеет свои особенности, поэтому обязательен строго исторический, сугубо дифференцированный подход к изучению путей развития отдельных литератур на социалистическом этапе. Пути и формы становления социалистического реализма в тюркоязычных литературах рассмотрел *А. А. Гаджиев* (Баку). По его мнению, романтический и реалистический пути, которыми «классики» приходили в советскую литературу в 20—30-е гг., в творчестве отдельных писателей нередко совмещались. В целом писатели, сформировавшиеся в дооктябрьский период, входили в советскую литературу тремя этапами: 1) признание Советской власти как политической реальности; 2) обращение к художественному осмыслению советской действительности, что вначале носило характер просветительства; 3) создание произведений социалистического реализма.

Член-корреспондент АН Казахской ССР *З. А. Ахметов* (Алма-Ата) в обзорном докладе «Актуальные проблемы казахского литературоведения» проследил историю становления казахской литературоведческой науки и литературной критики, подытожил успехи, достигнутые казахскими литературоведами за годы Советской власти,

охарактеризовал многообразие форм и путей происходящего современного литературного процесса. Вместе с тем докладчик отметил, что в трудах отдельных казахских литературоведов до сих пор наблюдается упрощенная интерпретация художественных произведений, анализ проводится без четкого и глубокого осмысления общесоюзного литературного процесса. Актуальным для казахского литературоведения *З. А. Ахметов* считает углубление теоретических аспектов исследований, накопление знаний для новых обобщающих капитальных трудов (типа истории литературы), создание на этой основе крупных, фундаментальных монографий.

К. М. Максетов (Нукус) в обзорном докладе «Развитие каракалпакского литературоведения» наметил основные вехи и достижения фольклористических исследований. Вопросы становления и развития национального литературоведения в республиках были предметом рассмотрения в докладе *А. Г. Ахмадуллина* (Казань), *Г. С. Сыромятникова* (Якутск), *П. А. Троякова* (Абакан), *М. Абдрахманова* (Алма-Ата), *В. И. Чичинова* (Горно-Алтайск).

Х. Г. Короглы (Москва) в обзорном докладе «Основные направления в публикации и изучении эпоса тюркоязычных народов СССР» подчеркнул, что публикация фольклорных материалов, в том числе эпоса народов СССР, получила большой размах, начиная с 40-х гг. XX века. Вместе с тем он указал на недостатки этих изданий: текстологическое несовершенство, отсутствие системы в отборе эпических произведений для издания. *Х. К. Короглы* предложил создать многотомную историю эпоса тюркоязычных народов.

Ю. Г. Нигматуллина (Казань) подняла вопрос о применимости теории детерминизма при исследовании проблем художественных методов в татарской литературе.

Член-корреспондент АН Казахской ССР *Е. В. Лизунова* (Алма-Ата) охарактеризовала выдающуюся роль писателя *М. О. Ауэзова* в развитии современных концепций взаимообогащения национальных литератур и их интернационального единства. *М. М. Расули* (Ташкент) доложил о роли литературных контактов в развитии литературы Узбекистана в советский период. На современном этапе, считает докладчик, настало время говорить также о влиянии лучших произведений национальных литератур на всесоюзный литературный процесс. *Ш. К. Сатпаева* (Алма-Ата) сделала обзор произведений казахских прозаиков о зарубежном Востоке. *Г. Б. Хусаинов* (Уфа) поднял ряд спорных проблем изучения истории башкирской литературы.

Б. Д. Керимжанова (Фрунзе) в докладе «Об изобразительно-выразительных средствах киргизской поэзии» рассмотрела процесс изменения элементов поэтики в советской литературе по сравнению с фольклором.

Дальнейшая работа секции проходила в двух подсекциях. В докладах подсекции № 1 («Современный литературный процесс и проблемы теории литературы») затрагивались актуальные вопросы современной литературы, ее развития и взаимосвязей, рассматривались проблемы формирования в тюркоязычных литературах метода реализма, реалистического стиля (*Р. Н. Баимов*, Уфа; *Н. С. Яковлева*, Ленинград), история возникновения и развития жанра романа в национальных литературах (*З. Насурлаева*, Нукус; *А. Х. Вахитов*, Уфа), вопросы взаимообогащения и сближения литератур народов СССР (*А. Садыков*, Фрунзе).

Ряд докладов был посвящен вопросам традиции и новаторства, взаимосвязям литературы и фольклора, роли устно-поэтической традиции в становлении письменных тюркоязычных литератур (*А. Сабиров*, Ташкент; *Н. Н. Тобуроков*, Якутск; *В. Т. Петров*, Якутск).

Тематика ряда докладов была связана с проблемами теории литературы, особенно теории стиха и стихосложения, поэтики народных песен и письменной поэзии. *Х. У. Усманов* (Казань) рассмотрел специфику татарского стихосложения в связи со структурными уровнями речи, *А. И. Чудояков* (Новокузнецк) посвятил доклад проблемам изучения шорского эпического песенного стиха, *Н. Г. Юзеев* (Казань) показал диалектику внутренних (структурных) и внешних связей в татарском стихе.

В подсекции № 2 («История литературы и фольклористики») было прослушано более 20 докладов. Итоги изучения истории национальных литератур и проблемы их дальнейшего исследования рассматривались в докладах *И. Т. Дюсенабаева* (Алма-Ата), *А. И. Харисова* (Уфа). Вопросам взаимодействия фольклора и литературы были посвящены доклады *И. Валитова* (Стерлитамак), *З. Б. Самдан* (Кызыл), *В. Е. Майнозашевой* (Абакан). Проблемы взаимоотношений древнетюркской литературы и фольклора, взаимосвязи устно-поэтического творчества тюркских народов стали объектом изучения в совместном докладе *И. Н. Надирова* и *Н. Ш. Хисамова* (Казань), в докладах *А. Ш. Кичикова* (Элиста), *Д. С. Куулар* (Кызыл), *Ф. В. Ахметовой* (Казань), *Б. Кебековой* (Фрунзе), *К. Укачиной* (Горно-Алтайск). Текстологический аспект фольклористики рассматривался членом-корреспондентом АН Казахской ССР *Н. С. Смирновой* (Алма-Ата). Об особенностях архаических жанров в тюркоязычном фольклоре сделали доклад *Б. А. Абдуллаев* (Баку), *С. С. Каташ* (Горно-Алтайск). Традициям импровизации, творчеству создателей и носителей фольклора были посвящены доклады *Р. Бердибаева* (Алма-Ата), *Н. Атабаева* (Ашхабад).

Живое обсуждение вызвали вопросы, связанные с древними жанрами, а также проблемы общетюркского фольклора.

Выступавшие высказали ряд предложений. *Н. С. Смирнова* подчеркнула необходимость издания в рамках единой серии всех тюркоязычных версий одного эпического произведения (например, «Алпамыш»), что намного облегчило бы работы по сравнительному изучению эпоса. *А. Усманов* (Ташкент) говорил о недостаточности изучения фольклорных взаимосвязей тюркоязычных народов и наметил пути улучшения этой работы. *С. А. Каскабасов* (Алма-Ата) предложил наряду с традиционными жанрами активнее исследовать современное состояние фольклора, определить критерий фольклорности современного народного творчества, показать суть и особенности советского фольклора, выявить роль фольклорного наследия в современной культуре. *О. Нурмагамбетовой* (Алма-Ата) был поднят вопрос об улучшении дела хранения рукописей и собранных материалов. *Р. Бердибаев* (Алма-Ата) внес предложение организовать экспедицию по сбору фольклора за пределы СССР — в Иран, Афганистан, Восточный Туркестан, где проживают тюркоязычные народы. *А. Каюмов* (Ташкент) сказал о необходимости усилить теоретический аспект литературоведческих исследований.

На общем заключительном пленарном заседании итоги работы литературоведческой секции подвел ее руководитель *Г. И. Ломидзе*, который охарактеризовал проблематику прослушанных докладов и выступлений. В числе ближайших нерешенных задач в области литературоведения им были отмечены весьма сложные и многозначные литературные факты 20-х и 30-х годов; их следует изучать с учетом тех конкретных обстоятельств, которыми они порождены.

В связи с предстоящим юбилеем — 60-летием Великого Октября — встают вопросы обобщенного изучения многих литературных фактов и более глубокого, масштабного взгляда на те из них, которые предстоит рассмотреть заново.

Таким образом, работа литературоведческой секции конференции показала, что в деле изучения литератур тюркских народов СССР достигнуты большие успехи: созданы истории национальных литератур, освещающие пройденный путь от стадии фольклорной до современного литературного процесса, изучены пути зарождения и развития письменных тюркоязычных литератур, исследовано своеобразие становления метода социалистического реализма в национальных литературах, рассмотрены новаторские пути развития тюркоязычных литератур в условиях социалистической общности, показаны роль и место тюркоязычных литератур в общесоюзном литературном процессе. За годы Советской власти издано большое количество образцов фольклора тюркоязычных народов страны, сформировалась и получила дальнейшее развитие фольклористическая наука; исследованы

многие проблемы тюркоязычных литератур дооктябрьского периода, а также творческое наследие выдающихся деятелей истории национальных литератур, раскрыта благотворная роль русской классической литературы в развитии дореволюционных тюркоязычных литератур России. Главным итогом изучения литератур всех, в том числе и тюркоязычных народов СССР, следует считать написание и издание многотомной «Истории многонациональной советской литературы».

В последние годы ученые-литературоведы тюркоязычных республик СССР предпринимают попытки углубленного изучения как фольклора и истории литературы, так и литературы советского периода, теоретического обобщения проблем и явлений современного литературного процесса. В ближайшее время предстоит создать фундаментальные исследования по межнациональным литературным взаимоотношениям; необходимо также выявить роль контактов в освоении мирового художественного опыта, осветить эволюцию литературы социалистического реализма эпохи развитого социализма. Ждут безотлагательного решения и такие вопросы, как роль ранних и средневековых письменных памятников в истории тюркоязычных литератур СССР, особенности формирования методов реализма в национальных литературах, а также актуальные проблемы фольклористики.

* * *

Работа исторической секции конференции была посвящена теме «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР» и проходила на двух пленарных заседаниях и шести заседаниях двух подсекций. Было заслушано и обсуждено 62 доклада, посвященных проблемам этнической и культурной истории тюркоязычных народов СССР, проблемам источниковедения, этнографическим и археологическим исследованиям.

На пленарных заседаниях исторической секции были представлены обобщающие доклады, посвященные важным теоретическим проблемам тюркологии.

Т. А. Жданко (Москва) рассмотрела вопросы формирования и развития этнокультурных связей в позднефеодальный период в пределах как всего среднеазиатско-казахстанского региона, так и его отдельных областей. Она подчеркнула важность изучения не только этнической специфики, но и черт культурной общности народов. Среди причин, способствовавших возникновению культурной общности, было особо отмечено значение усилившихся контактов разных групп населения в XVI — начале XIX века.

Г. Н. Чебоксаров (Москва), опираясь на анализ имеющихся в распоряжении тюркологов антропологических материалов, высказал предположение, что почти все популяции тюркоязычных народов сложились в результате взаимодействия расово разнородного аборигенного населения с монго-

лоидами центрально-азиатского типа, которые по мере продвижения на запад все более смешивались с европеоидными компонентами.

Г. Е. Марков (Москва) проследил процесс формирования территориально-соседской общины в рамках специфической кочевнической социально-экономической структуры. На раннем этапе соседские общины объединялись по племенному признаку, с возрастанием роли соседских объединений утрачивалась прежняя роль племенной структуры и организации; для позднего дореволюционного периода характерно быстрое разложение соседской общины и развитие частной собственности.

С. И. Вайнштейн (Москва) в докладе «Проблемы сравнительно-этнографического изучения традиционно-бытовых культур тюркоязычных народов СССР» подвел итоги работ этнографов за последние 50 лет, убедительно показав, что общей для всех тюркоязычных народов «тюркской культуры» не существует. Среди основных проблем дальнейших этнографических изысканий докладчик особо выделил установление историко-генетических пластов традиционной-бытовой культуры, различных по происхождению и времени возникновения, анализ которых возможен лишь на основе широкого сравнительно-этнографического исследования.

Член-корреспондент АН Казахской ССР *Г. Ф. Дахилейгер* (Алма-Ата) рассмотрел историю этнокультурных контактов казахов с другими народами края, ставшего многонациональным на рубеже XIX — начала XX века, и проследил миграции различных групп населения в разные периоды, отметив их влияние на этническую и социальную структуру населения Казахстана.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) в докладе «Древнетюркская письменность и история культуры Центральной Азии» подытожил данные древнетюркских надписей VII—XII веков о цивилизации, созданной древнетюркскими этническими группами. Среди внешних влияний, способствовавших формированию древнетюркской культуры, докладчик отметил преобладающее воздействие среднеазиатских цивилизаций; он подчеркнул несостоятельность тезиса о консервативности степных культур, об их якобы неспособности к развитию.

Академик АН Азербайджанской ССР *А. С. Сумбатзаде* посвятил свой доклад вопросам развития культуры и науки в Азербайджане за годы Советской власти.

В совместном докладе *М. К. Мухарьмова* и *З. И. Гильманова* (Казань) был дан обзор развития исторической науки в Татарии. За 1945—1976 годы созданы по многим периодам истории татарского народа обобщающие работы и монографические исследования.

Ф. Г. Сафронов (Якутск) остановился на проблемах, стоящих перед тюркологами Якутии, подчеркнул важность объединения усилий историков, этнографов, археологов

и специалистов других смежных областей для разработки актуальных проблем тюркологии.

Б. Д. Джамгерчинов (Фрунзе), посвятивший свой доклад основным аспектам изучения истории тюркоязычных народов СССР, подчеркнул необходимость продолжения работы по изучению проблем этнической истории и этногенеза тюркоязычных народов, равно как взаимоотношений кочевого и оседлого населения в рамках крупных регионов.

К. Ш. Хафизова (Алма-Ата) выступила с сообщением, посвященным вопросам критического анализа источников, в частности китайских: на конкретных примерах, связанных с завоеванием Джунгарии китайцами, была показана тенденциозность отдельных сообщений этих источников.

Работа исторической секции проходила в двух подсекциях.

Темы докладов, прослушанных и обсужденных на трех заседаниях подсекции № 1 («Историко-этнографические проблемы»), охватывали широкий круг вопросов; при этом большинство докладов было посвящено изучению межэтнических связей в разные исторические периоды, что свидетельствует о возросшем интересе специалистов к исследованиям, выходящим за рамки истории одного народа.

В нескольких докладах рассматривались различные проблемы этногенеза и этнической истории тюркоязычных народов и их соседей.

С. Кудайбергенов (Фрунзе) суммировал историко-лингвистические данные, позволяющие ему поддержать гипотезу о дальнем родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

М. Х. Маннай-оол (Кызыл) высказал мнение, что проникновение на территорию Верхнего Енисея тюркоязычных племен, сыгравших решающую роль в формировании современного тувинского народа, может быть датировано I тысячелетием до н. э.

Ю. Б. Юсифов (Баку) подытожил сведения древнеармянских источников V—VII веков о передвижениях гунов на территории Закавказья, начиная с III века н. э. По мнению докладчика, часть гунов поселилась в Закавказье, причем это могло происходить и мирным путем.

Г. З. Анчабадзе (Тбилиси) остановился на роли кыпчаков в военно-политической жизни Грузинского царства в XII—XIII веках. Часть кыпчаков осела на восточных и юго-восточных рубежах Грузии, однако после XIV века они уже не упоминаются источниками: очевидно, они были ассимилированы грузинами и другими народами Закавказья.

А. Гусейнзаде (Баку) выявил топонимы, восходящие к племенным наименованиям огузов, что способствует уточнению истории расселения огузских племенных групп на территории Азербайджана.

С. Ш. Гаджиева (Махачкала) остановилась на данных о проникновении в Дагестан вплоть до XVIII века разных тюркоязычных групп, растворившихся в составе кумыков.

В. А. Туголуков (Москва), проанализировав названия тунгусских родов, имеющих общие корни с древнетюркскими этнонимами, высказал предположение об участии тюркского компонента в этногенезе тунгусов.

Л. С. Толстова (Москва) выделила ряд сюжетов и образов, в частности амазонские мотивы, в фольклоре тюркоязычных народов Хорезмского оазиса, имеющие убедительные параллели в эпических произведениях и преданиях северокавказских народов. По мнению Л. С. Толстой, сохраненные фольклором свидетельства высокого положения женщины в прошлом и некоторые другие мотивы восходят к скифо-массагетскому периоду.

Четыре доклада были посвящены проблематике внутрирегиональных связей среднеазиатских народов. **У. Х. Шалекенов** (Алма-Ата) показал, что культуры и экономика оседлого и кочевого населения Хорезмского оазиса в XVIII—XIX веках развивались в тесном взаимодействии.

Б. Х. Кармышева (Москва) в докладе «„Кочевая степь“ Мавераннахра и ее население» выступила против распространения представления о том, что кочевники, проникавшие в среднеазиатское Междуречье, быстро оседали в оазисах и растворялись среди коренного оседлого населения. «Кочевая степь» устойчиво сохранялась и в начале XX века в пределах самого Мавераннахра; ее кочевое и полукочевое население, пестрое в этническом отношении, жило в постоянном общении между собой, а также с оседлыми жителями оазисов.

С. П. Поляков (Москва) в докладе «Отражение межэтнических связей населения Средней Азии в средневековых погребальных сооружениях», опираясь на анализ малоизученного источника, высказал мнение, что современные народы этого региона формировались на базе территориальных групп, имевших в основе единый этнос, сложившийся по крайней мере из двух компонентов — ирано- и тюркоязычного.

В. Н. Басилов (Москва) в докладе «Среднеазиатское шаманство в свете этнической истории региона» показал на материале полукочевых в прошлом узбеков группы *кырк* переплетение тюркских и иранских культовых элементов в шаманском культе. Верования, восходящие к традициям ираноязычного населения, имеют чрезвычайно архаические формы; видимо, они были восприняты шаманским культом еще в период ранних культурных контактов тюркоязычных и ираноязычных народов.

К тематике перечисленных сообщений примыкал доклад **Н. Е. Бекмахановой** (Москва), посвященный вопросам изменения границ казахских жузов, их внутренне-

го административного деления, динамики и численности народонаселения края, его сословного и национального состава в первой половине XIX века. В Казахстане происходили значительные изменения в социально-сословной структуре населения, увеличивалась национальная пестрота, возрастала численность городских жителей, шел процесс оседания кочевников, сочетавшийся со значительными миграциями ряда групп; названные процессы способствовали дальнейшему хозяйственному освоению края.

В представленных на подсекции докладах затрагивались и различные вопросы социальной истории тюркоязычных народов. *Н. Н. Даулбаев* (Алма-Ата) рассмотрел в сравнительном аспекте особенности и основные закономерности формирования и развития феодальных отношений в кочевых обществах.

В. П. Курылев (Ленинград) обосновал заключение, что в XV — первой половине XIX века у кочевых казахов существовала крупная феодальная земельная собственность (право кочевых феодалов распоряжаться кочевьями и пастбищами подвластных им родов), которая сочеталась с общинным землепользованием; к середине XIX века она была ликвидирована.

Н. В. Бикбулатов (Уфа) высказал мнение, что традиция употребления тюркоязычными народами одинаковых терминов для обозначения и предков, и родителей является свидетельством широкого распространения в прошлом большесемейных коллективов, которые возглавлялись представителями старшего поколения. Учет к тому же и этнографических данных позволяет считать, что тюркоязычным народам была известна наиболее архаичная по структуре большесемейная община — «братская» семья.

В. П. Мокрынин (Фрунзе) показал, что администрация Западнотюркского каганата не была индифферентной к внутренней жизни вассальных государственных объединений Средней Азии и Восточного Туркестана, а установившаяся система отношений между каганатом и вассалами была механизмом для внедрения в иную этническую среду обычаев, идеологии и языка кочевников.

Э. Ф. Чиспьяков (Новокузнецк) изложил свой взгляд на происхождение этнонима *шор*. *Я. И. Сунчугашев* (Абакан) рассмотрел термин *хурчаг* 'обруч, кольцо, круг' в хакасских героических сказаниях. Предполагив, что этим термином обозначалось воинское подразделение, докладчик привлек внимание специалистов к особенностям строительной техники средневековых оборонительных сооружений хакассов.

В. П. Дьяконова (Ленинград) остановилась на вопросе о различных категориях служителей культов у народов Саяно-Алтая, выступавших наряду с шаманами, придя к заключению, что некоторые категории служителей культов генетически связаны с шаманством. *Н. И. Шатинова* (Горно-

Алтайск) охарактеризовала узловые моменты в традиционных обрядах, связанных с рождением ребенка у алтайцев.

Одной из ярких страниц в истории тюркологии был посвящен доклад члена-корреспондента АН Казахской ССР *Б. С. Сулейменова* «Ибрагим Алтынсарин — тюрколог».

А. М. Решетов (Ленинград) остановился на этнической интеграции уйгуров Средней Азии и Казахстана, а также на изменениях в их духовной и материальной культуре, главной тенденцией в развитии которой является формирование черт общесоветской культуры.

В подсекции № 2 («Этнокультурные связи и их развитие») на обсуждение были вынесены важные проблемы этнического и историко-культурного развития тюркоязычных народов СССР, их внутрорегиональные и межрегиональные связи; были рассмотрены конкретные темы этнополитической истории, некоторые вопросы источниковедения и археологии. Ряд докладов был посвящен проблемам этнической истории и этнокультурных связей огузов, кимаков, кыпчаков и других тюркоязычных народностей Западной Азии, Евразии, Восточной Европы и Кавказа в эпоху раннего средневековья.

Член-корреспондент АН Туркменской ССР *С. Г. Агаджанов* (Москва) показал на широком материале роль огузских племен Средней Азии и Казахстана в этнической истории тюркоязычных народов СССР. Огузская конфедерация племен сложилась в результате смешения пришедших элементов с давним населением северо-западных областей Средней Азии, Южного и Западного Казахстана. В IX—XI веках шел процесс сложения огузской народности; однако этот процесс не получил своего полного завершения и был прерван кыпчакским движением. Этнические компоненты огузского происхождения особенно активную роль сыграли в формировании туркменской и азербайджанской народностей; они относятся к общим предкам современных тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, Кавказа и Восточной Европы.

Р. А. Гусейнов (Баку) посвятил доклад этническим проблемам Азербайджана XI—XII веков, когда процесс языковой тюркизации автохтонов Азербайджана протекал особенно интенсивно. Языковая тюркизация форсировалась в связи с включением Азербайджана в состав государств, ведущая роль в которых принадлежала тюркскому этносу. Докладчик завершение формирования азербайджанской нации и азербайджанского языка относит к XII веку.

Б. Е. Кумеков (Алма-Ата) на основании картографического материала, содержащегося в географическом атласе «Сурат алард» ал-Идриси, проследил расселение тюркоязычных племен (карлуков, кимаков, огузов, кыпчаков и др.) на территории современного Казахстана в XII веке.

Д. Г. Савинов (Ленинград) отметил, что к середине IX века на севере Центральной Азии сложились два наиболее крупных этнополитических объединения — енисейских кыргызов и кимаков — с общей границей на Иртыше. Археологические материалы и данные письменных источников позволяют утверждать, что между племенами, входившими в эти объединения, существовали также этнокультурные контакты. Определенная в результате этих связей кыргыско-сростканская (по названию археологической культуры кимаков) общность сыграла большую роль в этнической истории народов восточных районов Казахстана и Саяно-Алтая.

По мнению А. Х. Халикова (Казань), начало тюркизации Среднего Поволжья и Приуралья связано с дошедшими сюда первыми волнами древнейших тюркоязычных племен, входивших в гунискую конфедерацию. Вторая волна тюркизации края объясняется влиянием тюркского каганата и по времени относится к VI—VII векам. Определяющими в этногенезе татар являются этнические пласты тюркоязычных народов, а также включение финно-угорских элементов — как в виде древнейших субстратных, так и более поздних пластов.

Вопросы раннесредневековой истории тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья, касающиеся времени и путей тюркизации Восточной Европы, были рассмотрены в докладе Ш. Ф. Мухамедьярова (Москва). Языковая тюркизация местных племен финно-угорской субстратной основы в значительной степени может быть связана с проникновением булгарских племен в 70-х годах VII — 30-х годах VIII века н. э. Решающий этап формирования языка татар и башкир связан с проникновением кыпчаков.

Одной из основных в подсекции № 2 была историко-культурная проблематика, в том числе история древнетюркской письменности и культуры тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии. Открытия последних лет внесли немало нового в изучение этой проблемы и позволили выдвинуть ряд кардинальных вопросов, связанных с генезисом и эволюцией рунической, согдийской и других видов древней письменности в Центральной и Средней Азии, в Казахстане, Восточной Европе и на Кавказе.

В. А. Лившиц (Ленинград) на основе детального сопоставления рунических знаков с письменностями, бытовавшими как на территории Центральной Азии, так и соседних областей, высказал ряд предположений относительно генезиса древнетюркской руники. В основу руники легло согдийское письмо в его курсивной, сравнительно поздней разновидности (известной с VI века); руническое письмо возникло в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита, а не как следствие его длительной стихийной трансформации. В отличие от уйгурской пись-

менности, непосредственно продолжившей согдийскую, в рунической письменности был кардинально изменен принцип передачи гласных.

К. А. Акишев (Алма-Ата) в докладе «Общество и письмо у саков Казахстана», опираясь на сопоставительное изучение грации размеров насыпей сакских курганов, а также на факт бытования письменности у семиреченских саков, пришел к выводу, что сакские племена юга Казахстана по уровню социальной структуры находились на стадии раннеклассового общества.

Группа докладов была посвящена историко-источниковедческим вопросам и различным аспектам изучения руники и древнеуйгурских документов. Л. Ю. Тугушевой (Ленинград) был предложен метод типологии древнеуйгурских деловых документов, на основе которого все разнообразие сохранившихся древнеуйгурских деловых документов сводимо к двум основным типам — актам (соглашениям) и письмам. Было показано наличие социально-условленного (конвенционального) значения у ряда речевых формул древнеуйгурских деловых документов, которое не выводится прямо из значения составляющих формулу языковых единиц.

Д. Д. Васильев (Москва) посвятил свой доклад методике палеографического исследования тюркской руники. Им введены некоторые новые понятия анализа, такие, как модуль — пропорции ширины и высоты знаков и расстояний между ними; дукт — последовательность выполнения составных элементов знака и их направление; по черк — регулярное в данном тексте намеренное изменение пропорций знаков и др. В результате систематизации и учета всех аллограф, зафиксированных в рунических текстах азиатского региона, докладчик указал на возможность установления ряда культурно-письменных очагов древнетюркского ареала.

З. Б. Чадамба (Кызыл) представила одну из последних эпиграфических находок тувинских ученых — олений камень из долины Оорзак Тиххемского района; на нем нанесены древнетюркские рунические надписи, состоящие из 4-х строк.

Группа докладов была посвящена проблемам межэтнических связей, истории формирования и сложения тюркоязычных народов в эпоху позднего средневековья. К. Ш. Шаниязов (Ташкент) изложил результаты своего исследования, основанного на историко-этнографическом материале. Он показал, что как в этнонимии, так и в быту узбеков, в их хозяйстве, материальной и духовной культуре обнаруживается много общих черт с другими народами Средней Азии и Казахстана.

Этнический состав казахов и казахско-узбекские межэтнические связи в XV — начале XVI века рассматривались в докладе Т. И. Султанова (Ленинград). На основе

изучения письменных источников было сделано заключение, что уход Шибанидов в завоеванные ими области Мавераннахра не привел к коренным переменам в родоплеменном составе населения Узбекского улуса (то есть Казахского ханства) XV — начала XVI века: основная масса его населения продолжала держаться своих традиционных мест кочевий.

В докладе *Ф. А. Валеева* (Казань) нашли отражение вопросы этногенетических и этнокультурных контактов западносибирских татар и казахов Сибири во второй половине XIX — начале XX века. *И. Б. Молдабаев* (Фрунзе) посвятил свой доклад этнокультурным связям киргизского и казахского народов по материалам эпоса «Жаныш Байыш». *Ф. А. Надршина* (Уфа) прочитала доклад «Башкирско-казахские этнокультурные связи по материалам башкирских народных преданий». *Г. П. Васильева* (Москва) доложила о некоторых этнических процессах у западных туркмен в эпоху позднего феодализма.

В докладе *А. Р. Шихсаидова* (Махачкала) «Тюркские племена и Дагестан в X—XIV веках» было подчеркнуто, что вековые контакты с тюркскими племенами привели к тюркизации всех равнинных районов. Земельная политика сельджуков, а затем ширваншахов внесла определенные изменения в соотношение категорий земельной собственности.

Темой доклада *Г. О. Авляева* (Элиста) были тюркоязычные по происхождению этнические компоненты в составе приволжских калмыков конца XIX века.

В совместном докладе *Р. Г. Кузеева* и *Р. Х. Халиковой* (Уфа) говорилось о генеалогических записях башкир, об истории их собирания, а также о необходимости включения их в научный обиход.

Несколько докладов было посвящено источниковедческой теме: *О. А. Эфендиева* (Баку) «„История огузов“ Рашидаддина и проблема ранних этнических связей Азербайджана и Средней Азии»; *Н. Н. Шенгелия* (Тбилиси) «Садр ад-дин Абу-л-Хасан Али ал-Хусейни о Грузии и Закавказье XI—XII веков». В докладе *К. М. Байлакова* (Алма-Ата) речь шла об истории и локализации Суяба и Баласагуна, игравших важную роль в истории тюркских племен Семиречья.

В обсуждении докладов приняли участие *А. Н. Нусупбеков*, *С. Г. Агаджанов*, *С. Г. Кляшторный*, *Ш. Ф. Мухамедьяров*, *А. Х. Халиков*, *Б. Е. Кумек*, *Р. А. Гусейнов*, *В. А. Лившиц*. Творческая дискуссия позволила определить и конкретизировать наиболее важные направления развития историко-этнографических исследований в тюркологических центрах Советского Союза.

* * *

На общем заключительном пленарном заседании были подведены итоги конференции и принята соответствующая резолюция.

*В. Н. Башилов, Г. Ф. Благова,
С. А. Каскабасов, И. В. Кормушин,
Д. М. Насилов, Т. И. Султанов*

РЕЗОЛЮЦИЯ

ВСЕСОЮЗНОЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Алма-Ата

27—29 сентября 1976 г.

Всесоюзная тюркологическая конференция, организованная Отделением литературы и языка Академии наук СССР, Отделением истории Академии наук СССР, Советским Комитетом тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Академией наук Казахской ССР, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, состоялась в г. Алма-Ате 27—29 сентября 1976 года.

В работе конференции приняли участие ученые-тюркологи Советского Союза, а также ГДР, Польши, США, Турции, ФРГ, Швеции.

Конференция показала высокий уровень развития языкознания, литературоведения, истории в республиках, что является ярким свидетельством торжества ленинской национальной политики КПСС и братской дружбы народов СССР.

Констатируя крупные успехи научных исследований в республиках, участники конференции с благодарностью отмечают огромную роль ученых головных гуманитарных

институтов Академии наук СССР и особенно Сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР, Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, Московского и Ленинградского университетов в повышении уровня научных исследований в республиках и в подготовке национальных кадров.

Конференция с удовлетворением отмечает исключительное внимание Президиума Академии наук СССР к проблемам тюркологии, выразившееся, в частности, в создании Советского Комитета тюркологов (1973 г.) и в оказании содействия организации и изданию журнала «Советская тюркология» (1970 г.).

Всесоюзная тюркологическая конференция была приурочена к 50-летию Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, который состоялся в Баку в 1926 году и сыграл большую роль в культурном и языковом строительстве тюркоязычных народов нашей страны, оказал существенное влияние на развитие тюркологических исследований в республиках и областях Советского Союза.

На Всесоюзной тюркологической конференции обсуждались наиболее актуальные проблемы тюркского языкознания, развития национальных литератур, этнической и культурной истории тюркоязычных народов СССР.

Работа конференции проходила на общем пленарном заседании и в трех секциях: лингвистической, литературоведческой и исторической.

Заседания лингвистической секции по теме «Советское тюркское языкознание и развитие тюркских языков в СССР» одновременно проходили в шести подсекциях; работа литературоведческой секции по теме «Тюркоязычные литературы. История и современный литературный процесс» велась в двух подсекциях; работа исторической секции по теме «Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР» — в двух подсекциях.

На общем пленарном заседании было заслушано 4 доклада; на лингвистической секции и ее подсекциях 180 докладов; на литературоведческой секции и ее подсекциях 72 доклада; на исторической секции и ее подсекциях 62 доклада. Всего было заслушано 318 докладов.

Конференция констатирует, что в советскую эпоху изучение языков, литератур и истории тюркоязычных народов СССР являет собой новый этап своего развития, который характеризуется последовательным творческим применением марксистско-ленинской методологии, значительным расширением круга исследуемых проблем, взаимодействием различных областей знания.

Созданы фундаментальные работы по языкам, истории, литературам тюркоязычных народов СССР, накоплен богатый фактический материал, почерпнутый из письменных источников и полученный в результате полевых изысканий. Национальные кадры вместе с учеными Москвы, Ленинграда сформировали научные школы, получившие всесоюзное и международное признание.

Руководствуясь решениями XXV съезда КПСС, советские тюркологи и в настоящее время обращают особое внимание на повышение теоретического и идеологического уровня исследований, их эффективности и качества, на более глубокий анализ накопленных материалов, на борьбу с буржуазной фальсификацией истории и истории культуры. Важное значение имеет преодоление случаев ограниченности, идеализации прошлого в истории тюркоязычных народов.

Отмечая успехи советской тюркологии, конференция вместе с тем констатирует, что не все возможности на современном этапе развития науки реализуются в должной мере. Недостаточно налажены научное сотрудничество и кооперация работ различных научных учреждений в масштабе всей страны. В особенности недостаточно осуществляется кооперирование научных сил для решения крупномасштабных проблем; иногда проявляются местнические тенденции. Отдельные области тюркологии развиваются неравномерно. Преодоление отмеченных выше недостатков является необходимым условием для дальнейшего развития советской тюркологии. Большую роль в этом призван сыграть всесоюзный журнал «Советская тюркология», который неизменно и широко освещает новые достижения во всех отраслях нашей науки.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Всесоюзная тюркологическая конференция принимает следующие рекомендации, обращенные к научным учреждениям, учебным заведениям, ученым-тюркологам нашей страны, занимающимся исследованием и изучением проблем тюркских языков, литератур и истории тюркоязычных народов СССР.

Рекомендации по разделу «Тюркское языкознание»

1. Совершенствование методов и приемов, применяемых при описательном, историческом, сравнительно-историческом, сопоставительном изучении звукового и грамма-

тического строя, лексики тюркских языков. Дальнейшая разработка методологических основ исследования грамматики на системно-структурном уровне; расширение использования новейших технических средств (экспериментальная фонетика, ЭВМ и др.).

2. Разработка проблемы: «Алтайская теория» и тюркские языки.

3. Создание истории отдельных языков, истории групп близкородственных языков и общей истории тюркских языков.

4. Разработка проблем классификации и исторической периодизации тюркских языков.

5. Совершенствование методов изучения лексики тюркских языков и лексикографической практики.

6. Совершенствование методов собирания и изучения диалектных материалов; создание диалектологических атласов отдельных тюркских языков и составление тюркских «областных» словарей; подготовка «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

7. Изучение закономерностей развития тюркских литературных языков. Вопросы развития и нормализации тюркских литературных языков.

8. Изучение процессов взаимодействия и контактов тюркских и нетюркских языков; взаимодействия русского и тюркских языков и роли русского языка как языка межнационального общения; взаимодействия тюркских и соседних нетюркских языков.

9. Разработка социально-лингвистических проблем на тюркологическом материале.

10. Совершенствование алфавитов, орфографий, орфоэпических норм.

11. Углубленное исследование и публикация рукописей памятников тюркской письменности.

12. Углубленное изучение истории отечественной тюркологии.

13. Создание библиографии по тюркскому языкознанию.

Рекомендации по разделу «Литературоведение»

1. Дальнейшая разработка методологических проблем литературоведения и теории литературы; теоретическое обобщение явлений современного литературного процесса; изучение вопросов поэтики национальных литератур. Внедрение в литературоведческие и фольклористические исследования новых методов и приемов, применяемых в современной филологической науке.

2. Создание обобщающих фундаментальных трудов по актуальным проблемам социалистического реализма и развития современных тюркоязычных литератур. Продолжить комплексные исследования процесса развития региональных литератур и их межрегиональных отношений (использовать при этом опыт создания коллективного труда «Современный литературный процесс и взаимодействие литератур народов республик Средней Азии и Казахстана»).

3. Изучение закономерностей развития тюркоязычных литератур в эпоху развитого социализма, исследование процессов взаимодействия и контактов национальных литератур, в частности — роли русской классической и советской литературы в дальнейшем развитии тюркоязычных литератур. Создание трудов по истории межнациональных литературных отношений.

4. Раскрытие роли ранних и средневековых письменных памятников в истории тюркоязычных литератур СССР; разработка проблем исторической периодизации дореволюционных литератур тюркоязычных народов. Изучение особенностей формирования методов реализма (просветительский, критический) в национальных литературах дооктябрьского периода. Осуществление академического издания классических произведений национальных литератур.

5. Совершенствование методов собирания и изучения фольклорных материалов; создание фольклористических карт (атласов) отдельных республик и составление многотомных сводов фольклорных произведений, подготовка сюжетных указателей, картотек и научного описания рукописей.

6. Расширение текстологических изысканий и научное издание лучших образцов устного народного поэтического творчества.

7. Типологическое исследование жанров традиционного фольклора и изучение современного народного устного творчества: взаимодействие литературы и фольклора, трансформация жанров, раскрытие роли фольклорного наследия в современной литературе и культуре.

*Рекомендации по разделу «Этнические и историко-культурные связи
тюркоязычных народов СССР»*

1. Развивать творческие и организационные связи ученых, занимающихся проблемами истории, этнографии, антропологии тюркоязычных народов; поднять на более высокий уровень кооперацию исследователей для решения крупномасштабных проблем.
2. Продолжить работу по изучению проблем этнической истории и этногенеза тюркоязычных народов СССР, истории взаимоотношений кочевого и оседлого населения в рамках крупных регионов.
3. Усилить борьбу с буржуазной фальсификацией истории тюркоязычных народов СССР, с националистической идеологией, с идеологией пантюркизма.
4. Признать целесообразным подготовку сводов письменных источников, составление историко-этнографических и других атласов, отражающих прошлое и настоящее этнокультурного развития тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, Поволжья и Приуралья, Кавказа и Сибири.
5. Считать необходимым организацию совместных межреспубликанских и других научных экспедиций с участием ученых Москвы, Ленинграда и других центров в целях широких археологических и историко-этнографических исследований.
6. Считать важнейшей задачей историков и представителей других общественных наук, занимающихся вопросами тюркологии, развитие исследований по теме этнокультурных контактов, взаимообогащения культур и сближения братских народов СССР в условиях развитого социализма, в процессе формирования новой исторической общности — советского народа.

Просить Президиум Академии наук СССР разрешить регулярно созывать всесоюзные тюркологические конференции один раз в 4 года, то есть следующую Всесоюзную конференцию созвать в 1980 году.

Просить Президиум Академии наук Казахской ССР издать материалы Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате.

Поручить Оргкомитету конференции изучить все конкретные предложения, поступившие от ее участников, и принять меры к реализации наиболее целесообразных предложений.

* * *

Всесоюзная тюркологическая конференция является еще одним ярким свидетельством отеческой заботы ЦК КПСС о развитии науки и культуры всех народов нашей страны.

Участники Всесоюзной тюркологической конференции выражают глубокую благодарность ЦК КП Казахстана, Совету Министров Казахской ССР, Отделению литературы и языка и Отделению истории Академии наук СССР, Советскому Комитету тюркологов, Академии наук Казахской ССР, коллективам Института языкознания, Института литературы и искусства, Института истории Академии наук Казахской ССР за образцовую организацию в проведении конференции.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ САМЕДА ВУРГУНА

Поэзия Самеда Вургуна всегда находилась в центре внимания широкой литературной общественности страны и неизменно пользовалась любовью многонационального советского читателя. Слава поэта шагнула далеко за границы Родины.

Многогранное творчество С. Вургуна, жизнеутверждающее, интернационалистское по духу, развивающее наиболее прогрессивные традиции культурного наследия азербайджанского народа, предоставляет ученым богатый материал для разработки це-

лого ряда актуальных проблем современного литературоведения. Изучению творческого наследия народного поэта Азербайджана, действительного члена Академии наук республики Самеда Вургунa и была посвящена юбилейная научная сессия Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, проведенная 27—28 сентября с. г. в связи с 70-летием со дня его рождения.

Сессию открыл директор института *М. Ю. Гулизаде*. В своем вступительном слове он подчеркнул непреходящее значение литературного наследия крупнейшего советского азербайджанского поэта.

С воспоминаниями о Самеде Вургуне выступил заместитель директора института *К. А. Талыбзаде*, которому посчастливилось близко общаться с поэтом на протяжении почти четверти века. *К. А. Талыбзаде* говорил об отражении личности и психологии Самеда Вургунa в его художественном творчестве. Расцвет таланта замечательного художника им рассматривался в неразрывной связи с многогранным и самобытным характером поэта, присущей ему эмоциональностью и социальной активностью, с формированием и укреплением в его сознании марксистско-ленинского мировоззрения.

Выступавшие на сессии докладчики остановились на ряде актуальных проблем советского литературоведения, анализируя преломление в творчестве поэта вопросов современности, традиций и новаторства, историзма, интернационализма, говорили об особенностях его художественного стиля.

Б. А. Набиев в докладе «Лирика Самеда Вургунa и современность» на конкретном материале творчества поэта, главным образом периода Великой Отечественной войны, показал, как своевременно и активно откликался поэт на актуальные запросы своего времени, как высокохудожественно и самобытно отражалась действительность в его философской лирике и во всем его творчестве.

В докладе *К. Касумзаде* «Великий певец интернационализма» интернационализм поэзии С. Вургунa рассматривался в связи с национальными особенностями азербайджанской поэзии. Объектом наблюдений докладчика явились не только теоретические статьи С. Вургунa, его высказывания, связанные с данной проблемой, но и сама художественная практика поэта, в которой его взгляды нашли художественное воплощение.

А. Ибадоглу, посвятивший свое выступление теме «Самед Вургун и проблема романтики», показал, как Самед Вургун оценивал романтизм Низами и поэтов его эпохи, историческую романтику современных ему азербайджанских советских писателей. Докладчик проанализировал высказывания поэта о революционном романтизме в со-

ветской поэзии, говорил о претворении эстетических воззрений поэта в художественном творчестве, в частности, в его поэмах, пьесах «Инсан», «Фархад и Ширин» и т. д.

Ш. Салманов в докладе «Поэма „Мугань“ и эпическая форма» показал, что эпичность была органичной особенностью таланта поэта, неизменно присутствующей в его лирических и драматургических произведениях, и прежде всего — в цикле поэм, посвященных романтичному воспеванию Родины. Анализируя «Мугань», докладчик отметил ее новаторство и наличие в ней структурно-жанровых особенностей эпической поэзии.

В докладе *Н. Араслы* «Классические традиции в поэзии Самеда Вургунa» утверждалась мысль о том, что истоками творчества поэта являлись фольклор и прогрессивные традиции азербайджанской классической литературы, которые в его произведениях обогатились и обрели новые качества и достоинства.

А. Абдуллазаде выступил с докладом «Стиль поэзии Самеда Вургунa». Докладчик подчеркнул, что стиль — понятие весьма широкое, отнюдь не ограниченное рамками одного лишь языка художественного произведения. Стиль, по мнению докладчика, определяется уже самим выбором темы, отношением к ней художника, средствами ее воплощения, претворяющимися в идейно-художественной ткани произведения. Именно с этой точки зрения и были рассмотрены в докладе поэтические произведения Самеда Вургунa.

А. Саровлу в докладе «Самед Вургун и теоретические принципы поэтического перевода» остановился на переводческой практике поэта, раскрыл справедливость и актуальность его высказываний об искусстве поэтического перевода, отметил роль, которую сыграл поэт в сближении деятелей литературы и самих литератур различных народов.

Истории издания произведений С. Вургунa посвятил свой доклад *Р. Тагиев*. Он особо остановился на обнаруженных им неизвестных произведениях поэта: статьях, лирических стихотворениях, поэмах «Эльдар-оглы», «Самур-дастаны» и др.

Связи творчества народного поэта Азербайджана с отдельными литературами народов СССР и зарубежных стран были освещены в выступлениях *В. Арзуманова* — «Самед Вургун и Прибалтика», *С. Лукьяновой* — «Самед Вургун и Белоруссия» и *И. Джафарпура* — «Самед Вургун и поэзия Иранского Азербайджана».

Говоря о творческих связях С. Вургунa с литовской, латышской и эстонской литературами, *В. Арзуманов* напомнил собравшимся высказывания поэта о романтизме в советской литературе, об откликах на них в поэзии народов Прибалтики, о поэтиче-

ских и прозаических произведениях прибалтийских литератур, посвященных личности С. Вургунa, о переводах его произведений на языки этих народов. С. Лукьянова проследила пути развития творческих взаимосвязей С. Вургунa с писателями Белоруссии, историю переводов его произведений на белорусский язык. И. Джафарпур осветил связи творчества С. Вургунa с поэзией Иранского Азербайджана, начиная с 1941 г., когда в местных газетах появились первые публикации стихов С. Вургунa и статьи о нем. Докладчик подчеркнул роль вургуновской поэзии в развитии демократической литературы и фор-

мировании творчества современных поэтов Иранского Азербайджана.

М. Ю. Гулизаде, подводя итоги проведенной научной сессии, отметил плодотворность ее работы. Он подчеркнул, что выступавшие затронули интересные, актуальные проблемы современного литературоведения, осветив их на фоне творчества замечательного азербайджанского поэта, которое сохраняет свое непреходящее значение не только для азербайджанской литературы, но и для художественной культуры всего советского народа.

С. Лукьянова

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ САМЕДУ ВУРГУНУ

В связи с 70-летием со дня рождения Самеда Вургун в Музее азербайджанской литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР была организована юбилейная выставка, посвященная жизни и творчеству поэта.

Выставка открывается большим портретом поэта. Рядом на стенде слова выдающегося французского поэта Луи Арагона: «Самед Вургун — гордость мировой и советской литературы».

На следующем стенде посетитель видит утопающее в зелени садов родное село поэта — Салахлы. Вот школьник — Самед, прижимающий к груди книги; рядом — портреты первых его учителей Фиридун-бека Кочарли, Али Гусейнова, Юсифа Касумова; на групповой фотографии запечатлен будущий поэт среди преподавателей и учеников казахской учительской семинарии. Привлекают внимание фотографии молодого Самеда Вургун, относящиеся ко времени его учебы во II Московском университете, и следующее за портретом стихотворение «Голос поэта», обращенное к товарищу по перу — впоследствии известному азербайджанскому поэту М. Мушфику.

Молодой поэт, как известно, был делегатом I Всесоюзного съезда советских писателей (1934). На стенде — групповая фотография: А. М. Горький и А. Н. Толстой среди азербайджанских писателей — делегатов съезда; в их числе — Самед Вургун, Джафар Джабарлы, Али Назим, Салман Мумтаз, Мехти Гусейн. На этом же стенде приведены отрывки из первых крупных произведений Самеда Вургун «Комсомольской поэмы» и поэмы «Двадцать шесть».

Строками из стихотворения «Азербайджан», ставшего народной песней, открывается раздел выставки, отражающий становление замечательного поэтического дара певца Азербайджана — поэта-лирика и трибуна. На фотографиях оживают самые яркие этапы жизни и творческой биографии поэта. Мы видим С. Вургун, награжденный орденом Ленина за достижения в обла-

сти развития советской литературы; его встречу с выдающимся таджикским поэтом Абулькасимом Лахути в Москве на юбилейных торжествах в связи с 15-летием Азербайджанской ССР; на другой фотографии — Самед Вургун рядом с известным русским поэтом Владимиром Луговским в период подготовки «Антологии азербайджанской поэзии» на русском языке.

Следующие стенды знакомят со сценической судьбой драматургических произведений поэта, удостоенных Государственной премии — с его драмами «Вагиф» и «Фархад и Ширин», а также пьесами «Ханлар» и «Инсан» («Человек»). Наряду с фотографиями, запечатлевшими сцены из спектаклей, на стендах представлены отрывки из его художественных произведений, фотокопии авторских рукописей, высказывания о творчестве поэта видных критиков и литературоведов.

Стенд, посвященный творчеству С. Вургун в период Великой Отечественной войны, открывается строками поэта:

«Родная земля моя, слушай меня:
Считай меня воинном с этого дня!»

Представленные здесь документы и материалы повествуют о поэте-патриоте, пламенном трибуне, активном участнике фронтовых газет, часто выступавшем перед бойцами со своими стихами.

На фотографии, датированной декабрем 1941 года, поэт снят в составе партийной делегации в Новороссийске; на другом снимке мы видим его в Кировабаде на встрече с Героем Советского Союза Исрафилом Мамедовым; рядом фотография — Самед Вургун среди писателей, награжденных медалью «За оборону Кавказа». К послевоенным годам относится снимок поэта, склонившегося над могилой неизвестного солдата на Вроцлавском кладбище. Вся эта впечатляющая экспозиция завершается строками Самеда Вургун из стихотворения «Рейхстаг»:

«Избавлена Европа от змен.
Спасли весь мир советские солдаты».

Мирной жизни советских людей, их созидательному труду посвящены следующие стенды, на которых цитируются отрывки из произведений поэта «Мугань» и «Айгюн», воспевающих самоотверженный труд строителей Мингечаура, счастливую судьбу раскрепощенной революцией азербайджанской женщины. На этих стендах помещена репродукция с картин «Наши горы» художника Эйюба Мамедова: Самед Вургун, положив руку на плечо старика-односельчанина, любуется величавым горным пейзажем родного края; на одной из фотографий поэт снят с прототипами героинь поэм «Слово о колхознице Басти» и «Мугань» — с Басти Багировой и Маней Керимовой; на другой — поэт в Исти-су, в центре большой группы представителей интеллигенции республики — писателей, поэтов на встрече с колхозниками. Все эти материалы дают наглядное представление о его тесном общении с тружениками родного края.

Самед Вургун в своем творчестве часто обращался к классическому наследию своих великих предшественников — бессмертных азербайджанских поэтов:

«Мы вырыли на свет из-под земли
Сокровища и тайны разных лет;
Нам брезжил, как заря, в седой пыли
Пергаментного свитка желтый цвет».

На стенде, открывающемся этим эпиграфом, мы видим Самеда Вургун — поэта, мыслителя и ученого — среди первых академиков Академии наук Азербайджанской ССР; далее следуют фотографии: Самед Вургун в Тбилиси — на юбилее Шота Руставели; в Ташкенте — на научной сессии, посвященной юбилею Навои; на юбилеях: Низами — в Кировабаде, Маяковского — в Москве, Давида Гурамишвили — в Тбилиси; на съездах писателей, совещаниях и симпозиумах — в республике и за ее пределами.

Тема дружбы народов, пронизывающая все творчество поэта, красной нитью прохо-

дит через экспозицию. Наиболее полно эта тема раскрывается последними стендами, демонстрирующими широкие литературные связи Самеда Вургун с писателями братских республик: на фотографиях С. Вургун со своими друзьями и товарищами по перу — А. Фадеевым, Н. Тихоновым, Назымом Хикметом, М. Шолоховым, А. Исаакиным, Г. Леонидзе, М. Турсунзаде, К. Симоновым, Г. Сарьяном, П. Тычиной. Рядом приводятся высказывания этих замечательных писателей и деятелей культуры о Самеде Вургуне.

Несколько стендов посвящено переводческой деятельности поэта: его вдохновенным переводам из Пушкина, Шота Руставели, Низами, Горького; здесь же мы знакомимся с переводчиками произведений Самеда Вургун, с литературоведами — исследователями его творчества.

Заключительный стенд выставки отражает активную общественную деятельность поэта, направленную на укрепление дела мира и взаимопонимания между народами. На стенде — отрывки из поэм «Читая Лерина», «Знаменосец века», «Негр говорит». С интересом смотрятся фотографии, запечатлевшие выступление Самеда Вургун на II Всесоюзном съезде писателей, а также его фотоснимки в Болгарии среди участников недели болгаро-советской дружбы, в Лондоне в группе делегатов Верховного Совета СССР, у могилы Карла Маркса.

Юбилейная выставка дает яркое, зримое представление о Самеде Вургуне — вдохновенном поэте и трибуне, пламенном борце за торжество ленинских идей.

Экспозицию завершают фотоматериалы, иллюстрирующие проведение 50-летнего юбилея поэта, запечатлевшие открытие дома-музея С. Вургун в Баку, величественный памятник поэту, работы скульптора Ф. Абдуррахманова на центральной площади города. На выставке широко представлены издания произведений поэта разных лет.

Г. Рагимова

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1976 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
Кононов А. Н. (Ленинград), Кенесбаев С. К. (Алма-Ата), Благова Г. Ф. (Москва). Всесоюзная тюркологическая конференция	3	3—9

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Агазаде Н. Г. (Баку). Сопоставление как основной метод типологического исследования	1	3—11
Алекперов А. К. (Баку). Лексическое значение в семиологической структуре слова	2	35—42
Габен фон А. (Ангер, ФРГ). Местоименные основы в современном уйгурском языке	3	25—30
Гаджиева Н. З. (Москва). Некоторые тенденции в развитии строя тюркских языков	2	3—12
Гаджиева Н. З. (Москва). О тенденциях в развитии морфологического строя тюркских языков	5	3—15
Грунина Э. А. (Москва). К истории семантического развития перфекта -miş	1	12—26
Грунина Э. А. (Москва). Роль глаголов -е и tug- в сложении современных аналитических форм индикатива в тюркских языках юго-западной группы	3	10—16
Кузнецов П. И. (Москва). К вопросу об имени прилагательном в турецком языке	6	3—14
Кулиев Г. К. (Баку). Сравнительно-исторический анализ лексико-семантического развития глаголов зрания в тюркских языках огузской группы	4	3—11
Махмутова Л. Т. (Казань). Формы прошедшего времени в мишарском диалекте татарского языка	3	17—24
Мельников Г. П. (Москва). Значения и смыслы простых форм гагаузского глагола настоящего и будущего времени	5	16—27
Нигматов Х. Г. (Бухара). Включенное третье в морфологической системе тюркских языков	3	31—36
Покровская Л. А. (Москва). Проницаемость порядка слов в тюркских языках	2	22—28
Псянчин В. Ш. (Уфа). К истории развития аффиксов сравнительной и уменьшительной степеней прилагательных в башкирском языке	6	15—23
Серебрянников Б. А. (Москва). К проблеме происхождения аффиксов страдательного залога -l-, -yl-/il-, -n-, -yn-/in- в тюркских языках	2	29—34
Тенишев Э. Р. (Москва). Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках	1	27—33

	№	Стр.
Щербак А. М. (Ленинград). О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках	2	13—21

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Боргояков М. И. (Абакан). Отношение тюркских языков Южной Сибири к языку сарыг-югуров	2	43—49
Гаркавец А. Н. (Киев). Уподобление армяно-кыпчакского глагольного имени на -gaп славянскому причастию и его синтаксические последствия	1	34—41
Дмитриева Л. В. (Москва). Монголизмы в тюркской растительной лексике	3	37—40
Добродомов И. Г. (Москва). Вопросы хронологии тюркских заимствований в славянских языках	6	24—37
Кара Д. (Будапешт). Монгольский «дэрэсүн» — тюркский <i>jez</i>	3	41—43
Каримходжаев Ш. (Нукус). Особенности освоения русским языком каракалпакских заимствований	5	28—35
Репьева Э. Н. (Каменец-Подольский). О некоторых тюркизмах в русском и украинском языках XV—XVI веков	5	36—42
Хертек Я. Ш. (Кызыл). О фразеологических параллелях в некоторых тюркских и современном монгольском языках	4	12—24

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Айзенштейн Н. (Москва). Несколько наблюдений над литературным памятником анатолийских сельджуков «Житие Бахаэддина Веледа»	3	48—54
Боргояков М. И. (Абакан). Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке)	3	55—59
Мартынецв А. Е. (Ленинград). Об особенности строфического оформления стихов Юнуса Эмре	3	44—47
Мартынецв А. Е. (Ленинград). О формах параллелизма в тюркском стихе	5	43—48
Старостов Л. Н. (Москва). Из наблюдений над языком прозы Назыма Хикмета	5	49—53
Стеблева И. В. (Москва). К вопросу о комплексном изучении древнетюркской культуры	4	25—30

ОНОМАСТИКА

Гулиева Л. Г. (Баку). Тюркская гидронимия Кубани	2	50—56
Чарыяров Б., Атаниязов С. (Ашхабад). Дialectы и туркменская антропонимия	1	42—48

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Амиров Р. С. (Алма-Ата). Синонимичные сказуемые формы в казахском языке и вопросы их интерпретации	6	38—45
Ганиев Ф. А. (Казань). К вопросу о сложных словах в современном татарском языке	4	31—37
Гусейнзаде А. (Баку). О вокализации тюрко-монгольского термина <i>ипуи-воуол</i>	2	57—64
Джанашиа Н. Н. (Тбилиси). О дистрибуции продуктивных показателей каузатива в турецком языке	3	60—65
Иванов С. Н. (Ленинград). Об изучении грамматики тюркских языков. История и современность	5	54—66
Маматов Н. (Ташкент). О классификации сложных слов в узбекском языке	4	38—45

№ Стр.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Аракин В. Д. (Москва). В. А. Гордлевский — исследователь тюркских языков . . . . . 5 67—74
- Базиянц А. П. (Москва). В. А. Гордлевский и реформа письменности тюркских языков . . . . . 5 75—77
- Лунин Б. В. (Ташкент). Академик А. Н. Кононов — историограф отечественной тюркологии и востоковедения . . . . . 3 72—77
- Тенишев Э. Р. (Москва). Академик А. Н. Кононов — ученый и организатор науки . . . . . 3 66—71

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Арсланов Л. Ш. (Елабуга). К вопросу возникновения гортанно-смычной фонемы «,» в касимовском говоре татарского языка . . . . . 6 60—65
- Ахундов А. (Баку). Опыт фонетического обобщения и грамматического описания названий частей тела человека в азербайджанском языке . . . . . 5 78—81
- Благова Г. Ф. (Москва). Заметки о взаимно-совместном залоге . . . . . 6 46—59
- Васильев Д. Д. (Москва). Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала . . . . . 1 71—81
- Васильев Д. Д. (Москва). Тюркская руническая надпись из окрестностей Баян-Кола (Тува) . . . . . 3 97—101
- Данияров Х. Д. (Сырдарья). Об этапах формирования староузбекского письменного-литературного языка и об участии кыпчакских диалектов в этом процессе . . . . . 6 66—69
- Дёрфер Г. (Геттинген, ФРГ). О трех количественных градациях гласных в тюркских языках . . . . . 4 56—71
- Кенесбаев С. К., Джанузаков Т. Д. (Алма-Ата). О лексических пластах ономастики казахского языка . . . . . 3 78—88
- Клейнмихель З. (Берлин). Глаголы говорения в «Марзубан-наме» и у Якаба Надь де Харшаня . . . . . 3 102—113
- Клейнмихель З. (Берлин). Современное состояние тюркологии в Германской Демократической Республике . . . . . 4 93—107
- Кляшторный С. Г. (Ленинград). Руническая эпиграфика Южной Сибири (Наскальные надписи Тепсея и Турана) . . . . . 1 66—70
- Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. (Москва). Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия) . . . . . 1 58—65
- Лауде-Циргаугас И. (Сиятл, США). К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках . . . . . 4 72—86
- Левитская Л. С. (Москва). Чувашские этимологии . . . . . 3 89—92
- Мамедов М. Б. (Баку). О некоторых особенностях публицистического стиля . . . . . 1 49—57
- Наджиб Э. Н. (Москва). О языке памятника начала XIII в. «Кысса-и Юсуф» Али . . . . . 2 74—88
- Насилов Д. М. (Ленинград). Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет . . . . . 1 82—101
- Нурмекунд П. (Тарту). На пороге эстонской алтаистики . . . . . 3 114—120
- Орлов С. А. (Москва). Языковая реформа и лексикографическая работа в Турции . . . . . 2 89—97
- Орусбаев А. (Фрунзе). К исследованию фонетической системы киргизского языка . . . . . 2 65—67
- Садыкова М. (Ташкент). Средства выражения степени действия и состояния в современном узбекском литературном языке . . . . . 2 68—73
- Тумиянц Л. Р. (Ашхабад). О неграмматичности категории числа имен существительных в туркменском языке . . . . . 4 46—55
- Умаров Э. А. (Ташкент). Рифма и реди́ф как фактор образования фразеологических вариантов . . . . . 3 93—96
- Унгуицкая М. А. (Абакан). Проблема фольклоризма и литературы тюркских народов Сибири . . . . . 1 102—112

	№	Стр.
Чарьяров Б., Алтаев С. (Ашхабад). Туркменская лексикография	3	120—122
Чарьяров Б. (Ашхабад). Исследование актуальных проблем туркменской филологии	4	87—92

РЕЦЕНЗИИ

Ахметьянов Р. Г. (Казань). Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке	1	117—120
Баскаков Н. А. (Москва). K. Dąbrowski, T. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski. Nipowie europejscy, protobułgarzy, chazarowie, pieczyngowie	2	106—107
Баскаков Н. А. (Москва). О. Я. Прик. Очерк грамматики караимского языка	5	88—89
Гарипов Т. М. (Казань), Кляшторный С. Г. (Ленинград). Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа	4	112—113
Добродомов И. Г. (Москва). Г. В. Лукоянов. Марийские заимствования в чувашском языке	5	86—88
Дулина Н. А., Медведева Л. Я. (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques» tome V	2	109—112
Караев А. (Ашхабад). Д. Нуралыев. Чепер мазмунуң дифференцирлениш процесси	5	85
Кляшторный С. Г., Фадеева И. Е. (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques», tome VII	5	90—92
Кляшторный С. Г., Фадеева И. Е. (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques», tome IV	2	107—109
Кондратьев В. Г. (Ленинград). Turkologischer Anzeiger (1). Sonderausdruck aus: «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes»	4	118—119
Кулиев Г. К. (Баку). Ф. Р. Зејналов. Түрк дилләринин мугајисәли грамматикасы	2	102—104
Мамедов М. А., Ахмедов С. А., Туйчибаев Б. Т. (Сырдарья). Х. Дониёров. Эски ўзбек адабий тили ва қипчок диалектлари	4	113—116
Мирзаев М. М., Абдуллаев А. Б., Киличев Э. Р., Нигматов Х. Г. (Бухара). С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики	1	113—117
Мусаев К. (Москва). Б. Хасанов. Языки народов Казахстана и их взаимодействие	5	82—83
Сабиров К. С., Рамазанова Д. Б. (Казань). Ф. С. Сафиуллина. Татар телендә сүз тәртибе	2	104—106
Умаров Э. А. (Ташкент). Я. Ш. Хертек. Тувинско-русский фразеологический словарь	5	83—84
Фадеева И. Е. (Ленинград). «Turcica. Revue d'etudes turques», tome VI	4	116—118
Хабишев М. А. (Карачаевск). К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении	4	108—111
Хабишев М. А. (Карачаевск). Х. Данияров. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком	5	92—94
Шукюров А. Дж. (Баку). «Грамматика хакасского языка»	2	98—101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Басилов В. Н., Благова Г. Ф. (Москва), Каскабасов С. А. (Алма-Ата), Кормушин И. В., Насилов Д. М., Султанов Т. И. (Ленинград). Всесоюзная тюркологическая конференция	6	82—100
Баскаков Н. А. (Москва). Сессия Постоянной Интернациональной Алтаистической Конференции (ПИАК)	4	120—122
Беляева Н., Васильев Д., Ли Ю., Маштакова Е., Орешкова С., Юсипова Р. (Москва). 100-летний юбилей академика В. А. Гордлевского	5	95—99
Лукьянова С. (Баку). Научная сессия, посвященная 70-летию со дня рождения Самеда Вургуня	6	100—102

	№	Стр.
Ханзафаров Н. Г. (Казань). Научная конференция, посвященная Мусе Джалилю	2	113—114

PERSONALIA

Абдуллаев Б. Т. (Баку). Алигейдар Алиаббас оглы Оруджев	2	115—117
Аганин Р. А. (Москва). Соломон Сергеевич Майзель	4	123—125
«Андрей Николаевич Кононов»	3	123—125
Бектенов З. Б. (Фрунзе). Кусани Карасаевич Карасаев	1	121—122
«Дадашзаде М. А.» (Баку). Литературно-критическое наследие Самеда Вургуна	6	78—81
Кононов А. Н. (Ленинград). Слово об Эрванде Владимировиче Се- вортяне	5	100—104
Севортян Э. В. (Москва). Фазыл Гарифович Исхаков	5	105—107
Сейдов И. С. (Баку). Самед Вургуи, каким я его знал	6	70—77

ХРОНИКА

«Азербайджанско-русские литературные связи начала XX в.»	2	123—124
Благова Г. Ф., Серова Л. Г. (Москва). Второе пленарное заседание Советского Комитета тюркологов	2	118—121
«Вопросы синтаксиса узбекской разговорной речи»	5	109
«Казахская народная песня»	2	121
Левитская Л. С. (Москва). Пятидесятилетие сектора тюркских и мон- гольских языков	5	108—109
«Основные вопросы исторической морфологии казахского языка»	2	122—123
Программа требований по тюркскому языкознанию для поступающих в аспирантуру Академии наук СССР	1	123—124
Рагимова Г. (Баку). Юбилейная выставка, посвященная Самеду Вургуну	6	103—104
«Синтаксис предложений с зависимыми конструкциями в казахском языке»	2	122
«Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система»	2	124—125

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- П. И. Кузнецов* (Москва). К вопросу об имени прилагательном в турецком языке 3
- В. Ш. Псянчин* (Уфа). К истории развития аффиксов сравнительной и уменьшительной степеней прилагательных в башкирском языке 15

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- И. Г. Добродомов* (Москва). Вопросы хронологии тюркских заимствований в славянских языках . . . . . : 24

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Р. С. Амиров* (Алма-Ата). Синонимичные сказуемые формы в казахском языке и вопросы их интерпретации 38

СООБЩЕНИЯ

- Г. Ф. Благова* (Москва). Заметки о взаимно-совместном залоге 46
- Л. Ш. Арсланов* (Елабуга). К вопросу возникновения гортанно-смычной фонемы «,» в касимовском говоре татарского языка 60
- Х. Д. Данияров* (Сырдарья). Об этапах формирования староузбекского письменного-литературного языка и об участии кыпчакских диалектов в этом процессе 66

PERSONALIA

- И. С. Сеидов* (Баку). Самед Вургун, каким я его знал 70
- М. А. Дадашзаде* (Баку). Литературно-критическое наследие Самеда Вургуна 78

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- В. Н. Басилов, Г. Ф. Благова* (Москва), *С. А. Каскабасов* (Алма-Ата), *И. В. Кормушин, Д. М. Насилов, Т. И. Султанов* (Ленинград). Всесоюзная тюркологическая конференция 82
- С. Лукьянова* (Баку). Научная сессия, посвященная 70-летию со дня рождения Самеда Вургуна 100

ХРОНИКА

- Г. Рагимова* (Баку). Юбилейная выставка, посвященная Самеду Вургуну . 103
- Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1976 году (№№ 1—6) . . . . . : 105

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- P. I. Kuznetsov* (Moscow). On the problem of adjectives in the Turkish language 3
V. Sh. Psyanchin (Ufa). On the development of affixes of comparative and diminutive degrees of adjectives in the Bashkir language 15

LANGUAGES IN CONTACT

- I. G. Dobrodomov* (Moscow). The problems of the chronology of Turkic borrowings in the Slavic languages 24

DISCUSSIONS

- R. S. Amirov* (Alma-Ata). Synonymic predicative forms in the Kazakh language and the problem of their interpretation 38

REPORTS

- G. F. Blagova* (Moscow). Notes on intercompatible voice 46
L. Sh. Arslanov (Yelabuga). On the problem of the formation of guttural-occlusive phoneme « , » in the Kassimov dialect of the Tatar language 60
Kh. D. Daniyarov (Syr-Darya). On the phases of formation of old-Uzbek written literary language and on the participation of Kipchak dialects in this process 66

PERSONALIA

- I. S. Seidov* (Baku). Samad Vurghun — how I knew him 70
M. A. Dadash-zada (Baku). Samad Vurghun's literary-critical heritage . . . 78

SCIENTIFIC LIFE

- V. N. Basilov*, *G. F. Blagova* (Moscow), *S. A. Kaskabasov* (Alma-Ata), *I. V. Kormushin*, *D. M. Nasilov*, *T. I. Sultanov* (Leningrad). All-Union Turkological Conference 82
S. Lukyanova (Baku). Scientific Session dedicated to Samad Vurghun 100

CHRONICLE

- G. Raghimova* (Baku). Jubilee exhibition dedicated to Samad Vurghun 103
 * * *
 References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1976 (Nos. 1—6) . . 105

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова, С. В. Лисикова*

Сдано в набор 13/IV-1977 г. Подписано к печати 1/VI-1977 г. ФГ 03197. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 7526. Тираж 3085. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал